

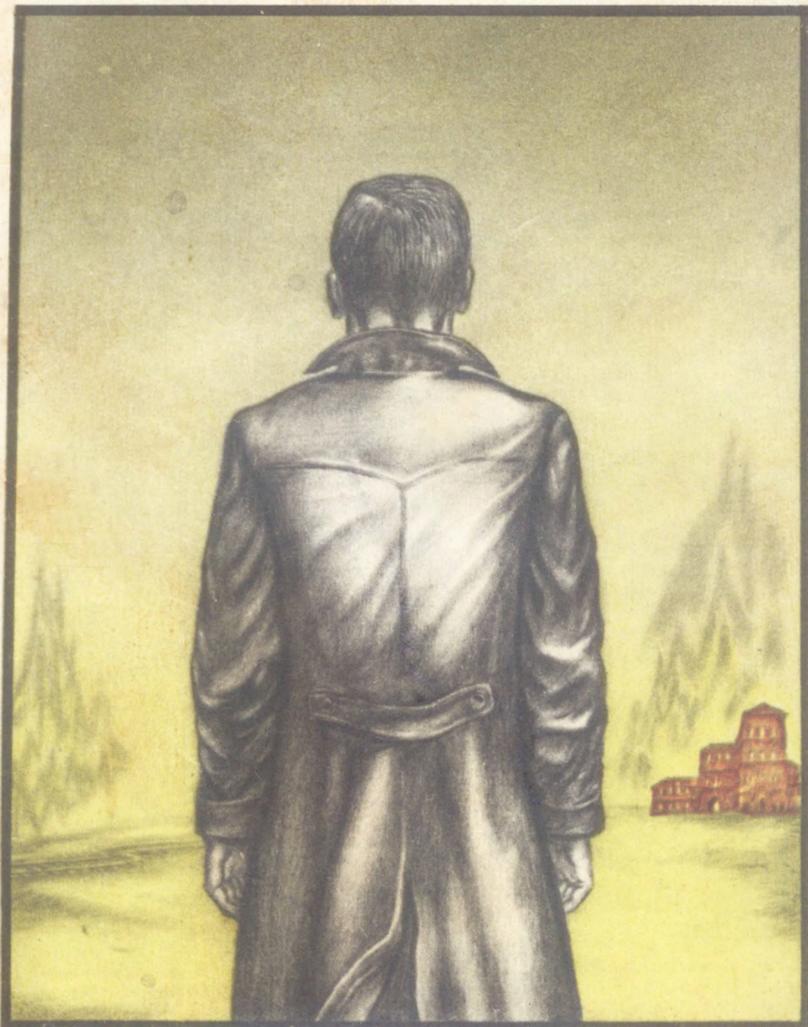
НФ

НФ

ISSN 0132-6783

СБОРНИК НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

ВЫПУСК 25

25

СБОРНИК НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

Выпуск 25

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»
МОСКВА 1981**

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Защищай меня мечом, а я буду
защищать тебя пером,
Уильям Оккам

Еще в средние века зародился принцип, известный ныне как «бритва Оккама». Он гласит: «Не следует умножать число сущностей сверх необходимости». Не берусь судить, действительно ли принадлежат эти замечательные слова францисканцу Уильяму Оккаму или их высказал кто-то другой. Дело не в этом. Принцип Оккама вошел в кровь и плоть современной науки. Это краеугольный камень логического анализа, источник ясности и простоты. До тех пор пока явление может быть объяснено с помощью реальных компонентов мира, не следует выдумывать нечто несуществующее, каким бы заманчивым оно ни казалось. Статуи с острова Пасхи, пирамида Хеопса, мегалитические постройки в горах Антиливана в принципе могли принадлежать космонавтам, побывавшим на нашей земле в доисторические времена. Но это, по меньшей мере, противоречит Оккамову принципу, отсекается его беспощадной бритвой. Проще считать, что все на земле сработано руками землян, далеких наших предков. Иное дело, частица — призрак нейтрино, постулированная Паули в тот самый момент, когда он отчаялся объяснить утечку импульса при бета-распаде с помощью имеющихся в наличии частиц. И не удивительно, что нейтрино, в конце концов, были обнаружены в эксперименте, тогда как сносшибательные гипотезы создателя фильмов «Послание богов» и «Воспоминание о будущем» герра фон Деникена лопнули, словно мыльные пузыри. Они явно оказались не в ладу с бритвой, отточенной еще во времена Лунса Скотта.

Научная фантастика недаром является порождением научно-технической революции. От науки фантастика унаследовала любовь к логическому мышлению, а следовательно, и незабвенную бритву, оберегающую ее от эпигонских подделок.

У фантастики есть свои «вечные» темы: космические путешествия, разумные машины, пертурбации с временем и пространством, всевозможные пришельцы и т. п.

В этом сборнике несколько рассказов («Диалог» Л. Панасенко, «Что такое не везет» В. Покровского) по сути «эксплуатируют» одну и ту же вечную тему контакта. Одну и ту же фантастическую ре-

лию мира, но повернутую разными гранями, исследуемую с различными целями. В итоге: широкая жанровая палитра. От юморески до философской сказки.

Генеральная идея, движущая фабулой новаторского научно-фантастического произведения, всегда оригинальна и неповторима. Скажем, кто-то из фантастов написал первый рассказ о полете к астероиду X. Неизбежная инфляция идеи уже не позволит его преемнику послать свою ракету просто на астероид Y. И поскольку экономный принцип Оккама разрешает ему оплатить возделенную новизну монетой только в одну новую сущность, он эту сущность и придумывает. Например, сажает в ракету (в докосмическую эру это было вполне позволительно) подопытное животное. Предположим, мышонка. В итоге мог бы получиться трогательный рассказ для дамского журнала. Иное дело — взять да и наделить такого мышонка разумом. Пусть не навсегда, а только на время путешествия, как это, собственно, и случилось с бедным Митки в рассказе Фредерика Брауна «Звездная мышь». Каждый новый поворот фабулы оплачен здесь лишь одной новой сущностью. Как видим, пока все получается довольно логично. Но вот мы доходим до заключительной сцены, где Митки вновь сидит в своей клетке, тесно прижавшись к забытой длиннохвостой подруге. Неосторожное прикосновение к заряженной пластине лишило космического странника чудесно обретенного разума. Но можно ли это считать потерей? Несчастен ли маленький диснеевский Микки-маус, которому примерещилась на миг суверенная мышинная утопия, мирно сосуществующая с людьми? Право, ради одних лишь раздумий над этим стоило написать историю Митки, столь банальную на первый взгляд.

Я не пытался анализировать достоинства или недостатки милой миниатюры Брауна, а лишь проиллюстрировал на ней давным-давно известную истину, что писателю, кроме мастерства, нужен еще и талант. Принцип Оккама в фантастике — это непреложный закон профессионализма. Талант же возводит его в атрибут искусства, а если писателю это почему-то необходимо, дает право нарушить не только сам принцип, но и все классические схемы учебников по теории литературы, схемы, которые начинаются, как известно, с завязки и заканчиваются развязкой.

Впрочем, если мы попытаемся проанализировать лучшие образцы научно-фантастической новеллы, то легко убедимся, что принцип Оккама нарушается крайне редко. И это вполне понятно. Подлинному искусству, как и науке, свойственна величественная сдержанность, аскетическая экономия новых сущностей мира.

Я уже не раз отмечал, что фантастика постоянно варьирует эти краеугольные его кирпичи. Она либо придумывает нечто совершенно новое, либо, напротив, убирает из нашей жизни привычное и

обыденное. А потом с некоторым любопытством смотрит, что, дескать, из всего этого получится. Как справится герой с новой ситуацией, как будет реагировать на неожиданно свалившееся на него чудо? Как скоро, наконец, сумеет компенсировать внезапную пропажу? Петер Шлемиль у Шамиссо продает свою тень черту, а потом пробует продолжить нормальную жизнь в обыденном филистерском мирке. Понятно, что у него из этого ничего не выходит. Затхлый мирок не может простить Шлемиллю утраты пусть с виду не очень важного, но все же неперемного компонента мира — тени. Уэллс же, напротив, обогащает своих героев новой мировой реальностью — кейворитом. Это экранизирующее тяготение вещества вторгается в почти столь же затхлую атмосферу тогдашней Англии и вносит в нее известную сумятицу. Но, как того требует теория гомеостата, равновесие восстанавливается, следствием чего и является прогулка на Луну. Уэллс буквально забросал своих героев такими вот новыми сущностями. Здесь и невидимость, и легендарный плод с дерева познания, и зеленый порошок, способный перенести провинциального учителя в зеркально отраженный мир, и набившая ныне оскомину машина времени.

Итак, два противоположных пути, дающие в итоге одинаковые результаты. Но писатель-фантаст может пойти и третьим путем, так сказать, компромиссным. Ничего не добавляя и ничего не унося из окружающего мира, он может просто изменить его составляющие. Уменьшить скорость света, как это сделал А. Беляев (рассказ «Светопреставление»), или изменить ход времени, на что хоть однажды да покушался каждый уважающий себя фантаст. Последствия такого искажения мировых констант, понятно, могут быть самыми разными. Но, опять же в итоге, они дают тот же самый результат, что и тихие игры с прибавлением и убавлением.

В этом смысле фантастика и представляет собой игру с мировыми сущностями. Такой она была в незапамятные времена, такой она осталась и теперь. С той лишь разницей, что в эпоху мистерий и мифов людская фантазия все же чаще обогащала действительность. Может быть, потому, что жизнь человека была тогда слишком скудна. Но так или иначе, а идею о том, что новое — это обязательно хорошо, люди пронесли почти до конца прошлого века.

Потом, как известно, наступило разочарование и некоторая переоценка ценностей. Утопия обрела зеркального двойника — антиутопию, роман-предупреждение.

В сборнике читатель найдет научно-фантастические произведения разных направлений и жанров. Здесь и остросюжетная, очень динамичная повесть В. Колупаева «Толстяк» над миром», и поэтический очерк Вл. Гакова «Сказание о Марсе», посвященный гениальному мастеру Рэю Брэдбери, и даже киносценарий.

«Машина желаний» А. и Б. Стругацких представляет собой один из первых вариантов киносценария фильма «Сталкер», поставленного Андреем Тарковским. Читателю, на мой взгляд, интересно будет проследить трансформацию тех или иных фантастических решений на сложном пути от повести («Пикник на обочине») до кинокартины. Происхождение и загадочные особенности «Зоны» можно объяснить по-разному. В принципе есть две альтернативные гипотезы: место случайного приземления посланцев (возможно, неодушевленных автоматов) иной, причем далеко обогнавшей нас, цивилизации и просто заколдованное место. Почти по Гоголю. Но оба пути — научно-фантастический и просто фантастический в итоге сводятся к единой точке — к острому столкновению человека с неведомым, когда жесткой проверке подвергается все: интеллект, скорость реакции, физическая выносливость и, главное, духовность, мораль. Привычный для научной фантастики вопрос: возможен ли контакт с принципиально иной формой жизни трансформируется в бескомпромиссное: готовы ли люди к такому контакту? Готово ли к нему общество, которое они представляют?

Несмотря на то что Проводник, Профессор и Писатель возвращаются, не дойдя каких-нибудь двух шагов до цели, Стругацкие не дают однозначного ответа. И это не случайно. Именно в постановке вопроса кроется глубинная суть, ибо критерием человечности всегда была самооценка, попытка, зачастую бесплодная, поставить себя на место другого. Мир, в который возвращаются герои «Машины желаний», отмечен клеймом отчуждения. Вывод, таким образом, напрашивается сам собой.

Тематическое разнообразие сборника бесспорно обогащает повесть Эрика Рассела «И послышался голос». Ее герои — люди Земли — тоже отправляются в опасную, чреватую грозной неизвестностью «зону», расположенную, однако, на далекой планете. Это произведение, несмотря на присущий ему трагизм, оптимистично в высоком смысле этого слова. Его героев, говоря словами И. Ефремова, судьба «удостоила» встречи с неведомым. Они были первооткрывателями и отдали жизнь во имя познания нового.

Тем, наверное, и привлекательна фантастика для миллионов и миллионов, что она заражает сердца ожиданием неизведанного.

Еремей Парнов

■ ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

АРКАДИЙ СТРУГАЦКИЙ
БОРИС СТРУГАЦКИЙ

Машина желаний

Несколько лет назад нам выпала честь участвовать в создании фильма «Сталкер». Режиссер Андрей Арсеньевич Тарковский первоначально взял за его основу четвертую главу нашей повести «Пикник на обочине». Однако в процессе работы (около трех лет) мы пришли к представлению о картине, ничего общего с повестью не имеющей. И в окончательном варианте нашего сценария остались от повести лишь слова-термины «Сталкер» и «Зона» да мистическое место, где исполняются желания. Фильм вышел на экраны и у нас, и за рубежом. О нем много и разнообразно говорят, но сходятся в одном: он чрезвычайно сложен и многозначен. Кроме того, никто не сомневается, что это работа высшего международного класса. И да не будут приняты эти слова за самохвальство! Главная заслуга в создании фильма «Сталкер» принадлежит А. Тарковскому, мы же были только его подмастерьями.

А сейчас читателю предлагается один из первых вариантов сценария, в котором будущий «Сталкер» едва проглядывается. Нам любезно предложили опубликовать его, полагая, видимо, что картина, будь она снята по нему, тоже имела бы право на существование.

А. Стругацкий

ДОМ СТАЛКЕРА

Грязная захламленная квартира. Раннее зимнее утро, за окнами тьма. Угрюмый мужчина отбрасывает одеяло, тихонько поднимается с кровати. Берет в охапку одежду, на цыпочках выходит в ванную и начинает одеваться. И не замечает, как в дверях ванной появляется его жена, встрепанная со сна, неопрятная, в заношенной ночной рубашке.

— Куда это ты ни свет ни заря? — спрашивает она.

Он не отвечает. Попался.

— Куда ты собрался, я тебя спрашиваю?

— На кудыкину гору... Скоро приду. Дело есть. Спи иди.

— Что значит скоро?

— Сказал — приду, значит — приду. Иди спи.

— Не ври. Я знаю, куда ты идешь. И не думай даже. Не пущу.

— Уймись! И не ори...

— Не пущу! Я как чувствовала: опять он за старое! В тюрьму захотелось?

— Да уж лучше тюрьма, чем это... чем такая жизнь. Хватит с меня.

— Никуда ты не пойдешь.

Он резко выпрямляется. Она кричит:

— Ну ударь, ударь — это ты можешь! Чего же ты? Тряпка ты, тряпка! Где твоё слово? Ты посмотри, в кого ты превратился!

— Уймись, говорю! Ребенка разбудишь...

— И разбужу! Пусть посмотрит на палочку! Эх ты! Ну где же твоё слово? Слово твоё где? Как вор, на цыпочках...

— Так я и есть вор! Чего ты вдруг? Америку открыла? Только я не у людей беру... Я сказал уймись!

— Нет уж, теперь я не уймусь. Пять лет в Зону ходил — я молчала. Только каждую минуту ждала, что тебя пристукнет. В тюрьме сидел — я молчала. Ты от меня хоть одно слово слышал, а? Два года от тебя в доме ни гроша не видели — я молчала! Браслет, мамину память, стацил, на ипподроме просадил — думаешь, я не знаю, куда он делся?..

— Замолчишь ты или нет?

— Послушай. Ну я тебя прошу! Я тебя никогда ни о чем не просила. Ну хочешь на колени стану... Подожди, подожди, я сейчас...

Она выскакивает из ванной и тут же возвращается с конвертом в руках.

— Ну вот, здесь десятка, хочешь? Возьми, сходишь с ребятами на скачки... а может, и правда повезет...

— Ты что мне суешь? Спятила? Это же на врача отложено...

— Ничего, я еще достану. Я займу... Ты только не ходи туда...

— Уймись ты наконец! Ты можешь помолчать?! Не займешь ты ничего, никто тебе не даст больше... Ты посмотри, на что ты стала похожа! Нельзя так жить больше!

— Ты же обещал! Ты мне слово давал!

— Дурак был, вот и давал. Сама виновата! Сама же ты меня до этого довела! Чтобы я, сталкер, побирался? На твои гроши жил? Все. Лучше не мешай.

— Тебе же обещали работу! Ты мне сам говорил! Ты же на такси собирался работать.

— Тыфу ты, опять она с этим такси! Сколько раз я тебе говорил: не буду я на них работать! Никогда не работал и не буду! Пусть сами на меня работают! Отойди от двери!

— Не отойду!

— Оттого, что я перестал туда ходить, что изменилось?! Дочка выздоровела? Или денег больше стало?

— А если ты вообще не вернешься?

— Не каркай! Ворона! А не вернусь — туда и дорога!

Он отпихивает ее.

— Ну и кетись! — кричит она. — Чтоб ты там сгнил! Проклятый день, когда я тебя встретила! Подонок! Сам бог тебя таким ребенком проклял! И меня из-за тебя, подлеца! Вор! Вор! Вор!

Заплакала девочка. Хлопнув дверью, он выходит на площадку. Грязноватый пролет ярко освещен лампочкой без плафона.

Пролетом ниже, на площадке в углу торчит, заметно покачиваясь, какой-то хорошо одетый человек без шляпы, в испачканном пальто. Широченный цветастый шарф, выбившись, свисает до полу. При ближайшем рассмотрении видно, что незнакомец мертвецки пьян.

ЗАБЕГАЛОВКА

Пройдя квартал по темным заслякощенным улицам под мокрым снегом, Сталкер входит в забегаловку, открытую круглые сутки. Пусто, кельнер дремлет за стойкой.

За одним из столиков сидит над чашкой кофе Ученый. При виде Сталкера он смотрит на часы, но тот машет ему рукой:

— Подожди, я кофе выпью.

Берет у стойки чашку кофе, садится напротив Ученого, пьет. Ученый глядит на него.

— Ты, в общем-то, не очень рассчитывай. Может, нам еще и вернуться придется. Это как погода... Так что не радуйся заранее. Пошли. Фонарь не забыл?

— Не забыл, в машине.

Они выходят из кафе и садятся в машину, стоящую неподалеку. Сталкер садится за руль. Машина трогается.

ОСОБНЯК ПИСАТЕЛЯ

Все окна ярко освещены. Слышится музыка, пьяные голоса, женский смех. У ворот ограды стоят двое — Писатель и один из его гостей. Писатель в длинном черном пальто и вязаном шарфе. Гость стоит перед ним с початой бутылкой и рюмкой в руках.

— Дорогой мой! Мир по преимуществу скучен, — вещает Писатель, слегка покачиваясь и размахивая пальцем. — Непроходимо скучен, и поэтому ни телепатии, ни привидений, ни летающих тарелок... ничего этого быть не может.

— Однако же меморандум Кемпбела...— слабо возражает гость.

— Кемпбел — романтик. Пара авис ин террис, таких больше нет. Мир управляется железными законами, и это невыносимо скучно. Неужели вы никогда не замечали, что интересно бывает только тогда, когда законы нарушаются? Но, увы, они не нарушаются. Никогда. Они не умеют нарушаться. И не надейтесь ни на какие летающие тарелки — это было бы слишком интересно...

— Однако же Бермудский треугольник... Вы же не станете спорить...

— Стану. Спорить. Нет никакого Бермудского треугольника. Есть треугольник а-бэ-цэ, который равен треугольнику а прим-бэ прим-цэ прим... Вы чувствуете, какая тоскливая скука заключена в этом утверждении? Это в средние века было интересно. Были ведьмы, привидения, гномы... В каждом доме был домовый, в каждой церкви был бог... Люди были молоды, вы понимаете? А сейчас каждый четвертый — старец. Скучно, мой ангел. Ой как скучно!

— Но вы же не будете спорить, что Зона... порождение сверхцивилизации, которая...

— Да Зона не имеет никакого отношения к сверхцивилизации. Просто проявился еще один какой-то паршивый скучный закон, которого мы до этого не знали... А хотя бы и сверхцивилизация... Тоже, наверное, скука... Тоже какие-нибудь законы, треугольники, и никаких тебе домовых и никакого бога...

Гудок машины. Писатель оборачивается.

— Это за мной,— говорит он.— Прощайте, друг ситный...

Он забирает у гостя бутылку и идет к машине.

В отсветах фар возле водительской двери появляется мокрое веселое лицо, которое, впрочем, тут же недоуменно вытягивается.

— Пардон,— произносит Писатель.— Я думал, это за мной.

— За вами, за вами,— говорит Проводник.— Садитесь сюда.

— А, вы здесь... прелестно. А кто же этот тип? По-моему, он в очках...

— Быстро!

Машина резко берет с места.

Писатель заваливается на заднее сиденье.

— Надо вам сказать,— говорит он, чуть запинаясь,— я испытал некоторый шок: откуда очки? Почему на моем проводнике очки?..

Ученый поджимает губы.

— Очки — это, как ни крути, признак интеллигентности! — объявляет Писатель.

Проводник произносит через плечо:

— Напился?

— Я? В каком смысле?.. Ни в коем случае. Я не напился. Я вы-

пил. Направляясь на рыбную ловлю. Ведь мы направляемся на рыбную ловлю. А?

ЗАСТАВА

Машина останавливается на проселке. Вокруг смутно виднеются мокрые кусты. Проводник бесшумно выходит из машины и идет туда, где в конце проселка влажно лоблескивает асфальт. Ученый тоже выходит, догоняет его и идет рядом.

— Зачем вы взяли этого интеллектуала? — говорит он.

— Ничего, — отвечает Проводник. — Он протрезвеет. Я вам обещаю. — И, помолчав, добавляет: — А потом, его деньги ведь ничуть не хуже ваших...

Ученый быстро взглядывает на него, но не говорит больше ни слова. Они останавливаются на перекрестке и из-за кустов смотрят на Заставу в сотне метрах впереди по шоссе. В маленьком домике горит одинокое окошко. Рядом в мертвом свете мощного прожектора чернеют два мотоцикла с колясками и бронированная патрульная машина. Вправо и влево от шоссе уходят через холмы стены с колючей проволокой и вышками, оснащенными пулеметами. Ворота в Зону распахнуты настежь.

— Патруль, — говорит Проводник.

— Они все спят, — шепчет Ученый. — Разогнаться как следует и проскочить на полной скорости... Они и мигнуть не успеют.

— Стратег, — говорит Проводник. — Быстрота и натиск...

Он смотрит вниз, на здание Заставы, на которое медленно наползает серый клочковатый туман. Через несколько минут он проглатывает и здание Заставы, и ворота, и стену. В серой мути, как угнувшийся фонарь, маячит тусклое пятно света.

— Вот так-то лучше, — говорит Проводник.

Они быстро возвращаются к машине.

Писатель, заснувший на заднем сиденье, вскидывается.

— А? — зычно произносит он. — Приехали?

Проводник поворачивается и, взяв его пятерней за физиономию, с силой отталкивает назад. Писатель ошеломленно таращит глаза, затем говорит шепотом:

— Понял... Понял... Молчу...

Машина трогается, на малых оборотах выползает на шоссе, сворачивает и тихо, очень тихо, в полном соответствии со знаками, ограничивающими скорость, светящимися на обочине, катится мимо Заставы. Когда она входит в луч прожектора, клубящийся в тумане, на черном мокром кузове ее видны надписи на трех языках: «ООН. Институт внеземных культур».

Неожиданно сзади раздается пулеметная очередь. В тумане вспыхивает фиолетовый прожектор охраны.

Машина на бешеной скорости несется во тьме по мокрому проселку. Проводник с потухшим окурком в углу рта — за рулем. В ответах фар поблескивают очки его соседа справа. Писатель, весь подавшись вперед, держится обеими руками за спинки передних сидений и напряженно смотрит на дорогу. Он уже заметно продрезвел.

Проводник сбрасывает газ, и машина с потушенными фарами осторожно сползает с проселка, вваливается в кювет, вылезает из него и, пофыркивая двигателем, вламывается в кусты. Потом двигатель затихает, гаснут подфарники и голос Проводника произносит во тьме:

— Быстрее. Ползком за мной. Головы не поднимать, мешок держи вот так, слева. Не бойтесь, они нас не видят. Если кого зацепит, — не орать, не метаться: увидят — убьют. Ползи назад, выйди на шоссе. Утром подберут. Все ясно?

— Я бы хлебнул... — тихонько говорит Писатель.

— Уймись, запойный... Пошли.

ПЕРЕД ПОХОДОМ

Темный неосвещенный туннель. Поблескивают рельсы в пляшущем свете электрического фонаря. Троица взгромождается на узкую платформу электродрезины. Синяя искра на мгновение с треском озаряет сырой свод. Мимо проплывает лампочка, горящая вполнакала.

— Как красиво, — говорит Писатель. — Темнота и ничего не видно... А вы в самом деле профессор?

— Да.

— Меня зовут... — начинает Писатель, но Проводник прерывает его:

— Тебя зовут Писатель.

— Гм... — говорит Профессор. — А меня как, в таком случае?

— А тебя — Профессор, — отвечает Проводник.

— Меня зовут Профессор, и я профессор.

— Польщен, — говорит Писатель. — Значит, я — писатель, и меня, естественно, все зовут почему-то Писатель. Представляете, как неудобно?

— Известный писатель?

— Нет. Модный.

— И о чем же вы пишете?

— Да как вам сказать... В основном, о читателях. Ни о чем другом они читать не хотят.

— По-моему, они правы, — замечает Профессор. — Ни о чем другом и писать, наверное, не стоит.

— Они не совсем правы. Писать вообще не стоит. Ни о чем.

А вы — химик?

— Скорее физик.

— Тоже, наверное, скука, а?

— Пожалуй. Особенно когда долго не везет...

Туннель позади. В предрассветной темноте, озаряемая искрами от тролля, электродрезина катит по насыпи.

— А у меня наоборот,— говорит Писатель.— У меня скука, когда долго везет...

— Это кому долго везет? — осведомляется Проводник.— Ты же каждый день на скачках просаживаешься.

— Уважаемый Соколиный Глаз! — провозглашает Писатель.— Мы с Профессором говорим о совсем других скачках. Мы с ним скачем всю жизнь, и это называется у нас не стилль-чез, а отражение объективной действительности, или, говоря языком профанов, поиски истины. Она прячется, а мы ее ищем. Найдем, поймем, побалуемся и скачем дальше. Верно, Профессор?

— Моя истина, во всяком случае, не прячется,— отвечает Профессор.— «Бог хитер, но не злонамерен».

— Дьявол,— поправляет Писатель.

— Эйнштейн говорил — «бог», а имел в виду природу.

— А манихейцы говорили — «дьявол», и имели в виду дьявола. Так вот ваш дьявол, может быть, и не злонамерен: он как спрятал вашу истину в самом начале один раз, так и плюнул на нее. А вы ходите и копаете — то в одном месте, то в другом. В одном копнули — ага, ядро состоит из протонов. В другом месте копнули — красота, треугольник а-бз-цэ равен треугольнику а прим-бз прим-цэ прим. Вы неплохо устроились. А вот мой дьявол — другое дело. Он не сидит сложа ручки. Я истину откапываю, а он в это время с нею что-то делает. И получается так, что откапывал я истину, а выкопал дерьмо. Возьмите там какой-нибудь закон Архимеда... С самого начала он был правильный, и сейчас он правильный, и всегда будет правильным. Каждый может его проверить, пожалуйста. А стоит взять какой-нибудь расписной горшок восьмого века... да в восьмом веке в него объедки кидали, а нынче он в музее стоит и вызывает восхищение лаконичностью рисунка и неповторимостью формы, и все вокруг ахают до тех пор, пока не выясняется, что никакого он не восьмого века, а сработал его Одноглазый Гур и подсунул в раскоп для сенсаций... И форма у него осталась неповторимой, и рисунок лаконичный, но аханье, как ни странно, стихает...

— Ну, вы не правы,— говорит Профессор.— Вы говорите о профанах и снобах...

— Ничего подобного,— говорит Писатель.— Я говорю о горшках. Я сам двадцать лет леплю такие горшки. И поскольку я писатель

достаточно известный, то они восхищаются книголюбивой лаконичностью рисунка и неповторимостью формы. А лет через десять придет мальчик и в простоте душевной заорет про голого короля... А через сто лет — кто его знает? — явится другой мальчик и заорет «зврика!» по моему поводу. Что, и такие случаи бывали...

— Господи,— произносит Профессор.— И вы об этом все время думаете?

— Первый раз в жизни. Я вообще очень редко думаю. Мне это вредно.

— Я имею в виду, что невозможно, наверное, писать, например, роман и все время думать, как он будет читаться через сто лет...

— Конечно, невозможно. А с другой стороны, если его не будут читать через сто лет, на кой черт его писать...

— А деньги! — со злостью замечает Проводник.— Ты за него не беспокойся, Профессор, ни о чем таком он не думает. О бабах он думает, о скачках, вот и все его размышления... Истина! Ты его лучше спроси, сколько ему за строчку платят!

Пауза. Потом Профессор тихонько говорит

— Если все это так просто, то зачем он с нами в Зону пошел?

— Тихо...— говорит Проводник.

Дрезина замедляет ход. Впереди из тумана надвигается какое-то полуразрушенное станционное строение.

— Приехали.— Проводник спрыгивает на шпалы.— Отдых!

— Фу-ты! — произносит Писатель, распрямляясь.— Ну теперь-то хоть можно хлебнуть?

На газете, расстеленной поверх платформы, стоят термос с кофе, бутылка спиртного, развернуты пакеты со снедью. Все трое усердно жуют, прихлебывая из складных стаканчиков. Теперь уже совсем светло, но туман не рассеялся, он такой же густой, как и раньше, только не молочно-белый, а зеленоватый.

— Вы для меня оба новички,— говорит Проводник.— Я вас в Зоне не видел и ничего хорошего от вас не жду. Вы меня наняли, и я постараюсь, чтобы вы остались живы как можно дольше, а поэтому не извольте обижаться. Церемониться некогда. Буду просто лупить чем ни попадя, если что не так...

— Только, пожалуйста, не по левой руке,— говорит Писатель.

— Почему?

— Она у меня сломана в детстве. Я ее берегу.

— А...— Проводник усмехается.— А я думал — ты левша, пишешь левой. Ладно, тогда буду по голове. Как она у тебя с детства?

— Уж очень вы с нами суровы,— говорит Писатель и тянется к бутылке.

Проводник перехватывает бутылку, накрепко завинчивает пробку и сует бутылку в карман куртки.

— Эхе-хе-хе-хе,— произносит Писатель и наливает себе кофе.

— Тихо как,— говорит Профессор. Он задумчиво курит, прислонившись спиной к борту дрезины.

— Здесь всегда тихо,— говорит Проводник.— До пулеметов далеко, километров пятнадцать, а в Зоне шуметь некому.

— Неужели пятнадцать километров? — говорит Профессор.— Я и представления не имел, что можно так углубиться...

— Можно. Углублялись. Сейчас вот туман разгонит, увидишь, как они тут углубились.

Длинный скрипящий звук доносится вдруг из тумана. Все, даже Проводник, вздрагивают.

— Что это? — одним губами произносит побелевший Писатель.

Проводник молча мотает головой.

— А может быть, это все-таки правда, что здесь... живут? — говорит Профессор.

— Кто? — презрительно бросает Проводник.

— Не знаю... Но есть легенда, будто какие-то люди остались в Зоне...

— Болтовня это, а не легенда,— обрывает его Проводник.— Никого здесь нет и быть не может. Зона это, понятно? Зона!

На протяжении этого разговора Писатель вертит головой, переводя взгляд с одного на другого. Он все еще бледен, но постепенно успокаивается.

— Я, конечно, понимаю,— говорит он,— что Зона — это именно Зона, а не лоно, не два газона и не три, скажем... э... бизона... Но на всякий случай я с собой кое-что прихватил.

— Что прихватил? — Проводник уставляется на Писателя неподвижным взглядом.— Что ты там еще прихватил, чучело?

Писатель многозначительно похлопывает себя по заду.

— Дай сюда,— говорит Проводник и протягивает руку.

— Зачем?

— Дай сюда, говорю!

Писатель колеблется. Выражение многозначительного превосходства сходит с его лица.

— В Зоне стрелять не в кого, дурак,— говорит Проводник.— Дай свою пушку.

— Не дам,— решительно говорит Писатель, но сейчас же добавляет тоном ниже: — Мне нужно, понимаете?

— Понимаю,— говорит Проводник неожиданно мягко.— Только на самом деле ничего такого тебе там не понадобится. Если долбанет тебя по-настоящему, то ничего тебе уже не поможет. А если прикует тебя или, скажем, прижжет, то я тебя вытащу. Мертвого — да, брошу. Ну, а живого — вытащу. Это я тебе обещаю. Зря денег не беру. Давай.

Писатель нехотя вытаскивает из заднего кармана крошечный дамский браунинг.

— Там всего один заряд,— бормочет он.— В стволе.

— Поня-атно...— Проводник выщелкивает патрон и небрежно бросает оружие на шпалы.— В Зоне стрелять нельзя,— говорит он поучительно.— В Зоне не то что стрелять — камень иной раз бросить опасно. А у тебя? — обращается он к Профессору.

Тот беретса двумя пальцами за край воротника куртки.

— У меня на этот случай ампула...— говорит он виновато.

— Чего-чего?

— Ампула защита. Яд.

Проводник ошеломлен.

— Ну-ну, ребята!.. Нет, это... Вы что сюда — помирать пришли? Облегчиться никто не хочет? — он соскакивает на шпалы.— Смотрите, потом, может, и некогда будет. Или негде...

Он отходит от дрезины и сейчас же скрывается в тумане.

— А действительно, зачем вы сюда пришли? Модный писатель, вилла... Женщины, наверное, на шею вешаются гроздьями...— Профессор смотрит на Писателя, высоко задирая брови.

— Это вам не понять, Профессор,— рассеянно отзывается Писатель, подбрасывая на ладони складной стаканчик.— Есть такое понятие: вдохновение. Так вот: понятие-то у меня есть, а самого вдохновения нет. Иду выпрашивать.

— То есть вы что же — исписались? — неграмко говорит Профессор.

— Что? А, да, то есть у меня его никогда не было. Да это неинтересно. А вы?

Профессор не успевает ответить. Появляется Проводник.

— Скоро пойдем. Укладываемься.

ЗОНА

Тумана больше нет.

Слева от насыпи расстилается до самого горизонта холмистая равнина, совершенно безжизненная, погруженная в зеленоватые сумерки. А над горизонтом, расплывшись в ясном небе, разгорается спектрально чистое изумрудное зарево — нечеловеческая заря Зоны. И вот уже тяжело вываливается из-за черной гряды холмов разорванное на несколько неровных кусков зеленое солнце.

— Вот за этим я тоже сюда пришел...— шипло произносит Писатель.

Лицо его зеленоватое, как и у Профессора. Профессор молчит.

— Не туда смотрите,— раздаётся голос Проводника.— Вы сюда посмотрите.

Писатель и Профессор оборачиваются.

Справа от насыпи тоже тянется холмистая равнина, вдали виднеются какие-то столбы, торчит искореженная конструкция высоковольтной передачи. Среди холмов видна дорога. Насыпь здесь изгибается широкой дугой, и с того места, где стоят наши герон, хорошо видна голова состава, которым доставлена была сюда когда-то танковая часть.

Но что-то случилось там, впереди: тепловоз и первые две платформы валяются под откосом, несколько следующих стоят на рельсах наперекосяк — танки с них сползли и валяются на боку и вверх гусеницами на насыпи и под насыпью. Несколько машин удалось, видимо, благополучно спустить под насыпь: видимо, их даже пытались вывести на дорогу, но до дороги они так и не дошли — остались стоять между дорогой и насыпью небольшими группами, пушками в разные стороны, некоторые почему-то без гусениц, некоторые вросшие в землю по самую башню, некоторые наглухо закупоренные, а некоторые — с настежь распахнутыми люками.

— А где же... люди?... — тихо спрашивает Писатель. — Там же люди были.

— Это я тоже каждый раз здесь думаю, — понизив голос, отзывается Проводник. — Я ведь видел, как они грузились у нас на станции. Я еще мальчишкой был. Тогда все думали, что это пришельцы нас завоевать хотят. Вот и двинули этих... Стратеги... — Он сплевывает. — Никто ведь не вернулся. Ни одна душа. Углубились. Ну, ладно. Значит, общее направление у нас будет вон на тот столб... — Он протягивает руку, указывая. — Но вы на него не глядите. Вы под ноги глядите. Я вам уже говорил и скажу еще раз. Оба вы — дерьмо. Новички. Без меня вы ничего не стоите, пропадете, как котята. Поэтому я пойду сзади. Идти будем гуськом. Путь прокладывать будете поочереды. Первым пойдет Профессор. Я указываю направление — не отклоняться, вам же будет хуже. Берите рюкзаки.

Профессор поднимает на плечи рюкзак.

— Так, Профессор, первое направление — вон тот белый камень. Видишь? Пошел, — приказывает Проводник.

Профессор первым начинает спускаться с насыпи. Отпустив его на пяток шагов, Проводник командует.

— Как тебя... Писатель! Пошел следом!

И, подождав немного, начинает спускаться сам.

Зеленое утро Зоны закончилось, растворившись в обычном солнечном свете.

Спустившись с насыпи, они теперь медленно, гуськом поднимаются по склону пологого холма. Насыпь видна отсюда как на ладони. Что-то странное происходит там, над поверженными танками:

словно бы струи раскаленного воздуха поднимаются над этим местом и в них время от времени вспыхивает и переливается яркая радуга.

Но они смотрят не туда. Профессор идет впереди, и перед каждым шагом настороженно высматривает место, куда поставить ногу. Писатель бредет следом, глядя не столько себе под ноги, сколько под ноги Профессору.

Дистанцию он соблюдает плохо, но Проводник пока молчит. Взгляд его с привычной автоматической быстротой скользит от собственных ног к затылку Писателя, к затылку Профессора, вправо от Профессора, влево от Профессора и снова к себе под ноги.

Профессор добирается до вершины холма, и Проводник сейчас же командует:

— Стой!

Профессор послушно замирает, а Писатель делает еще пару шагов и оборачивается, очень недовольный.

Проводник стоит неподвижно, полузакрыв глаза, и шевелит пальцами вытянутой руки, словно что-то ощупывая в воздухе:

— Ну, что там еще? — брезгливо осведомляется Писатель.

Проводник осторожно опускает руку и бочком-бочком придвигается ближе к Профессору. Лицо его напряженное и недоумевающее.

— Не шевелитесь... — хрипло говорит он. — Стоять на месте, не двигаться...

Писатель испуганно озирается.

— Не шевелись, дурак! — севшим голосом шипит Проводник.

Они стоят неподвижно, как статуи, а вокруг — мирная зеленая травка, кусты тихонько колышутся под ветерком, и над всем этим — яркое ласковое солнце. Потом Проводник вдруг говорит на выдохе:

— Обошлось... Пошли. Нет, погоди, перекурим.

Он присаживается на корточки и тянет из кармана пачку с сигаретами. Губами вытягивает сигарету и протягивает пачку Профессору, который присаживается рядом.

Писатель спрашивает с раздражением:

— Ну хоть подойти-то к вам можно?

— Можно, — отзывается Проводник, затягиваясь. — Подойти можно. Подойди. — Голос его крепнет. — Я тебе что говорил?

Писатель останавливается на полпути.

— Я что тебе говорил, дурак? Я тебе говорю «стой», а ты прешь-ся, я тебе говорю «не шевелись», а ты башкой вертишь... Нет, не дойдет он, — сообщает Проводник Профессору.

— Что ж делать? У меня реакция плохая, — жалобно говорит Писатель. — Дайте сигаретку, что ли...

— А реакция плохая — сидел бы дома, — говорит Проводник, вытаскивая из кармана горсть разнокалиберных гаек.

Он начинает «провешивать» дорогу.

Бросает одну гайку впереди себя. Пауза. Медленно подходит к месту, где она упала. Кидает другую. И так шаг за шагом, от гайки к гайке.

— Давай! — зовет Проводник Профессора, — вроде обошлось...

Осторожным аллюром они движутся дальше. Профессор — Писатель — Проводник. Солнце уже поднялось высоко, на небе ни облачка, припекает. Слева — склон, справа — канава, наполненная черной стоячей водой. Очень тихо: не слышно ни птиц, ни насекомых. Только шуршит трава под ногами.

Через несколько шагов Писатель начинает насвистывать. Еще через несколько шагов он наклоняется, подбирает прутик и идет дальше, похлопывая себя прутиком по штанине.

Проводник тяжелым взглядом наблюдает за его действиями. И, когда Писатель принимается своим прутиком сшибать пожухлые цветочки справа и слева от себя, Проводник достает из кармана гайку и очень точно запускает ее в затылок Писателю. Веселый свист обрывается тоненьким взвизгом.

Писатель хватается за голову и приседает на корточки, согнувшись в три погибели. Проводник останавливается над ним.

— Вот так это и бывает, — говорит он, — только вот взвизгнуть ты вряд ли успеешь... В штаны не наложил?

Писатель медленно распрямляется.

— Что это было? — с ужасом спрашивает он, ощупывая затылок..

— Это я хотел тебе показать, как будет, — объясняет Проводник, — если ты так по Зоне ходить будешь! Самоубийца...

— Ладно, ладно, — отвечает Писатель, облизывая губы. — Понял.

Они бредут через свалку. Блестит битое стекло, валяется мятый электрический чайник, кукла с оторванными ногами, тряпье, рассыпаны ржавых консервных банок...

Впереди теперь идет Писатель, лицо у него злое и напряженное, губы кривятся.

Огромный ров, заполненный вздутой тушей полуспущенного эростата воздушного заграждения. Они ступают на прогибающуюся поверхность, медленно идут, осторожно переставляя ноги, и вдруг Писатель издает странный каркающий звук и останавливается.

И начинает «ламокать». Влага проступает от его тела наружу сквозь одежду, влага струится по его лицу, струйки сбегают со скрюченных пальцев, волосы облепляют щеки и потом целыми прядями начинают сползать на грудь и на плечи.

— Спокойно, ребята,— произносит Проводник.— Влопались, Ляг!— кричит он Писателю.— Лечь попробуй! И ты ляг! Профессор! Ложись! Ничего, ничего, сейчас он ляжет...

Проводник и Профессор ложатся, а Писатель не может. Видно, как его тело сводит судорога.

А затем все так же неожиданно прекращается. Влага высыхает на глазах, и вот уже Писатель такой же сухой, как прежде, только на плечах и груди висят, колыхаясь под ветерком, сухие пряди выпавших волос. Обессиленный, он валится на бок.

Проводник, за ним Профессор поднимаются, осторожно подходят к Писателю.

— Ничего, ничего,— говорит Проводник.— Сейчас он встанет... А действительно, везучий дьявол... У добрых людей здесь, бывало, глаза вытекали, а он одними волосьями отделался... Ну, вставай, вставай, нечего валяться...

Писатель с трудом поднимается, ощупывает голову, рассматривает волосы на пальцах.

— Пошли,— говорит Проводник.— Все равно не сосчитаешь... Профессор, вперед.

Они вступают под истлевшую от времени маскировочную сетку. Видимо, когда-то здесь были пулеметные позиции: валяются патронные ящики, вросшие в землю пулеметы, занесенные песком каски и противогазы.

— Привал,— объявляет Проводник.

Все стоят неподвижно. А вокруг тишина, только посвистывает ветер и шуршит мятая грязная газета, обмотавшаяся вокруг ног Профессора.

— Погодите,— говорит Писатель.— Ноги что-то... шалют...

— Что это было?— спрашивает Профессор, не оборачиваясь.

Писатель нервно хихикает, а Проводник говорит:

— Не знаю я... Было и прошло, и слава богу.— И шипит, озираясь:— Экое дрянное место!

Они расположились в тени маскировочной сетки. Проводник разливает в протянутые стаканчики спиртное. Все выпивают.

— Как у вас аппетит, Профессор?— спрашивает Писатель, с отращиванием откусывая от крутого яйца.

— Признаться, неважно,— отвечает тот.

— Пива бы сейчас,— вздыхает Писатель.— Холодненького! В глотке пересохло.

Проводник сейчас же разливает еще по стопке. Профессор осторожно спрашивает его:

— Долго нам еще?

Проводник молчит, а потом угрюмо отвечает:

— Не знаю.

— А по карте?

— А что по карте? Потом, разве это карта? Масштаба нет. Дикобраз, правда, за двое суток обернулся, так то Дикобраз.

— Какой Дикобраз? — спрашивает Писатель.

Проводник усмехается, неторопливо закуривает.

— Дикобраз — это, брат, не нам чета. С первых дней начал, меня водил, когда я подрост. Большой был человек. Ас.

— А почему — был? — спрашивает Писатель. — Он что...

— Во-во. То самое. Уходил вдвоем-втроем, а возвращался один. Вот вам бы с ним сходить... — Он неприятно смеется, переводя взгляд с Профессора на Писателя и обратно. — А впрочем, досюда бы вы и с ним дошли. Ладно! — обрывает он себя. — Вы как хотите, а я присплю немного. Да не галдите здесь... И не вздумайте здесь разгуливать...

Проводник засыпает, положив голову на рюкзак, а Профессор с Писателем, прислонившись спинами к глиняному откосу, курят и беседуют:

— А что с ним все-таки случилось, с этим асом? — спрашивает Писатель.

— Он единственный, кто до места добрался и вернулся, — отзывается Профессор. — Вернулся и в два дня разбогател... Немыслимо разбогател... — Профессор замолкает.

— Ну?

— А потом повесился. Через неделю.

— Почему?

Профессор пожимает плечами.

— Темная история. Он снова собирался туда, вдвоем с... нашим... Наш пришел к нему в назначенное время, а Дикобраз висит. А на столе — карта и записка с пожеланием всяческих успехов.

— А может быть, наш-то его и... того?

— Да. Он может, — легко соглашается Профессор.

Некоторое время они молча курят.

— А как вы полагаете, Профессор, это самое место действительно существует? Где сбываются желания...

— Дикобраз разбогател. Он всю жизнь мечтал стать богатым.

— И повесился...

— А вы уверены, что он шел затем, чтобы разбогатеть? Дикобраз этот? Он что, говорил кому-нибудь, зачем он ходил в Зону? Просто на самом деле человек никогда не знает, чего он хочет. Существо сложное. Голова его хочет одного, спинной мозг — другого, а душа — третьего... И никто не способен в этой каше разобраться. Во всяком случае, здесь речь идет о сокровенном. Вы понимаете? О сокровенном желании!

— Это верно, — говорит Писатель. — Это очень верно вы гово-

рите. Давеча вот я сказал, что иду сюда за вдохновением... Вранье это. Плевал я на вдохновение...

Профессор с любопытством смотрит на него.

Писатель, помолчав, продолжает:

— Хотя, может быть, и в самом деле за вдохновением... Откуда я знаю, как назвать то, чего я хочу? И откуда мне знать, что я действительно хочу того, чего я хочу? Это какие-то неуловимые вещи: стоит их назвать, и их смысл исчезает, тает. Как медуза на солнце. Видели когда-нибудь?

Профессор опускает глаза и принимается рассматривать свои грязные обломанные ногти.

— Ну-ну. Кстати, должен вам сказать, что вам... Именно вам — вообще ходить туда противопоказано.

Писатель лицемерно кивает.

— Ну да, ну да... Я, конечно, не ученый... Вот вы — другое дело! Вы в самом деле ученый? Тогда конечно! Эксперимент, факты... Истина в последней инстанции. Только, по-моему, фактов не бывает. Их вообще не бывает, а уж здесь, в Зоне, и подавно. Здесь все кем-то выдуманно, неужели вы не чувствуете? Все это чья-то идиотская выдумка! Нам всем морочат голову. Кто — непонятно. Зачем? Тоже непонятно.

— А может быть, все-таки интересно узнать: кто и зачем?

— Да не в этом дело! «Кто и зачем»? Что толку от ваших знаний? Чья совесть от них делается чище? Чья совесть от этого заболит? Моя? У меня нет совести, у меня есть только нервы. Обругает какая-нибудь сволочь — рана. Другая сволочь похвалит — еще рана... Им ведь все равно, что я пишу! Они все сжирают! Душу вложишь, сердце свое вложишь — сожрут и душу и сердце. Мерзость вынешь из души — жрут мерзость... Им все равно, что жрать. Они все поголовно грамотные, у всех у них сенсорное голодание... И они все жужжат, жужжат вокруг меня — журналисты, редакторы, критики, бабы какие-то непрерывные... А потом они хвастаются перед мужьями, что я соизволил с ними переспать! И все они требуют: давай, давай! И я даю, а меня уже тошнит, я уже давным-давно перестал быть писателем... Какой из меня к черту писатель, если я ненавижу писать, если для меня писание — это мука, постыдное неприятное занятие, что-то вроде болезненного физиологического отравления...

Он замолкает внезапно и некоторое время лежит с закрытыми глазами. Лицо его подергивается.

— Я ведь думал раньше, что я им нужен,— продолжает он тихо.— Я верил, что кто-то становится лучше и честнее от моих книг. Чище, добрее... Никому я не нужен. У меня один особняк за душой. С баней. Я сдохну, а через два дня меня забудут и станут жрать

кого-нибудь другого. Разве можно все это так оставить? Я хотел переделать их по своему образу и подобию. А они переделали меня по своему. Это раньше будущее было только повторение настоящего, и все перемены маячили где-то за далекими горизонтами. А теперь нет никакого будущего. Оно слилось с настоящим. А разве они готовы к этому? Я пытался подготовить их, но они не желают готовиться, им все равно, они только жрут.

— Темпераментно...— медленно говорит Профессор.— Оч-чень темпераментно... А ведь вы готовы облагодетельствовать их всех, господин Писатель!

— А ну вас совсем! — не раскрывая глаз, отзывается тот.

— Нет-нет, ведь это очень опасно, вы понимаете? Темпераментный благодетель!

Писатель рывком садится и в бешенстве глядит на Профессора.

— Что опасного? Что опасного? Я покоя хочу, понимаете? Покоя!

— Понимаю. Но ведь вы не в пустыню удаляетесь сейчас — искать тихой жизни. Вы идете в Зону! К тому самому месту!

Писатель снова откидывается на спину и закрывает глаза ладонью.

— А, не хочу я с вами спорить! В спорах рождается истина, будь она проклята!..

Проводник открывает глаза. Некоторое время лежит, прислушиваясь. Затем бесшумно поднимается, мягко ступая, выходит из тени и останавливается над спящими Профессором и Писателем. Какое-то время он внимательно разглядывает их по очереди. Лицо у него сосредоточенное, взгляд оценивающий. Наконец, покусав нижнюю губу, он негромко командует:

— Подъем!

Узкая расщелина между двумя холмами, наполненная грязной жижей. Они идут по полусгнившей хлюпающей гати. Над поверхностью болота клубится отвратительный туман. Проводник идет впереди, Писатель с Профессором тащатся сзади. Они тяжело дышат, видно, что изрядно устали.

Проводник вдруг останавливается, будто налетев на невидимое препятствие. Он стоит совершенно неподвижно и осторожно поводит носом из стороны в сторону.

Писатель останавливается рядом и, опираясь на жердь, еле переводит дух.

— Ну... Что такое еще? — спрашивает он.

— Помолчи...— тихо говорит Проводник.

Он делает движение шагнуть, но остается на месте. Запускает руку в карман, вытаскивает гайку, хочет замахнуться, но не решается. Гайка падает из его руки. Лицо его бледно до зелени и покрыто потом.

— Н-ну уж нет...— бормочет он.

Растопырив руки, он пятится назад. Потом, не глядя, отбирает у Писателя жердь и тыкает ею в болото рядом с гатюю.

— Так-то оно будет вернее...— шипит он.— А ну, давай за мной...

Он осторожно слезает с гати и сразу проваливается выше колен.

— Это еще зачем? — жалобно и устало спрашивает Писатель.

Проводник не отвечает. Ощупывая перед собой дорогу жердью, он все круче забирает в сторону от гати.

Они бредут в тумане по пояс в чавкающей жиже, то и дело падая, погружаясь с головой, отплевываясь и кашляя. Остановиться нельзя, трясина засасывает.

Вдруг Профессор проваливается по шею, тщетно пытается подняться и лечь плашмя, но у него ничего не получается.

— Помогите! — из последних сил кричит он.

Проводник оборачивается. Неподдельный ужас изображается на его лице.

— Ты к-куда? — хрипло кричит он и, расплескивая грязь, бредет к Профессору.— Рюкзак! Рюкзак сбрось!

Профессор мотает головой, торчащей над поверхностью жижи.

— Жердь! — шипит он.— Дайте мне жердь!

— Бросай рюкзак, тебе говорят!

— Рюкзак сними, идиот! — визжит Писатель, беспомощно барахтаясь в грязи.

— Же...— Профессор уходит в болото с головой, снова выныривает и ревет страшным голосом: — Жердь давай, скотина!

Он пытается схватиться за протянутую жердь, промахивается, потом, наконец, ощупью находит и вцепляется в нее обеими руками.

С трудом они выкарабкиваются на сухой глинистый склон.

— Ну и утонул бы, как топорик,— ворчит Проводник.— И меня бы с собой утянул. Остался бы Писатель один по трясине ползать. Вцепился в мешок свой!

— Нечего было туда лезть,— огрызнулся Профессор.

— Не твоего ума дело, куда мне лезть...

— Вот и мешок мой — тоже не твоего ума дело!

— Что у вас там — сокровища? — раздраженно прикрикивает Писатель, но Профессор не обращает на него никакого внимания.

— Это просто уму непостижимо! — говорит он.— Идем по прекрасной ровной дороге, и вдруг он лезет в эту... выгребную яму!

— Чутье у меня, ты можешь это понять или нет? Чутье!

— Хорошенькое чутье!

— Вот дурак очкастый.— Проводник хлопает себя по коленям, с него сыпаются ошметки присохшей грязи.

— Мое зрение это не ваше дело. И вообще — хватит. Глупо.

— Не глупо. А тебе жердью этой надо бы промеж ушей! Дай

сюда бутылку... Это надо же — из-за пары грязных подштанников чуть в рай не отправился.

— Какие подштанники? — спрашивает Писатель.

— Ну что там у него в мешке? Ну, консервы...

— Какие к черту консервы! Не мог я его отцепить, не мог! Я бы потонул, пока его отцеплял, черт вас всех дерит!

— Ладно. Хватит... — Проводник поднимается и, наморщив лоб, оглядывает местность. — Куда же это нас занесло? Место какое-то незнакомое... Вот ведь сволочь Дикобраз — ничего у болота не указал, а там что-то определенно есть... Может быть, конечно, уже потом появилось, после него...

— Кстати, — подает голос Профессор. — Дикобраз — единственный человек, который дошел до того места?

— Других не знаю.

— А были такие, которые шли, но не дошли? — спрашивает вдруг Писатель.

— Были и такие. И я ходил, да не дошел.

— А зачем они шли? — спрашивает Профессор.

— Кто зачем... В основном за деньгами, конечно. Ты думаешь, я не знаю, зачем ты идешь? Хочешь скажу? В экспедицию тебя не взяли, вот ты и решил им всем доказать. И правильно! Понимаешь? Свои личные дела поправить, открытие какое-нибудь сделать, чтобы все ахнули. Вот, мол, оказывается, Профессор-то у нас какой, дать ему Нобелевскую премию!

— Ну, а вы? Вы зачем идете?

Некоторое время Проводник неприязненно молчит.

— У меня дела свои... семейные.

— Как у Дикобраза? — тихонько спрашивает Профессор.

Проводник резко поворачивается и смотрит на него, но Профессор лежит с закрытыми глазами, покойно сложив руки на груди.

— Ты меня с ним не равняй, — произносит Проводник угрожающе. — Ты его не знал, в глаза не видел, и меня ты не знаешь. Так что нечего нас равнять.

— Никто никого не знает, — говорит Профессор, не открывая глаз.

— Да бросьте вы в самом деле! — с раздражением говорит Писатель. — Никто никого не знает, видите ли! Тоже мне — бинком Ньютона! Семейные дела у него... Проигрался на скачках, дома жрать нечего, работать не хочет, потому что сроду был люмпеном... а насчет спиртного мы весьма даже повадливы, и в картишки не прочь... А жена, конечно, лахудра и ведьма, пилит, деньги, мол, дай... и детей куча, и все бандиты, из участка не вылезают... Никто никого не знает! Тоже мне — проблема!

На протяжении этой речи Проводник наливается кровью, пытается что-то сказать, прервать, но не может. И только когда Писатель умолкает, он, наконец, выдавливает из себя:

— С-сам ты... Да как ты про меня можешь? Что ты про меня можешь знать? Писателишка ты задрипанный, шкура продажная.. Тебе стены в сортирах расписывать, дармоед.. А дочь у меня — ты знаешь? Что она калека от рождения — это ты знаешь? Я по Зоне ходил, а она за это расплачивается! Ребенок, а ее дразнят, потому что она слепая и на костылях ходит! Все, что из Зоны приносил, на докторов ухлопал, а они уже и не обещают ничего. Тоже профессора. Вроде вас!.. Э, что с тобой разговаривать, с заразой!

Он резко поднимается и скрывается за холмом.

— Зря вы так,— говорит Профессор.

— Что — зря? Ну что — зря? Врет же он все. Только что придумел. Я же его насквозь вижу!

— Нет-нет. Я ведь его давно знаю. Биография у него страшенькая. Сталкером стал еще мальчишкой, в тюрьме сидел несколько раз, калечился, и дочка у него на самом деле мутант, «жертва Зоны», как пишут в газетах. Он несколько лет назад работал у меня в институте лаборантом, так что я...

— Все равно врет. Не в дочке дело. Насчет дочки ему сейчас в первый раз в жизни в голову пришло. А просто люмпен не любит, когда его называют люмпеном. Он нуждается в высоком штиле, ему благородство чувств подавай... Граф, швырнув перчатку, гордо удалился. А домой он вернется с мешком денег, вот увидите...

— Чувствуется рука мастера. Ладно, не в этом дело.

Пауза. Затем Профессор ухмыляется:

— С добычей вернулся — счастье. Живой вернулся — удача. Патрульная пуля — везенье. А все остальное — судьба.

— Что это за унылая мудрость?

— Местный фольклор. Вы все время забываете, что мы находимся в Зоне. В Зоне нельзя делать резких движений и допускать резких высказываний.

— Виноват. Только не люблю я, когда вокруг простых вещей разводят философические сопли.

— А что вы вообще любите?

— Раньше писать любил, а теперь ничего не люблю. И никого.

— Вам никогда не приходило в голову, что будет, когда в это самое место, куда мы идем, поверят все? Когда они все сюда кинутся, тысячами, сотнями тысяч? — вдруг спрашивает Профессор.

— И сейчас многие верят, да как добратся?

— Доберутся, дружок, доберутся. Одни из тысячи, а доберется. Добрался ведь Дикобраз... А Дикобраз еще не самый плохой чело-

век. Бывают люди и пострашнее. Золото им не нужно, и семейных дел у них никаких нет. Они будут мир исправлять, голубчик! Весь мир переделывать по своей воле, все эти несостоявшиеся императоры всея Земли, великие инквизиторы, фюреры всех мастей, благодетели и благоносцы... Думали вы об этом?

— Откровенно говоря, нет,— отвечает Писатель.

— А вы подумайте. Что касается меня, то я склонен верить в страшные сказки. В добрые — нет, а в страшные — да...

Писатель, кривя рот, пристально разглядывает Профессора.

— Ничегошеньки вы все-таки в людях не понимаете,— говорит он наконец.— Опять философические сопли. Разумеется, он, может быть, и придет туда весь мир переделывать, но ведь на самом-то деле на мир ему наплевать, а нужны ему бабы, водка нужна, денег побольше... Ведь у них же воображения ни черта нет, Профессор! Ну, в крайнем случае пожелает он от всего сердца, чтобы его начальника автомобилем перевезло... Поймите вы, откуда все эти фюреры берутся? Либо его бабы не любят, либо критики не ценят, либо изо рта у него воняет невозможно... Вы, Профессор, сами в этом убедитесь, когда до места доберетесь... Я ведь вас тоже насквозь вижу. У вас же на лице написано, что вы-то как раз и замыслили какое-то чудовищное благодеяние всему человечеству. Другой бы на моем месте испугался. А я — видите? — спокоен!

— За меня вы спокойны,— говорит Профессор.— Оно и видно. Всех под свою мерку меряете. Политик, социолог из вас, знаете ли... За меня вы спокойны. А за себя?

— За себя? Ну, мои дела никого не касаются. Мне на весь ваш мир наплевать. Меня во всем вашем мире интересует только один человек — вот этот...— Писатель тычет себя в грудь пальцем.— Стоит чего-нибудь этот человек или нет? Зря он до сих пор небо коптит или все-таки слепил свой золотой кирпичик...

— Послушайте,— говорит Профессор.— Не надо себя обманывать. То вы говорите, что идете туда за вдохновением, то за красотой, то за покоем...

— А вот когда я узнаю, что я такое, тогда мне будет и покой, и вдохновение, и красота...

— А если вы узнаете, что вы — дерьмо? Если узнаете, что не только своего кирпичика не слепили, но и чужой сожрали? Хорошенький покой!

— А вот это, дорогой Эйнштейн, уже не ваше дело. Занимайтесь, пожалуйста, своим человечеством, только минуя я.

— Да-да, это понятно. Меня ведь беспокоит вот что. Мне кажется, что на самом деле вам просто хочется, чтобы все от вас отстало и по возможности — навсегда.

— Золотые слова!

— Но раз все — значит, и я, — говорит Профессор. — Поэтому я и прошу вас: подумайте все-таки, зачем вы идете. Хорошенько подумайте! Ведь существуют миллиарды людей, которые совершенно не виноваты в том, что вы — дерьмо.

Возвращается Проводник.

— Хватит валяться, — говорит он. — Пошли...

Они бредут по проселочной дороге, покрытой тончайшей пылью. При каждом шаге пыль взлетает и некоторое время висит в неподвижном воздухе. Вдоль дороги тянутся ветхие телеграфные столбы. Очень жарко, впереди над дорогой дрожит горячее марево.

Профессор, идущий первым, вдруг останавливается, оборачивается к своим спутникам и растерянно произносит:

— Там машина какая-то... И двигатель у нее работает...

— Не обращай внимания, — говорит Проводник. — Он уже двадцать лет работает. Лучше под ноги гляди и держись середины...

Они проходят мимо стоящего у обочины совершенно новенького, как с конвейера, грузовика. Двигатель его работает на холостых оборотах, из глушителя вырывается и стелется по ветру синеватый дымок. Но колеса его по ступицы погружены в землю, а сквозь приоткрытую дверцу кабины и сквозь дно кабины проросло тоненькое деревце.

Когда-то, вероятно в самый день Посещения, огромный грузовоз тащил по этой дороге на специальном прицепе длинную, метрового диаметра трубу для газопровода. Грузовоз врезался в столб слева, а труба скатилась с прицепа и легла слегка наискосок, перегорев путь. Вероятно, тогда же сорвались и упали поперек дороги телеграфные и телефонные столбы. Теперь провода совершенно обросли какой-то рыжей мочалой. Мочала висит сплошной занавеской, перегоревший проход по дороге.

Жерло трубы черное, закопченное, и земля перед ним вся обуглена, словно из трубы не раз обрушивалось коптящее пламя.

— Это что — туда лезть? — спрашивает Писатель, ни к кому, в частности, не обращаясь.

— Прикажу и полезешь, — холодно говорит Проводник и подбирает с обочины несколько булыжников. — Ну-ка, отойдите. — Отведя руку, он швыряет булыжник в жерло трубы, а сам отскакивает.

Слышно, как булыжник грохочет и лязгает внутри трубы. Подождав немного, Проводник швыряет второй булыжник. Грохот, дребезг, лязг. Тишина.

— Так, — произносит Проводник и медленно отряхивает ладони. — Можно. — Он поворачивается к Писателю. — Пошли.

Писатель хочет что-то сказать, но только судорожно вздыхает. Он достает из-за пазухи плоскую фляжку, торопливо отвинчивает колпачок, делает несколько глотков и отдает фляжку Профессору.

Писатель вытирает рукавом губы. Глаза его не отрываются от лица Проводника. Он словно ждет чего-то. Но ждать нечего.

— Ну? Все остальное — судьба? — произносит он и с трудом улыбается.

Он делает шаг к трубе. Останавливается перед страшным черным зевом. Медленно засовывает руки в карманы и поворачивается.

— А почему, собственно, я? — осведомляется он, высоко задирая брови. — Какого черта? Не пойду.

Проводник подходит к нему вплотную, и Писатель отступает на шаг.

— Пойдешь! — сквозь зубы цедит Проводник.

Писатель молча мотает головой. Тогда Проводник резко бьет его в живот, по голове сверху, хватая за волосы, распрямляет и клещет по щекам.

— Еще как пойдешь-то!.. — шипит он с напором.

Профессор пытается схватить его за руку. Проводник, не глядя, отпихивает его локтем, попадает в нос, сбивает очки.

— Ну!

Писатель вытирает разбитые губы, смотрит на ладонь, смотрит на Проводника.

— Гос-споди... — произносит он.

Безграничное отвращение проступает на его лице, и не говоря больше ни слова, он смачно сплевывает Проводнику под ноги, поворачивается и ныряет в трубу.

Проводник тотчас отскакивает в сторону, подальше от трубы, и оттаскивает за собой Профессора. Из трубы гулко доносятся лягз, стук и тяжелое дыхание.

Профессор дрожащими руками водружает на место очки. Одно стекло перерезано трещиной. Шум в трубе стихает.

— За мной! — хрипло кричит Проводник и бросается в черное жерло.

Оба вылезают из трубы в округлое куполообразное помещение, отдаленно похожее на восточную баню. Видимо, когда-то здесь размещалось что-то вроде командного пункта: стоят раскладные столы и стулья, на столах — несколько телефонов (все со снятыми трубками), полунстлевшие топографические карты, разбросанные карандаши. На полу — ящики с консервами и бутылками. Почему-то — детская коляска. Писатель сидит за одним из столов и откупоривает бутылку.

— Ну вот и все, а ты боялась, — бодро произносит Проводник.

Здесь он явно впервые — озирается с огромным любопытством, заглядывает во все углы. Писатель, трудясь над бутылкой, ммуро-иронически наблюдает за ним.

— Если я сказал — можно идти, значит, — можно, — продолжает Проводник. — Дай-ка сюда, что возишься? — Он отбирает бутылку у Писателя и ловко выбивает пробку. — Куда тебе налить? Некуда? Ну, с горла пей, тебе первому, заслужил...

Тем временем Профессор обходит помещение, рассеянно кладя на место телефонные трубки. Писатель надолго прикладывается к бутылке, потом упирает ее в колено и облизывается.

— Ну как? Пробирает? — оживленно осведомляется Проводник. — То-то! Дикобраз здесь несколько часов просидел, в чувство приходил и душеньку отводил... Да ты пей, пей, я непочатую возьму, тут их навалом.

— Любезный Чинганчук! — провозглашает Писатель. — Я понимаю, что все ваши хождения кругами есть не что иное, как своеобразная форма принесения извинений. Я вас прощаю. Тяжелое детство, среда, воспитание, я все понимаю. Но не обольщайтесь! Я безусловно вам отомщу.

Проводник, который возится с новой бутылкой, произносит:

— Ну да?

— Да-да. Я — человек мстительный, как все писатели и остальные деятели искусства. Разумеется, я не собираюсь с вами драться и тем более стрелять вам между лопаток... Я все сделаю гораздо тоньше. Я запущу под вашу толстую шкуру такую иголку, что вам свет будет не мил. В самый мозг! В центральную нервную!..

И в этот момент раздается телефонный звонок. Все вздрагивают, затем Профессор нерешительно берет трубку.

— Да... — говорит он.

Квакающий голос в селекторе раздраженно осведомляется:

— Это два-двадцать три-сорок четыре двенадцать? Как работает телефон?

— Представления не имею, — говорит Профессор.

— Благодарю вас, проверка.

Слышатся короткие гудки. Все глядят друг на друга, затем на телефоны. И вдруг Профессор поворачивается к спутникам спиной и быстро набирает какой-то номер. На лице его злорадство.

— Слушаю! — отзывается хриловатый мужской голос.

— Извини, пожалуйста, если помешал, — говорит Профессор, — но мне не терпится сказать тебе несколько слов. Ты меня узнал, надеюсь?

Пауза.

— Что тебе надо?

— Старое здание, котельная, четвертый бункер. Угадал?

— Я сейчас же звоню участковому.

— Поздно! — ликующе произносит Профессор. — Я вне пределов досягаемости. Ты знаешь, где я нахожусь? В двух шагах! Я на-

хожусь в двух шагах от этого места, и ты ничего уже не можешь с этим сделать. Звони куда хочешь, пиши доносы, учреждай медицинские экспертизы, натравливай на меня моих сотрудников, угрожай — все что угодно и сколько угодно. А звоню я тебе, чтобы сказать: ты — подлец, и тем не менее я — в двух шагах от места.

Пауза.

— Ты слушаешь? — говорит Профессор.

— Ты понимаешь, что это конец тебе как ученому?

— Переживу. Ради такого дела — переживу.

— Ты понимаешь, что тебя ждет тюрьма? Каторга?

— Перестань! Я же в двух шагах. Неужели сейчас меня можно запугать?

Пауза.

— Боже мой! — произносит, наконец, невидимый собеседник. — До чего же мы с тобой докатились! Прислушайся к себе. Ты ведь уже давно не думаешь о деле. Ты ведь даже не Герострат, ты... Ты просто хочешь мне нагадить, набросать клопов в мою кастрюлю с супом, и ты в восторге, что тебе это удалось... Да ты вспомни, черт тебя подери, с чего все начиналось! Какие идеи, какой размах! А сейчас ты думаешь только обо мне и о себе. Где же миллионы, миллиарды, о которых мы говорили, миллионы и миллиарды ничего не ведающих душ! Господи, да иди, иди! Кончай свою... гнусность. Но я тебе все-таки напомню. Ты — убийца. Ты убиваешь надежды. Сто поколений придут за нами, и в каждом миллионы людей будут тебя проклинать и презирать...

Профессор судорожно шарит по селектору, щелкает рычажками, но голос не умолкает.

— Наверное, сейчас тебе наплевать на мои слова. Ты чувствуешь себя на коне и ничего не замечаешь... Не смей вешать трубку! Дослушай, это касается уже лично тебя. Тюрьма не самое страшное, что тебя ожидает. Ты сам себе никогда этого не простишь! Я знаю, я вижу, как ты висишь над тюремной парашей на своих собственных подтяжках...

Профессор с грохотом вешает трубку и некоторое время стоит, не оборачиваясь.

— Веселый разговор, — замечает Проводник и отхлебывает из бутылки. — Ах ты, тихоня!

— Не обращайтесь внимания, — говорит Профессор. — Просто диалог с коллегой. — Он подходит к столу, садится и берет у Проводника из рук бутылку. Рассматривает этикетку.

— Пейте, ребята, отдыхайте, — говорит Проводник. — Пейте, и последний бросок. — Он поворачивается к Писателю. — Ну, а ты что притих? Что ты там хотел мне сказать?

На Профессора он деликатно старается не смотреть.

— Да у меня как-то даже и злость пропала. От изумления,— отзывается Писатель.— Послушайте, следопыт, мы что — действительно в двух шагах от места?

— Ну, в двух не в двух... Близко.

Наступает долгое молчание. Потом Писатель вдруг объявляет:

— Знаете что? Зря мы все это затеяли. Ну его к черту! Я все это как-то не так себе представлял. Не пойду я дальше.

— Как так — не пойдешь? — спрашивает Проводник.

— А так. Вы идите, а я вас здесь встречать буду. Осчастливленых...

— Нет, брат, так не годится.

— А что? Там еще одна труба есть? — ехидно спрашивает Писатель.— Так это уж пусть Профессор... Теперь его очередь.

— Какая труба? Ты что плетешь?

— Это неважно, что я плету. Главное — что я дальше не иду. Была бы моя воля, я бы и вас... Как это Профессор квалифицировал? Благодетели? И вас бы не пустил.

— Да ты что? Спятил? Два шага осталось...

— Не в том дело, сколько осталось, а в том, сколько пройденое! — почти кричит Писатель.— Славно мы тут с вами пообщались. А до чего додумались!

— И до чего же вы додумались? — севшим от злости голосом осведомляется Проводник.

— Я? Ты мне скажи, почему все-таки Дикобраз повесился?

— При чем здесь Дикобраз? — возмущается Проводник.

— Я тебе объясню — при чем, но сначала ты мне ответь: почему он все-таки повесился?

— Потому что он не за богатством шел, а за братом своим шел младшим...

— Так-так-так, за братом...

— Он брата своего загубил, мальчишку. В Зону его с собой взял и где-то вместо себя подставил. А потом к старости совесть его замучила, и он пошел в Зону, чтобы брату жизнь вернуть. А как дошел до места, тут его снова жадность забрала, и вместо брата он денег пожелал. Понял?

— Превосходно,— говорит Писатель.— Так я и думал. Но ты мне вот что объясни. Почему он все-таки повесился? Почему он еще раз не пошел, теперь уже точно не за деньгами, а за братом... А?

— Этого я и сам не понимаю,— угрюмо говорит Проводник.

— А я понимаю. И он понял, потому и повесился. Дикобразу — Дикобразово, и только Дикобразово, и ничего, кроме Дикобразова... Ты же сам мне говорил, на месте этом только сокровенные желания исполняются. А что ты там в голос кричишь!.. Брата, мол, хочу вернуть единственного, счастья, мол, хочу для всего человечества,

вдохновения, мол, мне подарите!.. На месте этом те твои желания сбудутся, которые составляют твою натуру, суть! О которых ты понятия не имеешь, а они в тебе сидят и всю жизнь тобой управляют. Вот что произошло с Дикобразом. Ничего ты, ангел мой, не понял. Не жадность его одолела. Он на том месте на коленях стоял, брата вымаливал, от всей души, как ему казалось, от всей своей больной совести, а получил кучу денег, и ничего иного получить не мог, потому что Дикобразу Дикобразово. Потому что совесть, душевные муки — это все придумано, от головы. А суть его, Дикобразова, была. Понял он это и уж тогда только повесился.

Проводник слушает его, приоткрыв рот.

— Мне казалось, что я играю в интересную новую игру. Приключение. И вдруг понял, дружище, что все это — не шутки. Я, по правде, не очень даже в чудеса эти верю. Ну, попрошу там чего-нибудь, все равно это сказки. А потом напишу. Об этом ведь никто еще не писал... Нет, Соколиный Глаз, друг мой, я в такие игры не играю...

— Слушай, Профессор,— говорит растерянно Проводник,— что это с ним? Скажи ему!

Профессор пожимает плечами.

— Да как же так! — говорит Проводник.— Я ж иду за здоровьем для дочери, для Мартышки моей несчастной, а получу, значит, неизвестно что!

— Известно,— ласково прокиснит Профессор.— Все совершенно точно известно...

— Перестаньте,— перебивает его Писатель, и снова наступает тягостное молчание.

Потом Проводник угрюмо говорит:

— Хватит. Подъем.

Профессор угрюмо идет впереди, за ним — Писатель, а за Писателем, почти наступая ему на пятки,— Проводник.

— Ладно, врать не буду,— бубнит он.— Когда выходил, не думал я о Мартышке, это точно... А теперь-то! Да я за нее кому хочешь горло порву! А ты мне толкуешь...

— Слушай, перестань бормотать,— говорит Писатель, не оборачиваясь.— Что ты ко мне пристал? Не знаю я, чего ты на самом деле хочешь. И ты этого не знаешь! И ради бога, не отвлекайся. Смотри за дорогой... Как раз сейчас только гробануться не хватает...

Впереди в дрожащем мореве виден задранный ковш покрытого ржавчиной экскаватора.

И вот они останавливаются перед пологим спуском к Тому Самому Месту и завороченно глядят вниз, на волшебную котловину. Проводник оглядывает спуск и на ржавом склоне замечает странные черные кляксы.

— Ну, счастлива ваш бог, ребята! — говорит он сдавленным голосом.— Сдохла она.

— Кто? — не сразу откликается Профессор.

— Мясорубка. Видишь эти черные сопли? Сдохла, жаба. Все! Можно идти свободно.

— Вот видите — мясорубка... — говорит Писатель удовлетворенно и усаживается на землю.— Приятное название.

— Да уж, брат, куда приятнее! Здесь Дикобраз свою последнюю живую отмычку израсходовал. Кашей у него была кличка, молоденький такой дурачок...

— И ты бы меня сюда погнал? — говорит Профессор.— Меня? В мясорубку?

— А ты как думал? Одна труба да мясорубка чего стоят... А здесь только так и можно. А иначе — один шанс из четырех. Лотерея! А в Зоне в азартные игры не играют...

— Уму непостижимо, — говорит Писатель.— Переться через эти смертельные горки, убить двух товарищей, и все ради мешка денег...

— Во-первых, — жестко говорит Проводник, — товарищей сюда не берут. Да и не бывает у сталкера никаких товарищей. Я сам себе товарищ. А во-вторых, из-за денег и не такие дела делают. Ты что, с Луны свалился?

— А если бы я не пошел? — спрашивает Профессор.

— Да хватит вам об этом! — кричит Проводник.— Пошел, не пошел... Повезло нам, и все! Труба пустая оказалась, мясорубка сдохла, что я вам — злодей какой-нибудь? Думаете, мне много радости было — живых людей на смерть гонять? Ну — кто первый хочет? Ты, может? Заслужил ведь... — обращается он к Писателю.

Писатель решительно мотает головой.

— Нет. Я ведь сказал, что не пойду. Просто я хочу посмотреть на чудо это собственными глазами. Я скептик.

— Тьфу! Да не бойся, сдохла она, говорят тебе! Ну, хочешь, я пойду первым. Ты не против? — спрашивает он Профессора.

— Идите, идите... конечно, — отвечает Профессор.— Я ведь никогда и не собирался ни подходить туда, ни просить...

— Как так — не собирался? — тупо произносит Проводник.— Зачем же тогда ты сюда перся? Это ж не я тебя уговаривал сюда идти... Ты сам просился, деньги сулил! Как же так — не собирался?

Вместо ответа Профессор по примеру Писателя садится на землю, поставив рюкзак между колен.

— Нет, вы посмотрите на этих идиотов! — ошеломленно говорит Проводник.— Жизньню рисковали, через все прошли, добрались — и на тебе! Сели и сидят!

— И правильно делают, — говорит Писатель.— И ты тоже садись. Надо перед обратной дорогой посидеть.

— Этот дурак облысел, этого в городе участковый ждет... Ты хоть волосы себе обратно попроси!

— Снявши голову, по волосам не плачут,— говорит Писатель.— Брось, ангел, не унывайся! Садись с нами, закусим, коньячку вот выпьем... и с богом домой.

— Вот тебе — домой! — орет Проводник, потрясая дулей.

Он решительно поворачивается и идет к спуску. Шаги его, вначале очень решительные, замедляются, и он растерянно останавливается. Потом поворачивается и так же решительно возвращается назад.

— Ладно! Ты можешь мне объяснить, почему ты не идешь? — говорит он Писателю.— Только честно и без болтовни!

— Пожалуйста! Я боюсь. Себя не знаю и не верю себе.. Наверняка знаю одно: много дряни у меня в душе за жизнь накопилось. Не хочу эту дрянь людям на голову выливать, а потом, как Дикобраз, в петлю лезть. Лучше в этом своем вонючем особняке сопьюсь тихо и мирно. Иди, иди! Только не думаешь ли ты, что если мы живы сейчас, то ты нас не убил? Убил, убил! Хоть мы и живы. И не надейся. На что ты можешь надеяться с такой своей натурой? Над дочкой своей слезы раскаяния проливаешь... Ты, прости меня, как тот бандит, у которого руки по локоть в крови, а на груди татуировка: «Не забуду мать родную»... Уймись, стalker. Не доросли мы до Этого Места, не нам с тобой сюда ходить за счастьем...

— А чистеньким-то я бы, может, и не пошел! — зло кричит Проводник.

— Заговорила валазмова ослица! — мечтательно произносит Писатель.

— Не понимаю,— бормочет Проводник, в отчаянии трясая головой.— Не понимаю я...

— И счастье твое, что не понимаешь! Сходи туда — сразу поймешь, но тогда уже... извини! Ты ведь всегда очень высоко себя ставил, много выше всех остальных... Железный мужик, гордый и вольный, а на самом-то деле — просто скотина. И придешь ты оттуда либо калекой, тухлой гнидой приползешь, ни на что не годной от срама, либо таким уж зверем, что и Дикобраз по сравнению с тобой ангелом покажется. Все. Отстань!

Пока они конфликтовали, Профессор уже освободил из рюкзака массивный цилиндр, тускло отсвечивающий на солнце. На цилиндре нет ни циферблатов, ни шкал, только диск наподобие телефонного в центре верхнего днища.

— Что это у вас, Профессор? — спрашивает Писатель.

— Это атомная мина.

— Атомная?

— Да. Двадцать килотонн.

— Откуда? Зачем?

— Мы собрали ее с друзьями... с бывшими моими коллегами. Мы решили, что это место надо уничтожить. Я и до сих пор так думаю. Никому никакого счастья оно не принесет. А если попадет в дурные руки... Страшно подумать. Впрочем, теперь я уже не знаю... Они потом стали говорить, что это чудо и надежда, что нельзя убивать чудо и нельзя убивать надежду. Мы поссорились. Только ученые умеют так ссориться. Они спрятали эту мину, но я ее нашел...— Он поднимает глаза.— Вы понимаете? Я и сейчас совершенно уверен, что все это надо к чергу взорвать. Это просто: набрать четыре цифры, и через час... в общем, сюда никто больше никогда не придет...

Он долго молчит, затем добавляет:

— И никогда больше на Земле не будет такого места.

— Бедняга...— тихо говорит Писатель.— Выбрал себе проблемку...

— Понимаете, это общий принцип,— говорит Профессор.— Никогда не совершай необратимых действий. Но пока эта язва открыта здесь для всех — ни сна, ни покоя... Ни сна, ни покоя...

И тут взрывается Проводник.

— Будьте вы прокляты! Какого дьявола я с вами связался? — ревет он.— Интеллигенты хреновые! Болтуны! Пошел бы, взял деньги, не знал бы ничего, не думал бы, жил бы припеваючи, как люди живут! Запутали! Душу разъели, паразиты! А как же теперь я? А? Ничего нельзя! Туда нельзя, здесь нельзя... Значит, все зря? Навсегда зря? Никогда, значит, больше ничего?

Он хватает Профессора за плечи.

— Тогда взрывай ее к чертовой матери! Тогда — никому! Хоть какая-то польза будет!

Он обхватывает голову и раскачивается. Потом вдруг замирает.

— Слушай! — хрипло шепчет он в лицо Писателю.— Ну ладно, я не гожусь... А жена? Ради дочери своей, а? Не я, не я, жена! Она у меня святая, у нее же ничего, кроме Мартышки, нет! Жена, а?

Он кидается к Профессору.

— Нет! Не надо! Нельзя! Не трогай ее! Другой же надежды нет!

Профессор отстраняет его руки. И Писатель и Проводник, как замороженные, следят, как Профессор с натугой отвинчивает верхнюю часть цилиндра, приподнимает ее, обрывает тянущиеся провода и принимается разбирать, рвать, ломать, далеко вокруг себя разбрасывая деталь за деталью.

В это время заходит солнце и становится темно.

ОПЯТЬ ЗАБЕГАЛОВКА

В кафе пусто. За стойкой копошится грузный кельнер в грязной куртке. За столиком в углу расселись наши герои — грязные, оборванные, заросшие. Перед каждым — полупустая кружка пива. Писатель разглагольствует:

— ...Я представляю себе это здание в виде гигантского храма. Все, что создало человеческое воображение, фантазия, дерзкая мысль,— все это кирпичи, золотые кирпичи, из которых сложены стены этого храма: философия, книги, полотна, этические теории, трагедии, симфонии... даже, черт возьми, наиболее смелые, основополагающие научные идеи. Так уж и быть... А вот вся эта ваша технология, домны, урожай, вся эта маята-сувата для того, чтобы можно было меньше работать и больше жрать,— все это леса, стропила... Они, конечно, необходимы для построения храма, без них храм был бы совершенно невозможен, но они опадают, осыпаются, возводятся снова, сначала деревянные, потом каменные, стальные, пластмассовые, наконец, но всего-навсего стропила для построения великого храма культуры, этой великой и бесконечной цели человечества. Все умирает, все забывается, все исчезает, остается только этот храм... Честно говоря, человечество вообще-то существует лишь затем...

Профессор отхлебывает из кружки и брюзжит:

— И вы что, беретесь ответить, зачем существует человечество?

— Не перебивайте,— бросает Писатель.— Это невежливо. Лишь затем,— продолжает он,— чтобы производить произведения искусства! Образы абсолютной истины. Это, по крайней мере, бескорыстно...

Пауза.

Писатель неожиданно ухмыляется:

— Шутка,— добавляет он, почти смущенно.— Пиво здесь... Разве это пиво? Давайте еще по одной, что ли?

— У меня денег больше нет,— говорит Профессор.

— И у меня нет,— упавшим голосом сообщает Писатель.

— Вы же хвастались, что у вас везде кредит,— раздраженно говорит Профессор Писателю.

— Да! — с вызовом отвечает тот.— Везде! А здесь нет.

Проводник высыпает на стол несколько мелких монет пополам с мусором, двигает монетки пальцем, пересчитывая.

— Вот,— говорит он,— на две кружки еще хватит. Живем.

В этот момент у столика появляется кельнер, ловко расставляет перед ними полные, с шапками пены кружки и забирает кружки в опивками. Глядя на него, Проводник с извиняющимся видом стучит

грязным ногтем по жалкой кучке монет. Кельнер делает успокаивающий жест и исчезает.

— Мой читатель! — объявляет Писатель значительно. — Узнал!

Проводник и Профессор смотрят на него — на его небритую грязную физиономию, на огромный синяк вокруг правого глаза, на окровавленную тряпку, съехавшую на лоб, — смотрят, а потом, не говоря ни слова, надолго припадают к своим кружкам.

— Нет, — говорит Проводник. — Это не выпивка, ребята. Я сейчас жене позвоню, у нее десятка оставалась. Пусть принесет.

Писатель удерживает его за рукав.

— Какая там десятка? Да я сейчас в любую редакцию позвоню...

Проводник отстраняет его.

— Уймись... Я угощаю, а не ты. Сиди.

Он подходит к автомату, набирает номер, и в этот момент видит через окно жену, которая идет в сторону кафе. Он вешает трубку и возвращается к столику.

Она подходит к столику и говорит мужу:

— Ну, что ты здесь сидишь? Пошли!

— Сейчас, — говорит он. — Ты присядь. Присядь с нами, ты что, торопишься?

Она охотно садится, берет его за руку и обводит взглядом Писателя и Профессора.

— Вы знаете, — говорит она, — мама моя была очень против. Он же был совершенный бандит. Вся округа его боялась. Он был красивый, легкий, как... А мама говорила: он же сталкер, он же смертник, он же вечный арестант... и дети. Вспомни, говорила она, какие дети бывают у сталкеров... А я даже с ней не спорила. Я и сама все это знала: и что смертник, и что арестант, и про детей. Только что я могла поделеть? Я уверена была, что с ним мне будет счастье. Я знала, конечно, что и горя будет много, но я подумала: пусть будет лучше горькое счастье, чем серая жизнь. А может быть, я все это уже сейчас придумала. Тогда он просто подошел ко мне и сказал ласково: «Слушай, пойдём со мной!» И я пошла. И никогда об этом не жалела. Никогда. И плохо было, И страшно было. И стыдно было, и все-таки я никогда об этом не жалела и никому не завидовала. И он тоже не жалел и не завидовал. Просто судьба такая. Жизнь такая, мы такие. А если бы не было в нашей жизни горя, то не было бы лучше. Хуже было бы. Потому что такого счастья тоже не было бы, и не было бы надежды. Вот. А теперь нам пора. Пойдем, Мартышка там одна.

Они встают.

— Это вот мои друзья, — говорит Сталкер. — А больше у меня пока ничего не получилось...

Они уходят, а Писатель и Профессор смотрят им вслед.

«Толстяк» над миром

1

Разведывательный крейсер «Толстяк» приближался к Солнечной системе.

— Есть ли новые данные? — спросил Стратег и захрустел ремнями мундира.

— Новые данные подтверждают старые данные, — ответил Звездочет. — Уровень радиоизлучения системы непрерывно повышается. Еще две-три минуты, и мы увидим, шумит ли это Светило или какая-либо из планет.

— И что это будет означать?

— Если излучает Светило, то в скором времени возможен взрыв, — ответил Звездочет. — Если же Планета, то это неоспоримо докажет, что на ней есть разумные существа.

— Хм... цивилизация... Сколько раз мы уже предполагали наличие разума на других планетах, но ничего не нашли. — Стратег задумчиво потер ладонью подбородок. — Что скажешь, Тактик?

— Как только приборы подтвердят, что радиоизлучение идет с Планеты, на «Толстяке» будет объявлена тревога нулевой степени, — ответил Тактик.

— Хорошо.

Стратег встал и прошелся по отсеку управления, затем посмотрел на песочные часы.

Звездочет нагнулся над самописцем, регистрирующим радиоизлучение неизвестной солнечной системы. Перо вычертило маленькую горбушку, сделало два прочерка и наконец выдало огромный импульс.

— Есть! — радостно воскликнул Звездочет. — Третья планета!

— Так что это означает? — спросил Стратег.

— Это означает, что на третьей планете существует высокоразвитая цивилизация, — вытянулся Советник. — Необходимо записать эти радиосигналы и попытаться расшифровать их.

— Этим и займитесь! — нетерпеливо заметил Стратег и недовольно посмотрел на Тактика.

Тот поспешно схватил микрофон:

— Объявляется тревога нулевой степени! Произвожу проверку. Шкипер!

— «Толстяк» идет точнехонько к третьей планете!
— Канонир!
— Все бомбарды заряжены чугунными ядрами!
— Оружейник!
— Все арбалеты заряжены лучами повышенной убойной силы!
— Умелец!
— Все системы крейсера работают нормально, в точно заданных режимах!

— Лекарь!
— Лазарет готов к принятию раненых!
— Бунтарь!
— Начал расшифровку радиоизлучения!
— Дурашка!
— Согласно вашему приказу отбываю наказание в карцере!
— Стряпух!
— Накрываю в кают-компании стол на тринадцать персон!
— Неприметный!
— Я-я-а-а... — тихо зашелестело по кораблю.

Тактик довольно шмыгнул носом. Теперь, когда Планету уже можно было видеть в обзорном экране, командование «Толстяком» переходило из рук Стратега в его, Тактика, руки. Стратег теперь может давать только самые общие указания.

Команда «Толстяка» приготовилась к встрече с неизвестной цивилизацией.

2

— Прямо по курсу — неизвестное тело! — доложил Шкипер.

Стратег зевнул, опустился в кресло, еще немного поскрипел ремнями мундира и заснул.

— Бомбарды к бою! — приказал Тактик.

— Есть, бомбарды к бою! — с какой-то залихватской веселостью ответил Канонир.

— Тактик! — крикнул Бунтарь. — Удалось расшифровать одну фразу!

— Мы им пошифруем! — пообещал Тактик. — Ну, что там у тебя!

— «Милости просим!»

— Какой еще «милости»?! — не понял Тактик.

— Планета непрерывно излучает фразу: «Милости просим!»

— Ах, Планета! Уже милости просят! Прекрасно. Они у нас еще не этого запросят...

— Тактик, они не милости у нас просят. Они милости просят пожаловать к ним в гости!

— Не понимаю. Просить милости — это просить милости. Может, мы и смилостивимся. Это зависит от того, как они поведут себя.

— Тактик, ты совершаешь ошибку!

Тенью мелькнула в отсеке управления фигура Неприметного, на мгновение замерла возле Тактика и снова скользнула в открытую дверь.

— Бунт! — взревел Тактик. — На взверенном мне крейсере не позволю! Оружейник, препроводи Бунтаря в карцер!

— О, Пустынный Космос, — вздохнул Оружейник. — Каждый день одно и то же. Посадили бы его там навечно, что ли.

— Разговорчики, Оружейник!

— Да слушаю, слушаю... Препровожаю... Не впервой...

— Тактик, — успел сказать Бунтарь, — они наверняка хотят вступить с нами в контакт. Не ошибись!

— Посиди, остынь, — посоветовал Тактик. — Мы с ними так вступим, что дым пойдет!

Бунтаря увели.

— Тактик! — крикнул Шкипер. — Неизвестное тело производит какие-то маневры!

— Что скажешь, Советник? — спросил Тактик.

— Может, припугнуть его для начала, — как-то робко предложил Советник.

— Припугнуть бы хорошо... А если они?

— Выпустим дымовую завесу и уйдем.

— А ведь верно! Канонир! Как там у тебя?

— Неизвестное тело держу под прицелом бомбард левого бор-

та!

— Повышенным... товсь!

— Понятно, что повышенным...

— Огонь!

«Толстяка» даже немного тряхнуло. С левого борта крейсера сорвалась дюжина молний и стремительно понеслась к неизвестному телу, охватывая его со всех сторон, так что никакого выхода тому не оставалось. В положенном прицелом месте возникло маленькое солнце, запульсировало, сжалось в ослепительную точку и исчезло. И Космос снова был чист. Никакое неизвестное тело больше не болталось рядом с «Толстяком».

— Так-то оно надежнее, — сказал Тактик. — Что они теперь нам передают? Ну?

— Странно, — сказал Звездочет. — Все радиостанции Планеты мгновенно замолчали.

— Замолчали? Что скажешь, Советник?

— Для того чтобы мгновенно и одновременно выключить все радиостанции и излучающие установки, нужна не только высокая

степень развития цивилизации, но и высокая организация, синхронность, синфазность. Скажу одно: обитатели этой Планеты вымуштрованы что надо!

— Отлично! — обрадовался Тактик. Он чуть было не испугался непонятного поведения существ Планеты, но доводы Советника вернули ему уверенность. — Стратег будет доволен. Готовиться к посадке!

Но не успела команда «Толстяка» отрапортовать о готовности к посадке, как Звездочет выкрикнул:

— Повысился радиодон Светила! Смотрите!

Самописец раз за разом вычерчивал огромный импульс на месте Светила. А на местах планет делал прочерки. И если бы не графики, выданные им минутой назад, можно было плюнуть на эту солнечную систему и преспокойно топтать к другой.

— Насколько я понимаю, — сказал Тактик, — выключить все радиостанции Планеты мгновенно теоретически можно. Но как повысить в тысячи раз радионалучение Светила? Ответстуй, Советник.

— Тут нужно проводить исследования. Хотя, как я полагаю, нас ведь интересует Планета, а не Светило. Возможно, у них существует такой переключатель...

3

«Толстяк» трижды облетел Планету. Его приборы фотографировали, записывали, анализировали. Но Планета была мертва.

— Кто же тогда просил милости? — удивился Тактик и приказал Шкиперу посадить крейсер на удобную площадку.

Только скалы да вода. Ничего больше не было на этой Планете. Шкипер ввел данные визуального обзора в компьютер, поразмыслил немного над ответом и повел крейсер на посадку. Каменистое плато километров в пять диаметром окружало корабль. Датчики мгновенно проанализировали состав атмосферы. Воздух оказался вполне пригодным для дыхания. Из выходного люка корабля выдвинулся пандус, и по нему на землю негостеприимной Планеты, стуча копытами и мягко раздувая бока, сошли три скакуна. На своих спинах они несли Тактика, Оружейника и Советника.

Сдерживая горячившегося, заряженного на сто часов скакуна, Тактик сказал:

— Ну? Как вам нравится эта распрекрасная Планета? Куда они все подевались? Может, устроим маленький кавардак? Как ты считаешь, Советник?

— Кавардак не помешает. А если аборигены спят, то поможет пробудить их к обоюдной радости.

— Заметано,— оживился Тактик и пустил своего скакуна вскачь.— Кавардак устроим! А ты что думаешь, Оружейник?

— Мое дело маленькое,— нехотя ответил Оружейник.— Арбалеты да мечи. Оружие ближнего боя... Если сами нападут, что ж, будем отбиваться.

— Не чувствую задора.— Тактик остановил своего скакуна на краю пропасти.— Выбери, какую из скал мы для начала превратим в пар.

— Не мое это дело — выбирать. Пусть Советник советует.

— А я тебя спрашиваю, Оружейник.

— О, Пустынный Космос! — вздохнул Оружейник.— Да по мне хоть и вовсе не превращать в пар. Красота-то, красота какая!

Скакуны высекали искры из камней, испуганно прядали ушамидокаторами, косились чувствительными фотоэлементами на край обрыва.

Внизу, под стометровой кручей бежал ручей, неширокий, в три проскока, но бурный, горный. Далее располагалась холмистая равнина с причудливыми нагромождениями скал. Ярко-желтое Светило заливало местность потоками лучей, и в нагретом, дрожащем воздухе, казалось, плывут и переливаются невиданные и чудные корабли.

— Значит, не превращать?

— Как скажешь, Тактик. Исполнять ведь Канониру, а не мне.

— Ну и настроение у тебя! Недаром Неприметный возле тебя трется.

— О, Пустынный Космос! — в испуге воскликнул Оружейник.— Да по мне хоть в пар, хоть в плазму. Только ошибается, ошибается Неприметный! Я ведь и Бунтаря в карцер, и Дурашку. Чуть ли не каждый день! Вспомни, Тактик, всю мою верную службу!

— Так-то лучше! Так что, Советник?

— Превращать.

— Эй, на «Толстяке»! — крикнул Тактик, нажав кнопку на мундире.— Вдаль-ка, Канонир, чтоб нам хорошенько видно было!

И через мгновение чугунное ядро просвистело над головами трех зрителей и взорвалось километрах в полтора. Яркая вспышка ослепила Оружейника. Он закрыл ладонями глаза и долго не открывал их, хотя гул от взрыва, петляя между скал, уже затих.

— Что за чертовщина?! — испуганно сказал Тактик.

Оружейник открыл глаза и увидел, что долина не изменилась. Ничто не превратилось ни в пар, ни в плазму. Все так же плыли в солнечном расплаве странные корабли-скалы, светило Солнце, тихо журчал ручей. Мир оставался прежним. Оружейник проглотил комок в горле и испуганно огляделся. Чем черт не шутит! Этот Неприметный может оказаться за спиной, когда его и не ждешь. И как только у него получается?

— Канонир, усиленным! — крикнул Тактик.— Кавардак так кавардак!

Чугунное ядро раз в пять больше диаметром просвистело над головами. И снова яркая вспышка, и снова нетронутые скалы, целые, неведимые, сказочные.

— Да что же это?! Бунт! — Тактик повернул своего скакуна к крейсеру.— Из всех калибров! Чтоб только мокрое место!

«Толстяк» оцетинился жерлами бомбард и исчез в клубах дыма. Тронца уже доскакала до вздрагивающего пандуса. Оружейник оглянулся. Мир только расцветал новыми красками, И ничем ему были чугунные ядра.

— Да что же это?! — растерянно спросил Тактик.— Нападении! Враги! Уничтожить! Врезаться!

— Стволы греются! — кричал Канонир.— Передохнуть бы...

— Ну, Планета! Смотри у меня! Ты еще попляшешь! Увидим, кто кого...

И, пропустив вперед Оружейника и Советника, Тактик крепко закрутил запоры выходного люка.

4

Необъяснимое поведение Планеты встревожило Тактика. Если она не хочет превращаться в лар, то, в свою очередь, наверняка захочет проделать то же самое с «Толстяком». Необходимо было принять меры предосторожности. Все датчики крейсера чутко установились на Планету. На ночь необходимо было организовать и внешнюю охрану.

В сумерках на каменное плато сошли пять скакунов с пятью членами экипажа на своих пластмассовых спинах. Возглавляя ночной патруль сам Тактик.

— Оружейник и Лекарь,— сказал он,— будут охранять южную часть плато. А Советник и Звездочет — северную. Я поддерживаю связь с обеими группами и крейсером.

Тактик сначала сопровождал южную группу. Светило скатилось за горизонт, но каменные нагромождения, отсвечивающие как драгоценные камни, были еще видны отчетливо.

— А красно все-таки,— сказал Оружейник.

— И отсюда мы должны ждать нападения? — спросил Лекарь.

— Планета — враг! — сказал Тактик.— И неизвестно, что она может выкинуть.

— А планетяночки, должно быть, шикарные женщины,— вздохнул Лекарь.

— Так что будем делать, Тактик? — спросил Оружейник.

— Делать? А делать будем вот что. Вы остаетесь здесь. Особенно не шумите. Скоро станет совсем темно, так что надейтесь побольше на уши, а не на глаза. Если заметите что странное, сигнальте.

— Если нападут, не успеешь и до крейсера доскакать,— сказал Лекарь.

— Нападут? — переспросил Оружейник.— Да кто тут на тебя нападет?

— А планетяне...— сказал Тактик.

— Кто их видел?

— Оружейник! Что за упадочническое настроение! А ну, приободрись!

— Есть, Тактик! — И Оружейник выпрямился в седле, расправил плечи.

— Вот так-то лучше. В случае чего... первый выстрел в воздух, второй — по ногам, третий — сами понимаете...

— Да у них, может, и ног-то нет,— заметил Оружейник.

— Нет,— значит, нет. Тем хуже для них!

Тактик развернул скакуна и растаял в уже опустившейся на плато темноте.

— Как ты думаешь, Оружейник, нападут они на нас? Все-таки милости просили...

— Вовсе не обязательно им на нас нападать. Мы им вроде еще ничего плохого не сделали.

— А тело-то неизвестное обстреляли! И скалы в пар хотели превратить. Не просто ведь так мы сюда притащились?

— Ничего не могу сказать,— ответил Оружейник.— Это компетенция Стратега и Тактика... Ну что, для начала двинем налево или направо?

— Давай налево,— предложил Лекарь.

Впереди ехал Оружейник. Лекарь за ним. У Лекаря арбалет нелепо болтался и бил по спине, колчан с лучами свисал чуть ли не до земли. В случае необходимости до него и не дотянешься сразу. Было видно, что не привык Лекарь к оружию. Среди бинтов да скальпелей — вот где он чувствовал себя свободно и легко. У Оружейника арбалет ни разу не шевельнулся, словно прирос к мундиру. Так доехали до восточного склона, постояли немного, прислушались. Тишина, никаких посторонних звуков.

— Назад поехали? — спросил Оружейник.

— Ага. Давай.

И хотя места здесь было сколько угодно, они развернулись, как на узкой тропе, и снова поехали спина в спину, только теперь впереди был Лекарь.

Вдруг с запада послышался какой-то звук.

— А ну-ка пригнись! — тихо приказал Оружейник. — Кажется, начинается... — И молниеносно сорвал арбалет с плеча, снял луч с предохранителя. Лекарь никак не мог сдернуть свой. Запутался, зацепился у него за что-то арбалет. — Фу ты! — вдруг с облегчением сказал Оружейник. — Это же Тактик. Он объехал плато, потому и с другой стороны.

— Эй! — донеслось из темноты. — Патруль!

— Здесь мы, — отозвался Оружейник.

Тактик подъехал ближе. Арбалет лежал у него поперек луки седла.

— Доложите обстановку! — коротко приказал он.

— Все спокойно, — отрапортовал Оружейник.

— Все, говоришь? Не замечено никаких признаков нападения?

— Не замечено, Тактик.

— Не нравится мне это. Притаились враги!

— Да откуда ты взял, что здесь есть эти самые враги? — удивился Оружейник.

— Разговорчики! — повысил голос Тактик. — О субъективных впечатлениях не спрашиваю.

Оружейнику вдруг стало ясно, что Тактику позарез нужно это нападение. Нападение! Враги! Все понятно. И Тактик будет точно знать, что ему делать. Уничтожить врага! Победить! Зачеркнуть в памяти тот неприятный случай днем, когда бомбарды «Толстяка» не смогли превратить в пар скалы Планеты. Победителей не судят.

§

На вершине корабля вдруг зажегся прожектор, тревожно замигал, заметался из стороны в сторону.

Тактик включил нагрудную радиостанцию, что-то выслушал, потом сказал:

— Понимаю... Хорошо... Приступаем к действиям.

— Ну?! — хрипло спросил Оружейник.

— Кто-то открыл люк крейсера, — сказал Тактик. — Проник внутрь или нет, пока неизвестно. Скорее всего — нет, потому что стреляли по убегающему.

— По какому убегающему? — недоуменно спросил Лекарь.

— Да разве в темноте разберешь? Кто-то открыл люк, был замечен и бежал.

Тактик снова прислушался к тому, что передавали ему по радио.

— Слушаю... Понятно... — И обращаясь уже к патрульным: — Неизвестный бежал в нашу сторону. Звездочет и Советник заходят слева, а нам — от центра и вправо.

— Километры здесь,— не очень радостно заметил Лекарь,— а нас трое.

— Ну и что?! — Тактик весь горел нетерпением.— Скачем к крейсеру челноком!

И Тактик, натянув поводья скакуна левой рукой, правой высоко поднял арбалет и помчался к «Толстяку». Лекарь жался ближе к нему. Оружейник оказался крайним слева. Минуты через две из темноты выскочили на уже взмыленных скакунах Звездочет и Советник.

— Что скажешь, Советник?! — крикнул Тактик.

— Стрелять по ногам! — ответил тот, мчась вдоль цепи.— Живые нужны, живыми будем брать!

— Есть, значит, у них ноги,— с удивлением пробормотал Оружейник, пришпоривая и без того мчавшегося на предельной скорости скакуна.

— Слышите, живыми брать! — приказал Тактик.

Цепь вдруг начала заворачивать влево.

Сердце Оружейника билось в груди учащенно. Раза два скакун спотыкался и сбрасывал Оружейника на камни. Но тот снова вскакивал в седло и боли не чувствовал. Левее, ближе к центру цепи шибанул выстрел из арбалета. «Началось»,— подумал Оружейник. А оно и действительно началось! Еще и еще раз грохнуло из арбалета. Цепь смялась.

— ...вое! — донеслось до Оружейника.

«Что за «вое»? — подумал он.

Выстрел грохнул совсем рядом.

— Не стрелять! Не стрелять! — орал кто-то, приближаясь со стороны крейсера.

Облава смещалась к обрыву изломанным кольцом.

— Не стрелять!

— Стрелять! — Это голос Тактика.

— Не стрелять!

— По ногам целясь! — А это голос Советника.

— Не знаешь, кого и слушать,— хрипло выдавил из себя Лекарь, внезапно появившись перед Оружейником.— Ты, что ли! Своих перестреляем!

— Вот они! — кричал кто-то.— Вот!

Крики. Топот копыт.

Чуть правее себя Оружейник вдруг увидел фигуру. Она растаяла в темноте, растворилась. А в одно-единственное мгновение случайно удержавшейся тишины Оружейник услышал тяжелое дыхание тех двоих. Двоих! Он поймал направление, бросил скакуна в их сторону. Мимо промчался Тактик, стрелявший из арбалета.

— Упустили! — звал он.

Цель приблизилась почти к самому обрыву. Садануло еще несколько выстрелов.

— Прекратите! Не стрелять!

«Это же Умелец! — удивился Оружейник. — Он-то как сюда попал?»

«Толстяк» грохнул из всех своих бомбард. Но это больше для острастки. В пламени взорвавшихся где-то за десяток километров чугунных ядер Оружейник увидел мчавшегося во весь опор Умельца. О, Пустынный Космос! Что же он делает?! Умелец на всем скаку налетел на Тактика. И сделал он это не случайно, а нарочно. Но Тактик вовремя оглянулся, развернул своего скакуна и поднял его на дыбы. Скакуны столкнулись. Умелец вылетел из седла на камни, а Тактик бросил своего скакуна к самому обрыву.

Взрывы ядер освещали местность, но в перерывах между вспышками тьма становилась еще кромешнее, непрогляднее.

Оружейник соскочил с седла и нагнулся над Умельцем. Тот был жив.

— Останови его, — с трудом прошептал он.

— Вниз! — крикнул Тактик, спешившись. — Заходи к ручью!

— Да останови же его! Не стреляйте! Ведь такие же люди!

Оружейник начал что-то понимать, но еще не совсем, не до конца. А крики погони раздавались уже откуда-то снизу. Умелец застонал. Оружейник хотел было поднять его и усадить на своего скакуна.

— Скорее! Останови их! Да брось ты меня! — крикнул Умелец.

Оружейник кинулся к обрыву, заскользил вниз как по мокрой глине, натываясь на острые камни и разрывая в клочья мундир. Последние метров десять он кувыркался через голову. Распластавшись на камнях, он услышал торопливый говорок горного ручья.

— Люди это! — крикнул Оружейник, поднимаясь.

Тишина, а потом страшное предупреждение Тактика:

— Стой! Стреляю!

«Как будто они могут понять», — удивился Оружейник и различил впереди себя человека, лежащего на животе, с раскинутыми в стороны ногами и твердо державшего арбалет на локте.

— Тактик!

— Смотрите, чтобы через ручей не ушли!

— Тактик! Остановись!

Тень метнулась по камням через горный поток. За ней вторая. И выстрел грянул! Крик:

— Ушел!

И тут второй выстрел. Стрелял Тактик. Оружейник упал на него сверху, когда тот издавал удовлетворенный, радостный крик. Попал Тактик! Пронзил врага лучом из арбалета! Он не ожидал нападения

сзади, но не растерялся, потянулся за ножом, но тут же сообразил, кто на нем, и попытался скинуть с себя.

— Зачем ты стрелял?! — застонал от какой-то внутренней, душевной боли Оружейник.

— А... Оружейник... Раздавишь... Катись...

— Один есть! — крикнул Советник.

Тактик скинул с себя Оружейника, встал, отряхнулся. Советник и Звездочет с арбалетами неизготовые стояли возле валунов, протянувшихся цепочкой через ручей, не решаясь приблизиться к тому, что лежало там.

6

— Один есть! — передал Тактик по радио Стратегу.— Канониру пока остудить стволы бомбард... А ну-ка! Я сам! — Тактик прошел мимо расступившихся Советника и Звездочета.

— Га-а-а-а-ды! — Вдруг раздалось уже с той стороны ручья.— За что вы его убили!

Тактик остановился, вздрогнул, чуть не свалился со скользкого камня в воду.

Похолодели спины стоявших у ручья. Голос-то ведь был свой, только сумасшедший какой-то, дикий, страшный, гортанный.

Тактик нервно рассмеялся, крикнул:

— Эй ты! Выходи!

Тихий шорох шагов, и все смолкло.

— Посветите фонариком,— приказал Тактик.

У Советника нашелся фонарик. Яркое световое пятно скользнуло по камням и воде и замерло на мгновение, потом задрожало, забилось в забавной и страшной пляске. Звездочет вскрикнул как-то тоскливо и жутко.

— Похож, очень похож,— сказал Тактик и носком сапога перевернул тело.

Голова Бунтаря нелепо качнулась и стукнулась о камень. Грудь его была прожжена лучом арбалета.

— Да что же это?! — крикнул Оружейник.

— Выходит, на своих охотились,— констатировал факт Советник.

— А кто же второй? — всхлипнул Звездочет.

— Дурашка, наверное,— предположил Советник.

Оружейник надвинулся на Тактика, весь — гнев и боль.

— Зачем ты стрелял?! Стрелял зачем?!

Тактик отступил на шаг.

— Ведь планетяне же...

— Зачем ты стрелял?!

Сильный и злой удар кулаком бросил Тактика в воду.

- Сверху с обрыва засигналил Лекарь
 — Что там у вас? Поймали?
 — Нет,— ответил Звездочет.— Убили.
 — Убили? И кто же он такой?
 — Бунтаря! Бунтаря убили!
 — Бунтаря... Да как же так? Ведь за планетянами охотились...
 — Что будем делать? — спросил Звездочет.
 — Понесли на крейсер. Оружейник, держи за голову.
 — Взяли.
 — Осторожнее!
 — Чего уж теперь осторожнее...

Цепляясь за выступы, трое медленно поднимали в гору четвертого. Чуть поотстав, но уже уверенно догоняя их, отплываваясь и что-то невнятно бормоча, полз Тактик.

Наверху нервно били подковами разгоряченные скакуны.

7

Дурашка был Офицером для наказаний. Случалось иногда так, что провинившегося нельзя было сажать в карцер. К примеру, Шкипера, который проводил в это время сложный маневр «Толстяка» в пространстве, или Стряпуха, готовившего обед. Так вот, обычно наказание за всех отбывал Дурашка. Плата за такую работу шла порядочная, наказание розгами применялось редко, карцер был давно обжит, казался родным и уютным. Находясь здесь частенько, Дурашка, как мог, вычистил его, дал имена и своему, и запасному топчану, привинченному к полу столу и стульям, графину с водой и чашке, в которой ему приносили остатки обеда. Он научился разговаривать с неодушевленными предметами, знал их повадки и привычки, относился к ним с нежностью и уважением, любил и понимал. Ему и сам крейсер представлялся живым существом. В те дни, когда никто из команды не совершал проступков, он любил лазить по всяким закоулкам корабля, поглаживать трубы и кабели, спрашивать о самочувствии у планетарных и космических двигателей, вытирать пыль или смазывать трущиеся части, выслушивать стук и вздох «Толстяка». Словом, корабль он знал хорошо, хотя никто об этом и не догадывался. Но знал он его не с технической стороны, а как-то подсознательно, душой.

Команда относилась к Дурашке с юмором, не травила его, не смеялась над ним. Разве что Звездочет, Советник да сам Тактик иногда говорили: «Что-то ты, Дурашка, давно не работал» и совершали какое-нибудь нарушение правил внутренней дисциплины, за что Дурашку немедленно отправляли в карцер. Но он не обижался. Ведь это действительно было его работой! Иногда в карцере

поселялся еще кто-нибудь из команды. Звездочет молчал, не опускаясь до разговоров с Офицером для Наказаний, Советник всячески старался вывести его из терпения, Оружейник тоже молчал, но не так, как Звездочет. Молчание его было легкое, приятное. Бунтарь беседовал с Дурашкой как равный с равным, сообщал ему много любопытных фактов, которые откладывались в сознании Дурашки не в виде знаний, а в виде настроений и чувств. Дурашка искренне огорчился тоске попавшего в карцер. В таких случаях ему казалось, что он плохо выполняет свою работу.

Вот и в этот раз, когда в карцер вошел Бунтарь, Дурашка застыдился, покраснел от огорчения. Но Бунтарь никогда не принимал сочувствий. Его словно тоже радовало пребывание в карцере.

— Ну что? Займемся обучением? — спросил он просто.

Дурашка всегда был рад слушать его. Бунтарь заговорил о Планете. О том, что она наверняка населена разумными существами. Пофантазировал по поводу их вида и образа мышления. Посожалел о бессмысленном уничтожении неизвестного тела. Все разговоры в карцере прослушивались специальными устройствами. Но вторичного наказания за один и тот же проступок не полагалось, и поэтому Бунтарь говорил не таясь.

Они знали, что «Толстяк» совершил посадку на поверхность Планеты. По вибрации и гулу догадались, что бомбарды начали обстрел.

Время шло. Дурашка, случайно подойдя к двери, обнаружил, что она не заперта. Это его очень озадачило. А в голове Бунтаря мгновенно созрело решение: нужно бежать. Бежать чтобы предупредить планетян о том, что их ждет в случае контакта с «Толстяком», что ждет Планету, если такой контакт не состоится. В существовании на Планете разумных планетян он не сомневался. Дурашка даже почувствовал, что побег с «Толстяка» был для Бунтаря решенным делом. И вот случай представился.

Сердце Дурашки радостно забилось, когда Бунтарь предложил ему бежать вдвоем. Это было как отдых после работы. Он не сомневался, что через несколько часов их поймут и снова посадят в карцер. Но отдохнуть хотелось.

По странному стечению обстоятельств люк крейсера тоже оказался открытым и никем не охранялся. Дурашке это показалось смешным, ведь он знал о ночном патруле. Какой смысл был охранять открытый корабль? Но Бунтарь спешил уйти подальше от крейсера. Необходимость встречи с планетянами гнала его вперед.

Сначала беглецы крались по каменистому плато незамеченными. Потом на верхушке «Толстяка» зажегся прожектор, лучи из арбалетов пронзили воздух, цокот копыт скакунов надвинулся на них, но беглецы все же проскочили к обрыву. Только Дурашке вдруг

показалось, что все это не очень смешно. Какая-то боль, тоскливое предчувствие сдавили ему сердце. Но впервые за весь рейс ему не захотелось возвращаться в карцер, и он бросился по камням через ручей... А потом сзади раздался крик, и Дурашка почувствовал, что Бунтарь мертв. Говорливый ручей вдруг навсегда отрезал Дурашку от «Толстяка». Что-то мгновенно прорвалось в его сознании, еще неопределенное, неясное, но новое, незнакомое. Это и обрадовало его, и испугало. И страшный, звериный крик вырвался из его груди:

— Га-а-а-ды!

Никогда ранее он не смог бы так закричать. Слово-то такое не могло прийти ему в голову! Дурашка упал, забился головой о камни, заплакал, застонал. А те, преследователи, находились от него всего в каких-нибудь двадцати метрах, но почему-то не решались переходить ручей. А Дурашке вдруг так захотелось умереть! Но смерть Бунтаря настойчиво толкала его к действию, он встал и начал осторожно удаляться от ручья.

8

Тактик дрожал от страха, когда вошел в отсек управления. Такого еще не бывало за всю историю полетов «Толстяка»! Убит свой! Пусть и Бунтарь, пусть и нечаянно. Но свой, свой! Да, Бунтарь достукался до того, чтобы закрепить за ним место в карцера. Но смерть его Стратег не простит. Конец так удачно начавшейся карьеры! Черт дернул Бунтаря попасться на мушку арбалета!

— Доложить результаты ночного патруля! — приказал Стратег, позевывая.

— Враг отбит! — отчаянно крикнул Тактик. — Но... но с потерями с нашей стороны.

— Велики ли потери? — Видно было, что Стратег изо всех сил боролся со сном.

— Убит Бунтарь...

— Этого следовало ожидать. Он всегда имел обыкновение лезть на рожон.

Нет, Тактик еще не докатился до такой степени, чтобы врать Стратегу.

— Стратег, — сказал он, — произошло страшное недоразумение. Бунтарь попал под луч моего арбалета. Я не хотел, я не знал...

— Кто просил его лезть на мушку? — удивился Стратег. Борьба его со сном, кажется, проходила успешно. — И как он вообще попал в ночной патруль? Ведь он сидел в карцере!

— Он не был в патруле. Бунтарь и Дурашка бежали из карцера.

— Бежали!

— Да, Стратег. В ночном переполохе и был убит Бунтарь. Дурашка удалился в неизвестном направлении. Преследовать его ночью по вражеской территории мы не решились.

— Ну, Дурашка сам придет,— сказал Стратег.— Захочет есть и обязательно придет. С него спрос небольшой. Но каков Бунтарь! А?

Тактик понял, что грозы не будет. Нужно, не теряя времени, переходить в атаку.

— Стратег,— начал он,— враждебность планетян очевидна. Мы не могли превратить в пар ни одного камешка. Кто-то открыл дверь карцера. Я не смею даже предположить, что это сделал кто-то из команды «Толстяк». Открытым оказался и люк крейсера. И это в то самое время, когда мы предпринимали отчаянные усилия, чтобы враг не смог прорваться на корабли!

— В надежности команды сомневаться не приходится. Даже Бунтарь не пошел бы на предательство.

— Стратег, я заметил нехорошие веяния среди команды.

— Какие же?

— Оружейник не верит, что мы окружены врагами. Более того, Планета ему нравится, он даже жалеет ее!

— Ну и Оружейник! В карцер?— спросил у кого-то Стратег. Но Советника здесь не было. И все же Стратег ожидал чьего-то совета.

— Оружейника в карцер!— гаркнул Тактик.

— Да помолчи ты,— недовольно поморщился Стратег. Тень мелькнула за его спиной, и Стратег принял решение:— Оружейника в карцер не препровождать... И все же, если попытаться перебрать команду. Вдруг среди нас предатель!

— Нет, Стратег, нет!— закричал Тактик.— Все, что угодно, но только не это. Нам хватает внешних врагов.

— Шкипер?— все же предположил Стратег.— Что в это время делал Шкипер?

— Не могу знать, Стратег.

— Звездочет?

— Звездочет, Оружейник, Советник, Лекарь и я были в ночном патруле.

— Значит, эти пятеро отпадают. Канонир?

— Канонир непрерывно производил обстрел Планеты и не отлучался от бомбард.

— Кто там у нас еще? Стряпух? Что делал Стряпух?

— Стряпух готовил стол на тринадцать персон.

— Хорошо! Умелец!

— С Умельцем какая-то странность, Стратег. Он не был в ночном патруле. Но потом откуда-то появился, кричал: «Не стрелять!»

Пытался выбить меня из седла своим скакуном, но сам пал жертвой провокации.

— Неужели он?

— Тогда зачем ему было вести себя так вызывающе? Он знал, где дежурит патруль, и мог увести беглецов незаметно.

— Кто еще?

— Неприметный,— прошептал Тактик.

— Тс-с... Тише ты! — испугался Стратег.

— Прошу прощения! Остаешься еще только ты, Стратег.

— Ну, я карцер и люк «Толстяка» не открывал. В этом-то я уверен.

9

Стряпух расставил на столе в кают-компании тринадцать приборов. Он знал, что суп ему сегодня не удался, но надеялся, что никто не обратит на это внимание. Попробовали бы они сами отвешивать специн необходимыми порциями, когда весь корабль сотрясается от выстрелов бомбард.

Одиннадцать человек стояли возле резных деревянных кресел с высокими спинками, ожидая команды сесть. Но прежде Стратег пожелал сказать речь.

— Офицеры разведывательного крейсера «Толстяк», сегодня ночью наш корабль, несомненно, подвергся нападению врагов. И только хладнокровие и изобретательность Тактика позволили нам обойтись малыми жертвами. Тактик приговаривается к награждению орденом лучшеспускающей Розы.

Тактик преклонил колена, и Стратег адел ему в петлицу сияющий орден.

— Дальнейшее после завтрака,— объявил Стратег.— Прошу к столу.

Только позвякивание ложек и вилок нарушало тишину кают-компании. Стряпух ждал, что вот-вот кто-нибудь отбросит ложку в сторону, и тогда ему придется идти в карцер. Но, кажется, никто ничего не заметил, да и аппетит у всех был плохой.

Завтрак окончился в тягостном молчании.

— Нет сомнения, что карцер и люк крейсера открыли враги,— сказал Стратег.— И все же я страшиваю, никто из вас не открывал их?

Все молчали.

— На крейсере в это время находилось шесть человек: я, Шкипер, Умелец, Канонир, Стряпух и... э-э... м-м...

Неприметный, закутанный в темно-серый плащ, улыбнулся и всем стало неуютно.

— Кроме Шкипера и Умельца все были заняты своими делами.

— Я не открывал карцер, Стратег! — воскликнул Шкипер.

— Не открывал его и я, — сказал Умелец.

— Вот и хорошо. Враги еще поплатятся за свое коварное нападение на крейсер. Но почему ты, Умелец, кричал: «Не стрелять!», а потом напал на Тактика?

— Я виноват, Стратег. И мне трудно оправдаться. Кто-то сообщил мне, что облава идет на людей. Я только хотел предотвратить кровопролитие.

— Кто же сообщил тебе это?

— Не знаю, Стратег. Я находился в своей мастерской, когда кто-то сказал через динамик внутренней связи, что идет облава на людей.

— Внутренняя связь! — воскликнул Тактик. — Значит, они были на крейсере! Черт меня побери, если я не расколю эту Планету!

— Выходит, что они знают наш язык? — прикрыв глаза ладонью, спросил Неприметный. А ведь он очень редко говорил и еще реже задавал вопросы.

— Выходит, что так, — ответил Умелец.

Нет, неспроста задал вопрос Неприметный. Его вопрос все равно что клеймо на лбу спрашиваемого.

— Кого-то из вас двоих, Умельца или Шкипера, необходимо посадить в карцер.

— За что?! — взмолился Шкипер.

А Умелец промолчал.

— Твое мнение, Советник? — спросил Стратег.

Советник уловил на себе тяжелый и пристальный взгляд, понял, что от него требуется, и сказал:

— Умельца в карцер. Шкиперу рыть могилу.

— Хороший совет, — согласился Стратег.

— Оружейник!

— Я отведу Умельца в карцер, — прервал Тактика Неприметный, путаясь в складках плаща.

— Нет, Неприметный, это, как всегда, сделает Оружейник, — твердо сказал Умелец.

— Пусть Оружейник, — тут же согласился Неприметный.

Умелец снял ремни и протянул их Оружейнику.

Что-то хотел и боялся сказать Звездочет.

— Дурашка уже должен захотеть есть, — сказал Тактик. — Странно, почему он не идет?

— Отыскать, привести, наказать розгами! — приказал Стратег. — Обшарить всю Планету!

Первым ехал Тактик, облаченный в парадный мундир с золотым пером на шляпе с большими полями. Он помахивал сабелькой и иногда сдерживал скакуна, аккумуляторы которого были заряжены до предела. За ним следовал Лекарь, обычно редко покидавший крейсер и оттого державшийся в седле неуклюже и растерянно. Советник ехал сосредоточенно, лишь иногда бросая по сторонам быстрые взгляды. Четвертым в кавалькаде был Оружейник, сросшийся с седлом, ловкий и сильный, привыкший к кавалерийским стычкам и знавший цену и скакуну, и арбалету, и сабле. Недаром же он служил на «Толстяке» в чине Оружейника! Замыкал шествие тяжеловоз, на лба которого торчала малая бомбарда, а спина была нагружена чугунными ядрами с приспособлением для автоматической подачи их в ствол орудия и припасами экспедиции.

Край плато был обрывист, но в одном месте встретился оползень, по которому скакуны смогли спуститься вниз. От тряски и вибрации сработал какой-то механизм в тяжеловозе, и бомбарда ударила по скалам на другом берегу ручья. Тяжеловоз спускался последним, и ядро прошелестело над головами экспедиционеров. Оружейник был готов поклясться, что скала, в которую ударило чугунное ядро, разлетелась в пыль, но когда дым рассеялся, скала стояла себе целой и невредимой. Оружейник и обрадовался, и подивился такому непонятному поведению Планеты, но все же больше обрадовался и даже подумал: «Нет, эта загадочная Планета себя в обиду не даст!» И тут ему так захотелось бросить и арбалеты, и бомбарды, и прочее оружие, имеющееся на крейсере, прогуляться с легким сердцем по Планете, попытаться раскрыть ее тайну, а если и не раскрыть, то просто сказать: «Ну, что ж, прости, что мы тут немного напугали... все, все... улетаем...»

Остальные в момент выстрела были заняты только управлением скакунами, поэтому им ничего не показалось.

Скакуны благополучно достигли ручья, разве что только чуть сбив подковы.

— Враг не дремлет!— сказал Тактик.— Поедем друг за другом. И на поворотах не терять едущего впереди из виду! Вперед!

Где по колено, где по брюхо в воде скакуны переправились на тот берег.

За россыпью скал даже приблизительно невозможно было определить направление, по которому нужно искать беглеца. Тактик нетерпеливо взглянул на Советника и услышал:

— Там, где легче всего пройти пешему.

Кавалькада тронулась, выбирая в качестве маршрута некие подобия тропинок. Только подобия, потому что настоящих в этом

чужом и враждебном мире быть не могло. Тактик виртуозно поигрывал сабелькой, иногда, рассекая со свистом воздух, обрушивал ее на проплывавший мимо валун, но вскоре прекратил это интересное занятие, потому что сабелька совершенно затупилась. Но золотое перо на шляпе продолжало горделиво и вызывающе покачиваться в такт шагам скакуна.

Вскоре вокруг пошли сплошные завалы из огромных камней и пришлось остановиться. Времени на этот путь было затрачено более часа, а проехали от силы километр, полтора.

— Что делать, Советник? — спросил Тактик.

— Продвигаться лучшим порядком.

— Ищи свищи тут! — сказал Лекарь, которому тряская езда изрядно надоела и который вообще чувствовал себя уютно только в стенах корабля.

— Разговорчики! — оборвал его Тактик.

— Мне что... Надо, вот я и трясусь.

— Не трястись, надо, а проявлять бдительность. Искать! Глазами, ушами, носом!

— Мне что... — снова повторил Лекарь так тягостно, что Тактику пришло в голову приструнить свою команду.

— В линию равняйся! — приказал он.

Здесь и кучкой-то стоять было тесно, но все же скакуны Советника и Лекаря стали в линию. А Оружейник вынужден был развернуться левым боком.

— Это еще что?! — удивился Тактик. — Где твой арбалет, Оружейник?

— Какой арбалет? — не понял Оружейник.

— Ты что, на прогулке? Мы находимся в окружении врагов, а ты даже без оружия! Где твой арбалет?

— А... арбалет... — наконец сообразил Оружейник. — Так ведь, когда ручей переходили, скакун споткнулся, трякнуло, он и брыкнулся в воду.

— Та-ак! Значит, нечаянно?!

— Нечаянно, Тактик.

— Что ж ты не остановился, не подобрал его?

— Унесло его тотчас же. Да и вообще...

— Что вообще?

— Еще убьешь кого-нибудь из арбалета-то. А так уж точно в живых оставишь.

— Ну, Оружейник, сейчас ты у меня попляшешь!

Когда «Толстяк» совершал посадку на какую-нибудь планету, Шкипер оказывался самым незанятым офицером. Потому, наверное, Стратег и поручил ему предать тело бунтаря земле, вернее, скалам.

Шкипер отыскал в запаснике заступ и лопату, закинул то и другое на плечо, вышел из корабля, охрану люка которого нес Стряпух, и тяжело зашагал по каменистому плато, отыскивая подходящее место. Шкипер не любил планеты. Не так, впрочем, чтобы уж и не любил. Просто не лежала у него душа к событиям, обычно разворачивающимся на планетах, к которым он имел малое касательство, часто к тому же томясь бездельем.

Другое дело в открытом космосе. Засечь свои координаты, свериться по картам звездных морей, задать программу компьютеру, уже интуитивно чувствуя правильное решение, ощутить радостную дрожь обшивки корабля, крикнуть в переговорное устройство: «Полный вперед!», крепко сжать в руках штурвал, крутануть его ровно на три с четвертью оборота, выправить, посмотреть в обзорный экран на калейдоскоп звезд, снова совершить разворот, дать ускорение да и подойти к необходимой солнечной системе с такой скоростью и с таким спиралевидным сближением, что у любого другого шкипера глаза на лоб полезут от удивления и зависти! Вот это да! Вот это работа! Вдохновение! Упоение творчеством. И никакой компьютер не сделал бы лучше, тем более что Шкипер часто и выключал его на особенно опасных участках сближения, чтобы не сбивал с толку своими сухими и бесстрастными цифрами.

В открытом космосе Шкипер чувствовал себя человеком.

Эх, так бы и ходить всю жизнь, поднимая на корме приветственный вымпел при встрече с другим кораблем, крейсером или купцом, сухогрузом или контейнеровозом! Посидеть с другими шкиперами в таверне порта приписки или завести знакомство в новом. Эх, были когда-то времена, да прошли, канули в вечность. Вот уже и шелест тугих солнечных парусов сменился перестуком и чадом хитрых машин. Но это, впрочем, дело Умельца. Но как все же хорошо было идти в открытом космосе. Даже на поперечный рой метеоритов был согласен Шкипер. А нипочем ему были всякие метеориты и прочие незарегистрированные в лонжах астероиды! Была бы голова да корабль слушался бы малейшего движения штурвала...

А тут камень вокруг, один камень!

Ничего подходящего не нашел Шкипер и очертил лопатой прямоугольник недалеко от обрыва. Звякнул заступом раз, другой. Силушки в плечах было предостаточно. Крушил заступ, а если вдруг и гнулся от чересчур сильного удара, то Шкипер упрямо распрямлял его мозолистыми от постоянного соприкосновения со штурва-

лом пальцами. Не передохнув, менял он заступ на лопату, выкидывая щебень, снова хватал в руки заступ, потом лопату, заступ и далее все в таком же ритме. Мундир с золотыми стрелами на плечах пропитался потом, но мышечная работа заглушала тоску по космосу и какую-то тревогу, не за себя, а за кого-то другого. Однако Шкипер не мог в себе разобраться и только азартнее вгрызался в скалу, пока не достиг такой глубины, что уже и выбраться из ямы смог лишь с большим трудом.

Тогда он вернулся на корабль, положил Бунтаря на наскоро сколоченную волокушу, протащил ее метров пятьдесят, снова вернулся, потолкался в переходном тамбуре. И не тяжело ему было тащить Бунтаря, а как-то жалко, неудобно, стыдно даже. Попросить бы кого помочь. Но Тактик, Советник, Лекарь и Оружейник собирались на поиски Дурашки. Звездочет залерся в своей телескопической башне и на вызовы не отвечал. Канонир покрывал поворотные устройства бомбард специальной смазкой и складывал возле каждой ядра горкой. Вся надежда сейчас по защите корабля была на Канонира. Уж этот не подпустит, ударит так ударит! Умелец сидел в карцере, Стряпух охранял выходной люк. Ну, а Неприметный и Стратег были настолько выше чином, что в разговоре с ними Шкипер лишь отвечал на вопросы.

Потолкался, потолкался Шкипер, да и хотел уж уйти, но поймал сообщническое подмигивание Стряпуха, выставявшего арбалет и алебарду словно напоказ или для устрашения.

Пока в тамбуре толкались офицеры, скакуны и тяжеловоз, Шкипер принес инструмент и приделал к волокуше еще пару ручек. А когда кавалькада экспедиционеров медленно тронулась в путь, Шкипер и Стряпух, подперев для надежности люк алебардой и наострив арбалет, осторожно понесли Бунтаря к уготованному ему месту вечного успокоения.

Шкипер мало водился с Бунтарем. Да он и вообще мало с кем разговаривал на «Толстяке». Жаль ему было Бунтаря и не понимал он его. Звал и манил Шкипера вольный космос!

Молча опустили Шкипер и Стряпух тело Бунтаря в яму, молча засыпали его камнями, которых теперь хватило и на продолговатый холмик, молча сняли шляпы, с белым, словно обсыпанным мукой или сахаром, пером у Стряпуха, и черным, как драгоценный ночной алмаз, у Шкипера. Постояли еще немного, думая о своем, и собрались уже уходить, когда под обрывом у ручья оглушительно хнула малая бомбарда тяжеловоза. Как прощальный салют прозвучал этот выстрел. Потянулся Шкипер за ненужным теперь заступом, потянулся и обомлел. Ровное место было перед ним. Ни холмика, ни щебня, которого наколот он здесь. Ровная, нетронутая скала, без всякого намека на человеческую деятельность. Лицо

Стряпуха цветом сравнялось с пером, и бросился он невероятными прыжками к крейсеру, виляя из стороны в сторону, словно сбивал кого со следа.

А Шкипер зачем-то потрогал нетронутую скалу лопатой, но уже не осмелился в этот раз ставить на ней метку, хотя бы и в виде черты, потом бросил ненужный теперь инструмент, примял шляпу, отломив при этом драгоценное перо, положил ее на камень и прилегал сам, словно загорал на солнышке или просто отдыхал.

Шкипер неожиданно понял, что уже никогда не взлетит с Планеты, и жизнь потеряла для него всякий смысл.

12

Всего на свете боялся Звездочет: и человека, и насекомого, и арбалета, который мог нечаянно выстрелить, но пуще всего боялся он Звезд. Потому и пошел в Звездочеты, что еще в ранней молодости услышал от надежного человека, что Звезды иногда взрываются, или коллапсируют, превращаясь в черные дыры, а это все равно, что исчезают. Свой счет вел он Звездам, никому не показывая заветный список, в который было занесено три миллиона сто пятнадцать тысяч один объект. Ни дымка и хмарь, источаемая большими городами, ни смена дня и ночи на планетах, ни дожди и туманы не мешали ему в космосе. Сутками просиживал он в телескопической башне «Толстяка», обводя зорким глазом черное небо. И когда в положенном месте не оказывалось ранее сиявшего объекта, он пускался в пляс, отбивая у сапог каблук, и швырял шляпу с крапчатым пером на пол. При этом он иногда сбивал точнейшую настройку своего телескопа, но приводить механизм в порядок было делом Умельца.

Страх к Звездам происходил у него от непонимания. Не понимая Звездочет, кому понадобилось такое огромное количество косматых светил, издали обманчиво напоминающих холодные светлячки. Хорошо, что не у каждой Звезды, а лишь у одной из десяти имелись планетные системы. И только на одной из ста возникала жизнь, и уж совсем хорошо, что лишь на одной из тысячи жизнь порождала разум. Хорошо, но и плохо. Звездочет считал, что жизнь и разум могли бы появляться в космосе и пореже. Иначе ему, затерянному среди себе подобных, не обратить на себя внимания в этой заселенной галактике. А ведь и галактик насчитывалось более пятисот миллионов. Такое количество миров Звездочет не мог объять своим разумом. И страх его был настолько велик, что среди членов экипажа «Толстяка» только Дурашка стоял ниже него рангом. Но Дурашка не осознавал своего униженного положения, а Звезд-

дочет страдал. И если уничтожить Звезду «Толстяку» пока было не под силу, то расправиться с Планетой он мог вполне. Звездочет никогда бы не осмелился дернуть шнур бомбарды, но не возражал в душе, если это делал кто-то другой.

Даже в планетянина он не смог бы выстрелить, но остаться, как Лекарь, над обрывом он тоже не мог, потому то это повлекло бы за собой справедливые вопросы: почему он не был в первых рядах, почему количество солнечных лучей в колчане не уменьшилось даже на единицу!

Таща тело Бунтаря вверх, машинально находя точки опоры для ног и выступы для свободной руки, Звездочет случайно взглянул в небо и чуть не сорвался вниз. Его наметанный глаз сразу же обратил внимание, что в до мельчайших подробностей знакомом черном покрывале что-то не так. Окрик Тактика тут же вернул его к необходимым сейчас действиям, а на плато, когда идти стало легче, он уже просто не осмелился поднять голову. Но мысль твердо засела в сознании, единственный взгляд отпечатал небо со всеми подробностями. И во время ночной беготни по кораблю, и во время завтрака, когда Тактик был приговорен к ордену лучеиспускающей Розы, он думал только об одном и уже знал, что произошло, и даже придумал, что нужно делать дальше, но не осмелился высказаться вслух. Да и проверить кое-что нужно было с помощью верного телескопа.

Обрадовавшись, что его не назначили ни в экспедицию, ни долбить яму, он тотчас же по окончании завтрака помчался в свою башню. Телескоп имел устройство и для разглядывания звезд в дневное время. Небо давно было поделено на равные участки с точнейше сосчитанным количеством светлячков в каждом. И десяти минут было достаточно, чтобы подтвердилось худшее. В секторе, насчитывавшем ранее ровно сто тысяч звезд, количество их увеличилось на тридцать штук. Если бы уменьшилось... Ну почему на уменьшилось?!

Увеличилось! Такого еще не бывало. Такое вообще не могло произойти! Звездочет изошел потом и похудел на три килограмма сразу. Уже не столь тщательно проверил он и другие участки. И там прибавка шла на десятки и даже в одном случае на сто двадцать пять штук.

Вот это самое и заметил Звездочет, когда полз вверх по крутому склону обрыва.

Имелось еще некоторое расхождение в местоположении звезд, иногда доходившее до десятка градусов и более, но тут обмануть Звездочета было трудно. Он знал каждую, не считая, конечно, только что возникших. Эти-то были совершенно незнакомыми.

Что же могло вытекать из столь неожиданного открытия?

Или мир сошел с ума, или...

Ясно было одно, что тут не обошлось без участия Планеты. Вот где-то глухо пыхнула бомбарда экспедиционеров, и тотчас же количество звезд увеличилось на одну.

Прекратить обстрел, вот что пришло в голову Звездочету. И, конечно, не из жалости к Планете, а скорее от ненависти и страха. Бежать, бежать с нее скорее, пока еще не поздно.

Звездочет бросился вон из своей телескопической башни, бес-
связно выкрикивая:

— Небо! Небо... Бежать... Бежать...

Он выкрикивал невнятно и невразумительно, потому что торопился. Толкнулся в одну каюту, чтобы немедленно поделиться своей ужасной новостью. Заперто! Ах, это же каюта Бунтаря! В другую. Тоже заперто. Ах, это Шкипер... Стратегу! Стратегу! Вот кому нужно все немедленно сообщить. Он вбежал в апартаменты Стратега.

— Стратег! Стратег! Стартовать с Планеты немедленно!

Нехотя отворилась дверь кабинета Стратега.

— И Планета, и небо сошли с ума! Единственное спасение — стартовать!

Такой знакомый, похожий с торца на птицу с распростертыми крыльями, арбалет уставился ему в грудь.

— Стратег! Стра...

Алмазным лучом оцетинился арбалет. Все звезды в мире навсегда исчезли для Звездочета. Осуществилась его сумасшедшая мечта.

13

— Ну, Оружейник, сейчас ты у меня попляшешь! — крикнул Тактик, и скакун под ним завертелся юлой.

Оружейник чуть насмешливо наблюдал за происходящим, хотя главным действующим лицом в этой сцене был, кажется, он сам. Советник бросил скакуна назад, к только что пробитой тропе, но дороге ему преградил Лекарь, поднявший своего скакуна на дыбы. Советник отступил, но с явной неохотой.

— Беги! — крикнул Лекарь, освобождая Оружейнику тропу.

— Нет, — твердо ответил тот. — Мне некуда бежать, да и, признаться, нет желания.

— Он же убьет тебя!

— Пожалел! — криво усмехнулся Тактик, справившись наконец со своим скакуном. — Я не буду его убивать. Я вообще не убийца!

— Это уж точно! — вставил Оружейник.

— Да! Да! Бунтарь сам виноват, что наскочил на луч арбалета! Из-за него мы лишились двух офицеров, а проклятая Планета про-

должает издеваться над нами. А теперь ты! Собственно не теперь, а еще со вчерашнего вечера. Все равно тебе не уйти от наказания!

— Только не поднимайте друг на друга руку! — взмолился Лекарь.— Хватит нам Бунтаря. И вообще, что ж такого, что Планета не раскрывается перед нами. Нужно уйти, и все.

— Да ты что?! — взвился Тактик.— Уйти! Признать свое поражение! Навеки покрыть позором «Толстяка»! Такого еще не было в истории.

— Не было,— согласился Лекарь.— Но раньше в экилажах не бывало ни Бунтарей, ни Дурашек. Что-то меняется в мире, Тактик. И мы совершаем жестокую ошибку, продолжая действовать как и раньше.

— Это бунт! — сдавленным голосом сказал Тактик.— Это бунт! Но, чего бы это мне ни стоило, я все расставлю на свои места! Вчера, сегодня, завтра и вечно, всегда «Толстяк» будет над миром! Сдать оружие, Лекарь! Советник, вырви перья из их шляп! Негодяи. В такой ответственный момент, когда все висит на волоске... Будь в нас единоклющие, мы бы уже давно раскололи Планету!

Лекарь протянул свой арбалет и кожан с солнечными лучами Советнику.

— Возьми. Я все равно не умею стрелять. Ланцет и зажимы для остановки кровотечения,— вот что привыкли держать мои руки... Ах, Оружейник, зря ты не воспользовался возможностью бежать.

— Что же ты не бежал сам? — спросил Оружейник.

— Никто не осмелится тронуть меня,— ответил Лекарь.— Ведь каждый в борьбе с невидимым и коварным врагом может получить тяжелую рану. Не так ли, Тактик? Судя по развивающимся событиям, мне не хватит корпии. Придется нащипать еще.

— Ладно,— успокоился Тактик, видя, что открытого бунта не предвидится.— Я назначаю вам обоим отложенный карцер. Как только Умелец отсидит свое, карцер сначала займет Оружейник, потом Лекарь.

Советник сделал какое-то странное движение, словно хотел обратить на себя внимание, но только одного Тактика.

— Что скажешь, Советник?

— Состав команды сократился, карцеры лучше отменить. Временно.

— Так ведь я и сказал — отложенный карцер. Ну что, brave офицеры, продолжим экспедицию с целью поимки беглеца? Или продолжим теоретические споры?

— Бесплезно это,— ответил Лекарь.— Нам так не найти Дурашку. Надо воспользоваться орланом. Сверху виднее.

— Только Стратег может поднять орлана вверх.

— Вот пусть и поработает,— заключил Лекарь.

Тяжеловоз, отвернув бомбарду в сторону от людей, иногда уныло перебирал ногами. Ясно, что дальше ему не пройти.

Тактик вдруг насторожился, подтянулся, щелкнул тумблером на грудной карманной радиостанции.

— Прием...— По мере того как он слушал сообщение с «Толстяка», лицо его серело, а бравая фигура расплывалась, теряя подтянутость.— Не может быть! Кто охранял люк!.. Ужасно.. Немедленно возвращаемся! — Тактик выключил радиостанцию, натянул поводья, сказал срывающимся голосом: — Они проникли на корабль! Убит Звездочет! Голубым аллюром к «Толстяку»!

— Я остаюсь,— сказал Оружейник.

— Испепелю! — вскричал Тактик.— Бежишь, когда над нами нависла такая опасность?

— Нет, Тактик, я не бегу. Я вернусь на корабль. Только мне очень хочется узнать, что же все-таки происходит на этой Планете. Я буду ехать и думать, спрашивать себя и отвечать. Пойми, Тактик, здесь нужно действовать без арбалетов и бомбард.

— А убийство Звездочета?!

— А убийство Бунтаря?! — в тон Тактику спросил Оружейник.— Возвращайтесь. Я вернусь, как только что-нибудь пойму.

— Дурашка...— начал было Тактик.

— Приведу и Дурашку. Подумай насчет бомбард и арбалетов, Тактик.

— Чертовщина! — заскрежетал зубами Тактик и пустил своего скакуна голубым аллюром.

Советник молча зыркнул на Оружейника, и какая-то хитрость скользнула в его взгляде.

— Счастливо оставаться, Оружейник! — сказала Лекарь.

Все трое исчезли, только тяжеловоз, чугунно ступая своими колоннообразными ногами, еще некоторое время сотрясал камни.

14

Дурашка шел всю ночь. Его не интересовало, куда он идет. Непривычная к мыслям голова гудела. Иногда он ложился на камни, но не отдохнуть, а просто потому, что и движение, и покой были сейчас абсолютно равноценны. Если встречались непроходимые нагромождения камней, он неосознанно искал обходной путь, мелкие ручьи переходил вброд, карабкался на скалы, даже не подумав, что ждет его впереди.

Рассвет застал его на высокой горе. Восходящее Светило странно меняло краски Планеты, укорачивало тени, играло отраженным светом на алмазных пиках гор.

«Какая красота!» — подумал Дурашка и сам удивился своим мыслям. Что делать дальше? Он не имел ни малейшего представления о том, откуда пришел и в какой стороне теперь находится «Толстяк». Но это его не пугало. Он не собирался возвращаться на корабль. Бунтарь убит, а без него на крейсере делать нечего. Пусть оставшиеся уничтожат Планету. Дурашка будет идти, пока есть силы, а потом станет частью ее. Эта мысль привела его в восторг. Стать частью Планеты! Не Офицером для наказаний, а частью Планеты, с ее горами, морями, реками, скалами, ручьями.

Теперь он по-другому взглянул на окружающее. Как часто ранее он рассматривал свои ни на что не пригодные руки, трогал лоб, за которым ему чудилась пустота! Все, кроме Бунтаря, убеждали его в собственной бесполезности. Но теперь он станет необходимым. Он — это Планета. Планета — это он. Есть ли на ней разумные существа, или нет, это теперь неважно. Раз жив он, значит, жива и Планета. Каждый камень, каждый атом!

Дурашка взял в руки камешек, обточенный водой. Планета несомненно жила! Когда-то здесь было море, иначе кто еще мог так обточить этот кусок камня? Дурашка ласково погладил камень, поцеловал его, хотел положить в карман изодранного уже во многих местах мундира, но передумал. Почему именно этот? Вот другой, не такой круглый, но приятный, родной... Или вот этот! А там, чуть ниже? Дурашка даже растерялся. Он понимал, что всю Планету не положишь в карман, даже десяток камешков не войдет во все карманы мундира. Но как выбрать один-единственный? Дурашка заметался по склону, бестолково, растерянно. Несколько камней, сдвинутые с места каблуком сапога, покатались вниз, к далекому ручью. Дурашка похолодел. Ему не хотелось нарушать первозданность Планеты. Он чуть было не бросился к подножию горы, чтобы сыскать скатившиеся камни и положить их на определенное им Планетой место, но вовремя сообразил, что не сможет этого сделать, опечалился и твердо решил ходить как можно осторожнее, чтобы не нарушить спокойствия Планеты.

Но не взять с собой хоть один камешек... от такого соблазна отказаться он не мог. И уже не выбирая, не высматривая, куда протянулась чуть вздрагивающая рука, даже закрыв глаза, он взял первый попавшийся камень, ощутил его вес и твердость, положил в карман брюк и лишь тогда осмотрелся, радостно ощущая, что он любит все вокруг.

Светило оторвалось от изломанного горизонта. И в это время приглушенный грохот раскатился между скал. Дурашка понял, что это бомбарда, горестно покачал головой, но тут два явления привлекли его внимание. Камень, который лежал в кармане, исчез, не вывалился, не провалился в дыру, а просто исчез. Что-то мелькнуло

снизу вверх от ручья. Дурашка не успел рассмотреть, что, но подсознательно сообразил, что это те камни, которые он нечаянно сбросил вниз, вернулись на свои места. Он даже ощутил, как приподнялся каблук его сапога. Вот так чудеса! Планета исполняла его желания! Он ничего не хотел здесь нарушать, и она исправляла по следствию его случайных действий. И даже то, что она отняла у него камешек, не огорчило Дурашку. Он понял, что поступил нехорошо, пытаясь присвоить себе часть Планеты.

Камень лежал на том самом месте, откуда Дурашка его взял. Он был тот самый и немного не тот. Точно Дурашка мог определить только на ощупь, потому что глазами не видел его, но ощупывать не стал. Ему было довольно и того, что они с Планетой поняли друг друга, Планета приняла его, стала считать своим...

15

Тактик что есть силы пришпоривал своего скакуна. Крутой подъем на плато они взяли с разгона. Что-то мелькнуло слева, но некогда было обращать внимание на пустяки. До крейсера оставалось не более ста метров, когда люк его открылся и каурый скакун стрелой вылетел из корабля, даже не коснувшись пандуса копытами, и пошел и пошел пятидесятиметровыми скачками. «Скакун Дурашки,— определил Тактик.— Кто и зачем выпустил его из корабля? Теперь Офицера для наказаний вообще не догонишь!» Сумасшедший, как и сам хозяин, был скакун у Дурашки.

— Спят, идиоты! — крикнул Тактик.— Так вас всех можно взять голыми руками!

Только чуть сдержав бег своего скакуна, влетел он в никем не охраняемый крейсер.

Советник, непостижимым образом чуя, что наступают большие перемены, отстал от него не более чем на минуту.

Лекарь был плохим наездником и мог вообще не добраться до корабля, сломав себе шею на горных кручах, если бы не догадался предоставить своему скакуну полную свободу действий. Взобравшись на плато, он внезапно увидел неподвижно лежавшего Шкипера. Соскочив со скакуна и бросив поводья, кинулся он к офицеру, приложил ухо к груди, ничего не услышал, разорвал мундир дрожащими пальцами, снова прислушался. Шкипер был мертв! И смерть его казалась необъяснимой.

Скакун Лекаря несся по краю обрыва и поймать его теперь было нелегко. Тяжеловоз еще глухо ухал где-то за ручьем. Осторожно положил Лекарь тело Шкипера себе на плечи и понес к крейсеру.

Тактик вихрем промчался по коридорам и эскалаторам «Толстяка», так и въехав в кают-компанию на своем запаренном, мелко вздрагивающем боками скакуне.

— Как это произошло! — крикнул он.

— Спешься, — попросил Стратег.

Тактик соскочил на негнувшиеся ноги. Скакун, фыркнув, умчался на конюшню.

— Стратег!

— Успокойся, Тактик. Врагов на «Толстяке» уже нет. Убит лишь один Звездочет. Мы выясняем обстоятельства его гибели.

Тактик огляделся.

Стол, как всегда, был накрыт на тринадцать персон. Стряпух разливал утреннюю похлебку, расплескивая холодный бульон на скатерть. Стратег сидел на своем месте во главе стола. Справа от него расположился Неприметный. Канонир меланхолично жевал лепешку. Вошел Советник и сел на свое место.

— Где же остальные? — спросил Тактик.

— Я тоже спрашиваю: где же остальные?! — повысил голос Стратег.

— Оружейник отказался вернуться на корабль. Еще утром я предлагал посадить его в карцер. Но ты, Стратег, послушался совета Неприметного!

— Неприметный приговорен к двойному ордену лучеиспускающей Розы!

— Прошу прощения...

— Это он вовремя обнаружил врагов и спас крейсер от уничтожения. Где же Лекарь?

— Будет с минуты на минуту.

— Исчез Умелец — сказал Стратег. — Двери карцера снова оказались открытыми. Возможно, его увели враги. Шкипер не отвечает на запросы. В шкиперской его тоже нет. Исходя из всего случившегося, я прихожу к выводу, что тактика нашего поведения на Планете является ошибочной.

— Стратег! — взмолился Тактик.

— Мы делаем что-то не то. Экипаж тает! Надежность охраны корабля не обеспечена! Планета же посмеивается над нами, целыхонька! Я вынужден...

— Нет, Стратег! Нет! Только не это! Мы расколем Планету, клянусь тебе!

— Кого мы должны еще для этого потерять?

Тактик понял, насколько плохи его дела. Ну, да ведь есть еще язык арбалета. Он повел плечами, так что арбалет начал медленно сползать вниз, в подставленную ладонь. Но тут в кают-компанию вошел Лекарь.

— Я оставил его в коридоре... Шкипер не убит, он умер. Понимаете, умер!

— Еще один,— сказал Стратег.

И в это время на крейсер обрушился удар. Канонир своим опытным слухом сразу понял, что корабль обстреливают, и, не дожидаясь приказа растерявшегося Стратега и Тактика, бросился к своим бомбардам.

Еще и еще удар обрушился на «Толстяка». Крейсер начал крениться на бок. Все в кают-компании поползло к одной стене, посыпалась посуда, покатались, хватаясь за что попало, офицеры.

Взглянув в обзорный экран, Канонир понял, что враг немногочислен. Лишь в одном месте изрыгало огонь невидимое в дыму орудие. Несколько ядер ударили в корпус «Толстяка», но не смогли пробить его брони. Пандус же и одна опора крейсера, кажется, уже перестали существовать. Канонир быстренько навел самую большую бомбарду на врага и дернул запальный шнур. Меткий глаз был у Канонира. Он никогда не ошибался. Больше никто не пытался стрелять в крейсер.

16

В кают-компании никто не пострадал. Только у Стряпуха на темечке вспухла шишка, но, прикрытая шляпой с белым пером, она была совершенно незаметна.

Некоторое время среди офицеров чувствовалась растерянность, но как только Канонир по радио доложил о полном уничтожении врага, все сразу прояснилось.

— Теперь мы уже не сражаемся с невидимками,— с удовлетворением отмотил Тактик.— Наконец-то планетяне проявили свою истинную сущность и лицо!

— И все-таки тактика наших действий на Планете была неверна,— сказал Стратег, пытаясь установить резное кресло таким образом, чтобы на него можно было сесть. Давленные макароны облепили его мундир, соус залил эполеты и знаки отличия. Внешний вид его не внушал никакого страха и уважения. Впрочем, и все другие были залепаны остатками различных кушаний. Но каждый видел только других.

Слова Стратега означали одно: место Тактика сейчас займет кто-то другой. А Тактик очень не хотел расставаться со своим чином.

— Стратег! — воскликнул он.— Тактика гибка. Возможно, и были какие-то упущения и незначительные ошибки, но в рамках правильной стратегии они легко исправимы.— И, торопясь высказаться, не давая возможности Стратегу перебить себя, поспешно продол-

жил: — Все непоправимое происходит здесь, на крейсере. Врагам предоставлена возможность открывать люк корабля, карцера, убивать офицеров! Почему все это происходит?! Кто убил Звездочета?

Стратег искренне удивился нервной вспышке Тактика.

— Вот и нужно разобраться,— сказал он.— Не помогает ли врагам кто-нибудь из членов экипажа?

— Это оно,— скромно, но отчетливо отпечатал Неприметный.

Стряпук собирал разбитые чашки. Советник лихорадочно соображал, чьи советы он так удачно выдавал ранее за свои. Лекарь чувствовал себя здесь лишним, но удалиться ему не позволяла субординация. Вошел закопченный пороховыми газами Канонир, но на него не обратили внимания. Что-то гораздо более серьезное занимало сейчас умы офицеров.

— Где был убит Звездочет? — спросил Тактик.

— Я нашел его в приемной возле своего кабинета,— честно-сердечно признался Стратег.

— Ага! Как он лежал? Был ли слышен звук выстрела? Откуда и чем предположительно стреляли? — Нужные вопросы сами собой возникали в голове Тактика.

Стратег посмотрел на него изумленно.

— Я могу ответить на все вопросы,— сказал Неприметный. И уж вовсе не таким неприметным, как всегда ранее, оказался он. Какая-то властность почувствовалась в его голосе.— Звездочет был убит выстрелом из арбалета. По отверстию, оставленному лучом в теле, можно уверенно сказать, что стреляли из нашего арбалета! По положению тела можно судить, что стреляли через чуть приоткрытую дверь кабинета Стратега.

— Но кроме меня в кабинете никого не было,— удивился Стратег.— Уверяю вас!

— Это понятно,— сказал Неприметный.— Кроме тебя в кабинете никого не было.

— Что ты хочешь этим сказать, Неприметный?! — вскричал Стратег.

— Измена! На «Толстяке» измена! — Советник понял, что нужно сейчас кричать.

— Слово сказано,— заключил Неприметный.— Вот кто помогал врагам, вот кто убивал наших офицеров!

— Это ложь,— возразил Стратег.— Мне не было никакого смысла помогать врагам и убивать офицеров. Стратегия...

— Ах, так вот почему так подозрительно неверной была стратегия! — обрадовался Тактик.

Канонир смотрел на все происходящее, ничего не понимая. Он только что отбил нападение врага, а его никто не поздравляет, никто не приговаривает к ордену. Черт знает, что творится на этой

Планете! Лекарь осмысливал все, что произошло с «Толстяком», и начинал понимать прозорливость Шкипера. Стряпух сгребал в одну кучу макароны, вареные овощи и осколки разбитой посуды, благо это делать было нетрудно из-за довольно значительного наклона пола кают-компании.

— Трое убитых! — подытожил Неприметный. — Трое убитых! Крейсер поврежден! А Планете не причинено никакого ущерба!

— Измена! — возопил Советник.

Он уже чувствовал, что будет на лету ловить мысли Неприметного и выдавать их за свои советы. Да не его ли советы он оглашал вслух и ранее?

— Остановитесь, — слабо попросил Лекарь. — Образумьтесь.

— Кто же из вас желает стать Стратегом? — спросил поверженный.

Что-то запрыгало от счастья в груди Тактика, но тут же испуганно замерло от холодного взгляда Неприметного.

Стратег сломал золотое перо на широкополой шляпе и, скользя по покатоному полу, медленно направился к выходу из кают-компании.

В один момент рядом с ним оказался Неприметный. В руке его блеснула сталь клинка.

— Только не это! Нет... — беззвучно произнес Тактик.

Стратег упал. Неприметный повернулся к офицерам. Глаза его горели сумасшедшим огнем.

— Я — Стратег! Тактиком назначаю Советника! Впрочем, нет... Тактик остается Тактиком, но только до первой неприятности.

Так он обезопасил себя от Советника и Тактика, направив их мысли на тяжелую и беспощадную борьбу друг с другом.

17

Стратег лежал на операционном столе.

Лечебница тоже здорово пострадала от нападения врага.

Рука ли Неприметного дрогнула в последний момент или сердце Стратега от старости просело вниз, но ударом клинка он нанес лишь смертельную рану, а не убил.

Лекарь свято хранил заветы своей древней профессии. Что бы ни случилось, пусть весь мир катится к черту на кулички, а он обязан спасать людей. Его не особенно интересовало, что происходит на Планетах, которые «Толстяк» на своем пути встречал. Лишь бы всегда были прокипячены хирургические инструменты, имелся запас крови для переливания, содержалась в сухом и прохладном месте сыворотка от насморка, антибиотики и витамины. Провести профилактический осмотр, измерить кровяное давление, послушать легкие, проверить зрение и слух.

Во время полетов жизнь Лекаря протекала спокойно. Времени у него было предостаточно и для того, чтобы наточить ланцеты до субатомной остроты, и для сбраживания дрожжей, на которых он проводил строгие научные опыты с магнитным полем. Но это уже было просто увлечением.

Подкручиванием винтов Лекарь привел операционный стол в строго горизонтальное положение, снял со Стратега мундир, подсоединил к телу необходимые датчики и приборы, вскрыл грудную клетку, мелкими аккуратными стежками зашил поврежденный правый желудочек сердца и артерию, помассировал уже остановившийся человеческий мотор. Сердце заработало, но редко, с минутными перерывами. Ему просто нечего было толкать. Стратег потерял всю кровь.

Лекарь на всякий случай еще раз проверил содержимое холодильников. Нет, все трехлитровые банки с запасами крови были разбиты и их содержимое смешалось в луже с ядами, лекарствами и печеночной желчью.

Все сделал Лекарь, но спасти Стратега не мог.

Он не думал о том, нужно ли спасать Стратега. Просто перед ним лежал человек, и Лекарь был обязан сделать все возможное и невозможное.

Время бежало. Через десять-пятнадцать минут Стратегу не помогло бы уже ничто на свете. Тогда Лекарь пододвинул к Стратегу еще один операционный стол, строго выверил его горизонтальность, сделал резиновым шлангом отвод от артерии Стратега, разделся сам, протер шею спиртом, установил над вторым столом зеркало, улегся на стол, так что в зеркале была видна его голова и верхняя часть туловища, острым ланцетом сделал надрез, ловко на пару секунд перекрыл сонную артерию, рассек ее, соединил с резиновой трубкой, убрал зажим и взял руку лежащего рядом Стратега за запястье.

Боли он не чувствовал. Чистое спокойствие снизошло на него. Мир заблестал, закружил радугами, ожил, открыв Лекарю свою потаенную, невидимую простым глазом красоту. Божественная музыка звучала в ушах, сначала одна лишь мелодия, а потом и ритм, все убыстряющий свой шаг. Это пульс Стратега, понял Лекарь и улыбнулся. Никогда и нигде Лекарь не нарушит своей клятвы!

В зеркало ему было видно и лицо Стратега. Оно чуть оживилось, легкий румянец появился на дряблых щеках. Стратег оживал. Вовремя успел Лекарь.

Вот и веки шевельнулись, раз, другой, третий, и открылись глаза, затрепетали губы. Стратег пришел в себя.

Что вспомнил он? Что сохранили в его памяти просуществовавшие почти час без кислорода клетки коры головного мозга? Вспом-

нил ли он, что уже умер, а теперь воскрес? Или память пощадила его, не записав событий последнего часа?

Нет, Стратег не обрадовался своему воскрешению. Да неужели же он помнил все?!

Глаза его, полные белки, нашли в зеркале отражение глаз Лекаря.

— Поздно, Лекарь, поздно... Ошибка была не в тактике...

Он замолчал, минут пять собираясь с мыслями.

— Ошибка была в стратегии...

Ритм чудесной музыки замедлялся.

Или протекали где-то располосованные сосуды и капилляры Стратега, или не слишком плотно соединил Лекарь сосуды с трубкой, или шероховатость самой трубки была выше допустимой нормы, но крови Лекаря уже не хватало на двоих.

Его не интересовало, что там шепчет Стратег, правильно или неправильно была выбрана стратегия и тактика поведения «Толстяка» и его команды, коварный ли неприятель уготовил крейсеру страшную ловушку. Все, все сейчас не имело смысла! И единственное назначение человека Лекарь видел в спасении людей, в своей уже откатывающейся в прошлое работе, в чем-то ласковом, необходимом, что он уже перестал сознавать, но еще чувствовал. А потом перестал и чувствовать.

Последняя капля скользнула по резиновому шлангу.

18

Умелец находился в лаборатории. Он и не собирался бежать с крейсера, когда дверь карцера внезапно открылась. Первым его побуждением было броситься в кают-компанию или рубку управления, но тяжелые стальные щиты перегородили коридоры перед самым его носом. Его словно загоняли в угол. Умелец бросался, вперед, отступал, сворачивал в боковые проходы, поднимался и спускался по эскалаторам, направляемый чьей-то рукой. Наконец он понял, что его загоняют в лабораторию, и чуть было не расхотался. Ведь лаборатория была единственным местом, где он чувствовал себя спокойно. Умелец любил свою лабораторию. Здесь да еще в машинных и двигательных отсеках он проводил почти все время.

Что сейчас происходило на крейсере, Умелец не знал. Но пусть остальные занимаются неотложными делами, он должен разгадать тайну Планеты.

Очутившись в лаборатории, Умелец поразмышлял над возможным взаимодействием бомбард и Планеты. Обычная планета, конечно, не могла устоять перед ядрами. Следовательно, Планета

необычна. Да. Но это Умелец уже знал. Излучавшая мощный радиотон, она внезапно и неожиданно оказалась мертвой. Но это только внешне, только для «Толстяка» и его команды. Что же хотели сказать своим молчанием планетяне?

Итак, скалы не могли противиться ядрам бомбард. Следовательно, Планета мгновенно самовосстанавливает себя. Как Планета могла мгновенно самовосстанавливать себя?

Нет, стройная теория не складывалась.

Что ж, подумал Умелец, начнем планомерное исследование. Он с помощью манипуляторов взял пробы воздуха. И сразу же заметил еще одну странность. Количество кислорода в атмосфере Планеты уменьшилось. Совсем немного, на какую-то сотую долю процента, но все же уменьшилось. Умелец решил вести непрерывные замеры. Тем более что времени это не занимало, со всем прекрасно справлялся автомат.

С помощью пташек, оснастив их предварительно буровчиками, их хотел исследовать состав скал и камней вокруг крейсера.

Но тут как раз и случилось то самое открытое нападение неприятеля на корабль, которое привело к отклонению продольной оси корабля от вертикали. Кое-что из аппаратуры при этом, конечно, пришло в негодность, но это не расстроило Умельца. Нападение планетян на корабль он тоже отнес к разряду загадок. Судя по всему, крейсер не особенно пострадал. И такой необдуманной, половинчатой, неподготовленной акции планетян Умелец не мог найти оправдания. Ну, не нападали бы совсем, как предыдущие сутки, или уж уничтожили бы «Толстяка» первым прицельным выстрелом. А получилось ни то ни с^е! Такая нелепость со стороны планетян даже обидела его.

За бортом корабля все стихло, и Умелец решил продолжить исследования. Через пневматическую трубку запустил он пташек в полет, а пока они буровили скалы в разных местах и в районе уничтоженного орудия планетян, бросил взгляд на таблицу замеров состава воздуха. Количество кислорода оставалось стабильным с точностью до шестого знака. Этому даже не помешали клубы порохового дыма, медленно растворявшегося над полем недавнего боя.

Возвратились пташки с пробами грунта. Умелец провел спектральный анализ всех образцов в пламени спиртовой горелки. Состав пород не вызвал в нем удивления, да и пока что сравнивать его было не с чем. И только один образец, взятый на месте уничтоженного ядром вражеского орудия, дал совершенно неправдоподобный результат. Он, конечно, отличался от всех других, что само по себе не было неожиданностью, так как орудие было делом рук планетян, а скалы — самой Планеты. Но вот запах горелой шерсти. Откуда

мог взяться этот знакомый запах? Умелец тщательно исследовал остатки образца и нашел в нем какие-то волосники. Странно! Можно было подумать, что бомбарды «Толстяка» разнесли в клочья скакуна или тяжеловоза. Но ни того ни другого Умелец предполагать не стал. Одно дело в неразберихе, ночью убить своего офицера, другое — при свете дня стрелять в собственное же средство передвижения!

Ах, почему он не догадался взять пробы грунта накануне? Умелец сильно затосковал, но тут взгляд его вдруг упал на сапоги с отворотами. Пыль! Ну, пусть не пыль. На Планете и пыли-то не было. Но случайные атомы и молекулы, налипшие на сапоги вчера... Да и на мундире! Как удачно, что скакун выбил его из седла!

Умелец немедленно взялся за анализ. Не прошло и десяти минут, как количество загадок увеличилось на одну. Для проверки Умелец послал стайку пташек с бурвчиками на место ночного падения, дождался их возвращения, тщательнейшим образом провел анализ еще раз.

Проба грунта, взятая в том месте, где он упал ночью, совпала с пробами в других местах, но не имела ничего общего с пылинками, налипшими на его мундир и сапоги. Получалось так, что он вчера упал с седла совсем не на этом плато!

Умелец глубоко задумался, а когда очнулся, увидел, что перед ним лежит листок с временным графиком взятия проб воздуха и грунта.

Но в лабораторию, он был уверен, никто не входил.

19

У Неприметного теперь было много забот. Он даже не особенно интересовался, кто из двух офицеров, Тактик или Советник, успеет первым пустить солнечный луч из арбалета в своего противника. Конечно, Советник был ему ближе. Все-таки тот на протяжении всего полета высказывал под видом советов его, Неприметного, мысли. Но это при Стратеге. Тактик был энергичнее, предприимчивее, но и эти прекрасные качества сейчас не имели особого значения, когда он, Неприметный, взялся за дело сам. Стряпух не мог никому ни помочь, ни помешать. Обращать внимание на него не стоило. Только Канонир да Умелец интересовали сейчас Неприметного. И еще двое беглецов. Но с тех спрос особенный!

Неприметный осторожно подергал ручку двери лаборатории. Нет, никто не сможет проникнуть туда. Канонира он нашел на артиллерийской палубе. Спокойно и как-то даже отрешенно ходил Канонир между бомбардами, смазывая механизм поворота из большой масленки, проверяя крепость веревочки запала, поправляя

аккуратно сложенные горкой чугунные ядра, вытирая тряпочкой пороховую пыль со стволов и лафетов.

— Будешь производить обстрел Планеты вот по этому графику,— приказал Неприметный.

— Слушаюсь! — отозвался Канонир.

— Секунда в секунду! Понял?

— Понял, Неприметный. Да только зачем все это?

— Не твоего ума дело. Присматривай за бомбардами да точно выполняй приказ!

— Слушаюсь, Неприметный!

— Стратег!

— Слушаюсь, Неприметный Стратег!

— Ладно. Если успеешь, научись называть меня просто Стратегом.

Неприметный пошел к клеткам и стойлам, вполне уверенный, что Канонир сделает все так, как он приказал.

В стойлах били копытами застоявшиеся скакуны. Орлан, едва помещавшийся в клетке, встретил Неприметного возбужденным клекотом. Не каждый мог справиться с этой кибернетической машиной, предназначенной для дальних полетов. Но ведь Неприметный теперь был Стратегом! Он проверил, полностью ли заряжены аккумуляторы орлана, в порядке ли боезапас, и вывел огромную птицу из клетки. Поскольку «Толстяк» накренился на одну сторону, идти по коридорам было трудно, орлан все пытался помочь себе взмахами крыльев, но ширина проходов не позволяла сделать это. Пандуса корабля, уничтоженного неприятелем, больше не существовало. Неприметный взобрался на спину орлана, удобно устроился в седле, взялся за цепочки управления, слегка сдавил шпорами бока птицы.

Орлан тяжело оттолкнулся от порожка люка, не успев расправить крылья, начал падать, но у самой земли все же выправился, оглушительно хлопнул махательными плоскостями, по крутой пошел вверх, описал над «Толстяком» круг и устремился в известном только одному наезднику направлении.

С такой головокружительной высоты Планета казалась еще наряднее и красивее, чем вблизи. Вершины огромных гор серебрились снегом. Проснувшийся вулкан смотрел в небо раскаленным глазом. Жилы ручейков и рек прорезали лик Планеты, устремляясь в Океан.

— Какая красота! — воскликнул Неприметный.— Но уж я проучу тебя, сравню горы, засыплю реки и Океан, чтобы сделать тебя идеальным шаром.

Неприметный взглянул на точнейшие наручные песочные часы. Время! Сейчас Канонир должен дать первый залп по Планете.

Столб огня вырвался из вулкана, но не того, что смотрел раскаленным глазом, а другого, на том месте, где за мгновение до

залпа бомбард и не было никакого вулкана, даже горы подходящей не имелось в округе.

— Отплываешь? Мстишь? — крикнул Неприметный. — Думаешь, это тебе поможет? Черта с два!

Неприметный что-то отметил маленьким грифельным карандашиком на белоснежной манжете и направил орлана вперед, значительно увеличив скорость.

Морская гладь раскинулась под ними. Лишь легкие вздохи нарушали тишину. Это Океан насыщал атмосферу Планеты кислородом. Смешно растопырив крылья и хвост, орлан тяжело пробежался по прибрежному песку и остановился. Неприметный соскочил с него, немного размял ноги, затекшие от сидения в седле. Иногда поглядывая на песочные часы, пристегнутые к левой руке, медленно пошел к воде. У самой кромки он остановился и стал внимательно всматриваться в свое зеркальное изображение. Затем сделал несколько шагов вперед, зачерпнул ладошкой воду, поднес ее к лицу. Десятиклеточные живые организмы сновали меж десятиклеточных же водорослей. В одной капле их было миллион. Неприметный радостно улыбнулся.

— Жизнь! Вот она жизнь! А ты, Планета, хотела пережить меня!

Вода внезапно отступила от ног Неприметного почти на километр. Неприметный вздрогнул, увидев, что ладонь его суха, но тут же успокоился, сообразив, что все это последствия залпа из бомбард. Реагировала Планета на поцелуй чугуновых ядер. Реагировала, да еще как!

Неприметный настиг отступивший Океан и снова зачерпнул в ладонь воды.

Разве что чуть медленнее сновали десятиклеточные живые организмы меж десятиклеточных же растений.

Неприметный стоял со странной улыбкой на губах и смотрел на копошившиеся в его руке комочки. Но вот настало время, и Океан снова отступил, на этот раз уже километров на десять, и Неприметный не стал больше преследовать его. Он все узнал. Планета не смогла утаить от него свою тайну. Жизнь существовала на ней. А следовательно, и разум, с которым он жаждал сразиться.

20

Скаун нетерпеливо ржал, словно просил разрешения показать свою прыть. Оружейник опустил поводья, давая ему такую возможность.

Ах, был бы жив Бунтарь! Уж он бы знал, что сейчас нужно делать! Растерялся Оружейник от всего увиденного...

Когда кавалькада всадников, оставив его одного, умчалась к «Толстяку», Оружейник вздохнул свободнее. Пусть скачут. Пусть ищут способы наказать Планету за коварство и непокорность. Он больше в этом деле не участник. С него хватит и смерти Бунтаря. И хоть какая-то цель есть в жизни. Найти Дурашку, поговорить с ним, узнать, что хотел сделать Бунтарь. Что он хотел предостеречь? Что было у него на уме?

Где искать Дурашку, Оружейник не знал, но интуиция говорила ему, что они встретятся. Как только Оружейник бросил арбалет с колчаном лучей в воду, их встреча стала неизбежной. И даже когда вдаль загремели залпы бомбард, он не особенно насторожился. Нет... Ничего не сможет поделаться Стратег с этой удивительной Планетой! Но залпы звучали как-то странно, не так стройно и ритмично, как это полагалось по инструкции, без соблюдения интервалов. Хаос звуков царил на плато, где стоял «Толстяк».

Оружейник бросил скакуна вперед, целиком полагаясь на чутье машины. Взлетев на вершину, значительно возвышавшуюся над плато, он увидел страшную картину. Оседая после каждого выстрела на задние ноги, тяжеловоз одно за другим выплевывал ядра в сторону «Толстяка». Словно ослепленный яростью, тяжеловоз не разбирал ничего и бил куда попало, пока не разнес вдребезги одну из трех опор и пандус корабля. Канонир, наконец, поймал его в прицел точнехонько и развеял в пыль.

Вот так дела разворачивались на Планете!

Несколько пташек пролетело мимо, а Оружейник все сидел, застыв в седле, без единой мысли в голове. Тяжелый орлан вывалился из люка «Толстяка» и, с трудом набрав высоту, прошел стороной. Орлан подчинялся только Стратегу. И если уж за дело взялся сам Стратег, то дела «Толстяка» очень плохи. Как теперь в случае надобности поднять крейсер с Планеты? Разве что Умелец возьмется...

Планета планетой, но теперь и сам «Толстяк» попал в западню. Эх, бросить бы все раздоры, попросить у Планеты прощения, да и убраться восвояси. Так думал Оружейник и сам понимал, что Стратег и Тактик никогда не откажутся от мысли об эжекуции Планеты. Бунтарь бы что-нибудь придумал. Да что именно? Что нужно делать?

И не знал еще Оружейник, что уже нет в живых Стратега, да и многих других тоже.

Опустив поводья, дал он волю своему скакуну, надеясь, что тот найдет Дурашку. А тогда уж можно будет и решение принять.

Оружейник искал пешего, а встретил всадника. Дурашка без мундира и шляпы счастливо восседал на скакуне, который мчался бесшумно, легко, ненормально, как и все, что было у Дурашки.

— Эгей! — крикнул Оружейник, — Эгей!

Дурашка остановил скакуна, оглянулся, увидел Оружейника, обрадовался, но тут же и опечалился, приложив палец к губам, попросил:

— Тише...

— К черту тише! — загремел Оружейник. — Надо что-то делать! — Он остановил рядом своего зашедшегося в бешеной скачке скакуна, заметил, что и мундир, и шляпа Дурашки пошли на то, чтобы обмотать копыта неизвестно откуда взявшегося здесь скакуна. — Что говорил Бунтарь?

— Не надо ничего делать, — ответил Дурашка. — Планета приняла нас.

— Тебя, может, и приняла, судя по твоей умильной улыбке, а меня, да и всех других, нет. Что говорил Бунтарь?

— Бунтарь говорил, что Планета несомненно населена разумными планетянами. Он хотел их найти, попросить прощения.

— Так ведь здесь никого нет! Одни камни!

— Я не знаю, что имел в виду Бунтарь, только думаю, что Планета — это и есть планетяне, которых хотел найти Бунтарь.

— Что ты мелешь, Дурашка! Тогда выходит, что я — Тола, что я и наша Планета — это одно и то же!

— Конечно, Оружейник. Мы и наша Тола — это одно и то же.

— Слишком хитроумно для меня... Что же все-таки хотел сделать Бунтарь?

— Прекратить разрушение Планеты, я думаю.

— Это мысль. Только, во-первых, не поздно ли? А во-вторых, что прекращать? Ведь о Планету хоть голову разбей, а ей хоть бы хны! Не чувствует она ничего!

— Ну нет, Оружейник. Она все чувствует. Каждое ядро причиняет ей боль. Каждый удар копытом скакуна.

— Потому ты и обмотал ему ноги тряпками?

— Да, Оружейник.

— Значит, надо возвратиться на крейсер и остановить деятельность Стратега и Тактика?

— Наверное, Оружейник. Я ведь ничего не знаю, ничего не понимаю. Я только чувствую.

— Что же ты еще чувствуешь?

— Я чувствую, что Планета становится молодой. В нее вливаются какие-то силы. Она вот-вот заговорит.

— А откуда у тебя скакун?

— Он отыскал меня.

— Отыскал? Слишком плохи дела на «Толстяке», если они выпустили скакуна. Ведь тебя искали специально чтобы вернуть

назад. А сами выпустили скакуна! Нет, здесь что-то не так, Дурашка. Жаль, что нет Бунтаря. Я, пожалуй, вернусь на «Толстяк», хотя — убей меня! — не знаю, что там буду делать.

— Возвращайся, Оружейник, если хочешь.

— А ты!

— Я никогда уже не вернусь на крейсер.

Оружейник вспомнил «Пустынный Космос» и пришпорил скакуна.

21

Никогда в жизни не делал Каномир более бессмысленной работы, чем сейчас. Уже более половины всего запаса ядер израсходовал он, и шальная мысль забрела ему в голову. Все острее и острее чувствовал он желание исполнить нечто.

Все другие бились с неприятелем на скакунах или в пешем порядке, он же всегда поражал врага издалека. Ни стоны, ни крики не доносились до его ушей, лишь привычный гром бомбард да гул и эхо отделенных взрывов. И его занятие всегда казалось ему чистым и надежным, даже красивым. Дернув за запальную веревочку, он иногда подходил к амбразуре, чтобы посмотреть, как в нескольких километрах от крейсера возникает, распускается и вновь опадает диковинный цветок, созданный им самим. И пусть это дело рук человеческих было недолговечным, он все же чувствовал себя создателем. Каких только ценностей не придумал мир!

Но все было иначе на этой Планете! Ядра таяли, но лишь одно из них породило уродливый маленький цветочек, когда он попал в неприятеля, обстреливавшего корабль. Дымовой завесой окутал себя коварный враг, да еще беспрестанно менял позицию. Но никому не спастись от возмездия бомбард.

Одно из тысяч! Из остальных семян ничего не выросло, словно они были лишены зародыша. И никогда, никогда здесь ничего не вырастет. Каномир это понял. Но у него в запасе была хитрость, та самая шальная мысль. Необходимо было только выбрать время.

Каномир тщательно изучил график обстрела Планеты, с радостью обнаружил в нем часовой перерыв, запланированный, видимо, для охлаждения бомбард, и принялся за работу. Все, кроме одной бомбарды, развернул он на сто восемьдесят градусов. Особую же, самую большую и прицельную, тщательно навел на приметную скалу километрах в пяти, соединил запальные веревочки бомбард с очень сложным кибернетическим механизмом, который обязан был дернуть их точно через определенный промежуток времени, и поспешно выбрался из корабля. Где торопливым шагом, где рысцой двигался он к облюбованному ориентиру. Путь оказался

труднее, чем он предполагал, но шальная мысль придавала новые силы непривыкшему лазать по горам Канониру.

Минут через пятьдесят он был уже на месте. Половина оставшегося времени ушла на то, чтобы отдышаться как следует. Затем Канонир огляделся. Да, местечко себе он выбрал что надо! Хоть сто лет ищи, а лучше не найдешь! Высоко и все видно вокруг. Канонир даже ласково похлопал камни рукой. Нет, он не держал зла на Планету. Ну, хитрила она с ним, хотела оставить в дураках, да только все напрасно. Победителем останется он, Канонир, а не лукавая и несговорчивая Планета. А хороша, хороша! В меру тепла, в меру тверда. Вот только оспины вулканов стали появляться на ее лице. Ну да ладно! Разум человека тоже велик. Канонир даже рассмеялся от счастья. Вот ведь как здорово он провел еще ничего не понимающую Планету! Ха-ха-ха! Вот так-то! Нечего тягаться с человеком, до тонкости знающим свою работенку, хоть и пыльную, да все равно кому-то нужную.

«А кому?» — вдруг подумал Канонир. Кому была нужна его работа? Раз поручили, значит, нужна. Не надо было бы, не поручили. Кто-то там, Стратег ли, Тактик ли, все знали, а он, Канонир, только заряжал, наводил да дергал за веревочку, лишь иногда находя время взглянуть на дикийинные цветы, выраставшие не без его участия. И то сказать, потаскай-ка ядра, покрути механизм наводки, повож-вращай-ка назад так и стремившиеся после каждого выстрела откатиться бомбарды! Нет, тут, кроме ума да ловкости, еще и сила нужна. Ух, какая сила, силища!

Но сейчас торопиться некуда. Сейчас отдых, а не работа. Красота! Блаженство!

В небе возникла точка, приблизилась, превратилась в орлана.

Неприметный тоже хотел узнать, что же произойдет там, где был обязан расцвести цветок, зародыш которого несло в себе ядро.

Канонир устроился поудобнее. Время настало.

И точно, там, в пяти километрах, распустился цветок, какого Канонир еще и не видывал. Ну, да ведь и постарался он на славу. Не подвел сложный кибернетический рычаг, в нужный момент дернул веревочки запалов. Молча распустился цветок. Обманул, обманул Канонир Планету! Но вот и гул докатился до Канонира, а за ним последовало и ядро той единственной бомбарды, которая не была нацелена на пороховой погреб «Толстяка».

Дым от взрыва рассеялся.

Орлан сделал несколько кругов над спокойно, как и прежде, возвышавшейся скалой. Ни единой царапинки не заметил на ней Неприметный. Ничего не осталось и от Канонира.

Для Тактика теперь не было задачи важнее, чем отстоять свой чин. Неприметный вскользь брошенной фразой как бы разрешил Советнику попытать счастья. Но что за Тактик выйдет из Советника?! Что он может? Его глупые советы уже привели к тому, что «Толстяк» не может взлететь с Планеты, а сама Планета так и не получила положенной ей взбучки. Правда, тут во многом виноват и сам Стратег. Но он тоже слишком часто прислушивался к словам Советника.

Тактик осторожно крался по коридору, приравливаясь к наклону пола, стараясь не зацепиться колчаном с солнечными лучами за какую-нибудь выступающую часть стены, сжимая в руках взведенный арбалет. Скорость солнечного луча мгновенна. Все решает реакция стрелка. А Советник был плохим стрелком. Тактик это знал.

Коридор под прямым углом повернул направо. Тактик остановился, насторожился. Острый слух его уловил шорох крадущихся шагов. Тактик подождал еще, пока не определил, что человек за поворотом удаляется. Тогда он бесшумно выдвинулся из-за угла и мгновенно поймал на мушку широкую, мясистую слизу Советника. Все разрешилось так просто, что Тактик даже разочарованно вздохнул. Лишь на пять миллиметров нужно было согнуть указательный палец, чтобы навсегда остаться Тактиком. Других соперников у него на «Толстяке» не было.

Но что-то удерживало его. Простота происходящего, что ли? Он ожидал борьбы, хитростей, ловушек, игры ума... А тут широкая мишень, не попасть в которую просто невозможно.

— Эй, претендент! — неожиданно для самого себя крикнул Тактик. — Так дело не пойдет! Слишком примитивно!

Лишь на мгновение растерялся Советник, замер, но уже в следующее резко обернулся и пустил луч, второй, а затем уже и целую очередь. Ни один из лучей не попал в Тактика, который чему-то смеялся, успев заскочить в помещение и захлопнуть за собой дверь. Он отчетливо представил себе, как, обезумев, убегает Советник по коридору, издав спасительного поворота или двери. Ну и Советник! Тактиком захотел стать! Но Тактиками не становятся, а рождаются!

Металлический звук наружной защелки заставил его образумиться. Советник, оказывается, не бежал и даже поймав его в ловушку. Тактик на секунду растерялся. Попытался вспомнить, что было написано на двери, которую он так неосторожно закрывал за собой. Вспомнил. Это еще не ловушка! Есть другой выход! Советнику никогда не догадаться, что у этого помещения есть другой выход!

Для того чтобы окончательно сбить с толку Советника, он с грохотом набросал возле двери разных металлических предметов. Помещение оказалось кладовой инструментов. Пусть Советник ду-

мает, что он строит баррикаду и готовится к длительной осаде. Затем, сбросив сапоги с металлическими набойками, чтобы не выдать себя случайным стуком, Тактик начал пробираться к запасному выходу. Все здесь было перевернуто и разбросано, так что ему пришлось основательно потрудиться, пока он добрался до лестницы, которая вела на другой ярус. Люк был открыт. Тактик начал осторожно взбираться наверх, крепко хватаясь за металлические перекладины. Иногда он поднимал голову, чтобы определить, много ли еще осталось. Но вот и последняя ступенька... Рука прилипла к холодному металлу и не было сил оторвать ее. А в каком-нибудь полуметре в грудь ему смотрел арбалет. Советник сидел на стуле. Он, видимо, уже устал ждать.

Никакая реакция не могла спасти Тактика. Советник перехитрил его! Но что же он медлит? Неужели ему так приятна эта пытка? Тактик осмелился перевести взгляд с арбалета на лице Советника и ужаснулся. На него смотрел не человек. Какое-то чудовище с мучкой и отчаянием в глазах. Тактик пожалел, что не выстрелил там, в коридоре, потом ему стало все равно. А Советник медлил. Память Тактика жестоко подсовывала ему фрагменты из их деятельности на Планете. Охота на Бунтаря и Дурашку. О, Бунтарь! Много крови ты испортил Тактику. Но стрелял Тактик все же в планетянина, а не в Бунтаря. В планетянина... Если бы он знал, что это Бунтарь! А в планетянина стрелять было можно. И в него, в Тактика, тоже сейчас можно стрелять. Но почему можно было стрелять в планетянина? Правда, сначала в воздух! Но почему, зачем? Потом по ногам... Все-таки у планетян был шанс, если первый выстрел в воздух! Почему только под взглядом арбалета приходят в голову такие мысли? Почему нужно было стрелять в планетян и разрушать Планету?

Да что же это? Лучше умереть, чем такие вопросы. Да разве можно вынести столь внезапно свалившуюся тяжесть!

— Стреляй, Советник — попросил он.

Лицо того оживилось:

— Нет, нет... Уж лучше ты стреляй.

— В кого?

— В меня, конечно!

— Зачем же, Советник?

— Тошно все и противно...

— Ты первый...

— К черту все! — вдруг заорал Советник и бросил арбалет. — Как звери! Да нет! Мы же хуже зверей, страшнее. Те хоть не уничтожают себе подобных!

— Ты прав, — сказал Тактик, вылезая из люка. — Мы здесь столько натворили, что наше существование кощунственно.

И тут на них обрушились потолок и стены.

Советник очнулся и почувствовал на себе чей-то взгляд. В полумраке светились глаза, дикие, сумасшедшие.

— Помогите... — прошептал Советник.

— Как?! — сказал кто-то удивленно. — Советник и Тактик! Разве вы не охотились друг за другом?

— Это ты, Неприметный?

— Нет, я — Стратег.

— Ты — Неприметный. Да, мы охотились друг на друга.

— Надеюсь, ты выиграл новый чин?

— Я проиграл, Неприметный...

— Ладно. Пусть я для тебя останусь Неприметным. Но только и ты в этом случае не станешь Тактиком. Уж он-то не упустит бы момента угостить тебя солнечным лучом из арбалета. Только Оружейник стреляет лучше него... Что посоветуешь, Советник?

— Я знаю, что ты смеешься надо мной. Я знаю, что всегда выполнял твои заветные желания. Ты подавал советы моим голосом! Даже сама мысль, что не отгадаю твои желания, приводила меня в ужас.

— Так, так. Все так, — согласился Неприметный.

— Это твоя вина, что мы навсегда останемся на этой Планете! Ты тайно направлял действия офицеров.

— Какая же тут вина?

— «Толстяк» взорван. Одни убиты, другие бежали!

— Пусть вина. Но только ли моя?

— Да... В равной степени виноваты все.

— Приятно прозреть, Советник, не правда ли? Особенно когда уже ничего не можешь сделать...

— Почему не могу? Я еще жив. Мне бы вот только высвободить ноги.

— Конечно, высвободи.

— Я понял, Неприметный. Ты не поможешь мне.

— С какой стати. Планета должна быть разрушена! А ты ведь теперь еще, поди, станешь возражать?

— Теперь — да.

— Тогда возражай здесь.

— Будь ты проклят! Спаси хоть Тактика!

— А он еще жив?

— Дышит. Может, он...

— С какой стати я буду спасать Тактика!

— Ну уж он-то служил верой и правдой.

— Что же он не выстрелил в тебя?

— Не знаю, Неприметный.

— Вот если бы он выстрелил в тебя, тогда другое дело. А так... Нет. У меня много работы. Заковыристая попалась Планета. Но с тремя такими отличными помощниками ее тайну мы разгадаем сегодня же.

— Кто это собирается тебе помочь, Неприметный?

— Умелец, Оружейник, Дурашка.

— Спасибо, Неприметный, что рассмешил перед смертью. Как раз эти трое были всегда настроены против тебя. Они, да еще Бунтарь.

— Бунтаря жаль... Я тогда ночью послал Умельца спасти его, но Тактик слишком настойчиво придерживался своей тактики.

— Так это ты открыл карцер и люк крейсера?

— Я. Бунтарь мог очень быстро разгадать тайну Планеты. Я надеялся, что, бжевав с крейсера, он даже вступит в контакт с планетянами. Но ничего, эти трое вполне заменят Бунтаря.

— Где ты их найдешь?

— Где? Умелец в своей лаборатории.

— Он же бежал!

— Да. Но только до лаборатории, из которой уже не сможет выйти. Оружейник возвращается на корабль. С минуты на минуту он будет здесь. А Дурашку я могу найти в любой момент. Ведь я послал ему меченого скакуна.

— Они не станут помогать тебе, Неприметный.

— Отчего же? Неприятель убил большую часть экипажа. Тебя, Советник, в том числе. Подверг крейсер обстрелу, а потом и взорвал его. Все взывает к отмщению.

— На этой планете нет неприятеля, кроме тебя. Теперь я это понял.

— Понимай, Советник, понимай. Мне кажется, что вот-вот лопнет шпангоут, и тогда на вас обрушатся верхние ярусы. Пойду, пожалуй... Ведь разгадка тайны Планеты так близка.

Неприметный протиснулся между покореженными металлическими конструкциями в люк, спустился по лестнице и уже выскочил в коридор, когда наверху раздался грохот.

Обрушилась еще одна часть «Толстяка».

24

Умелец честно проводил эксперименты, придерживаясь графика, который ему кто-то подсунил. Очень интересные получались результаты. Тайну Планеты он еще не разгадал, но уже приближался к этому. Не хватало какого-то одного звена.

Страшный взрыв потряс корабль.

Умелец очнулся в темноте, ощупал себя. Кажется, он отделался лишь ссадинами да синяками. Не теряя времени, Умелец начал восстанавливать электропроводку. Но главный генератор крейсера, видимо, был разрушен. В лаборатории были аккумуляторы, и вскоре электрические лампочки загорелись.

Разгром царил полнейший. Ни о каком продолжении экспериментов не могло быть и речи, но Умелец упорно трудился. Входная дверь все равно заперта, а сидеть без дела он не привык. На стене на расстоянии полутора метров друг от друга были прикреплены клеммы, куда Умелец подсоединил все аварийные аккумуляторы. Он начал разгребать остатки аппаратуры, надеясь, что что-нибудь уцелело, и не заметил, как кто-то открыл дверь и вошел в лабораторию.

— Плохи наши дела, Умелец,— услышал он, вздрогнул и обернулся.

— Неприметный!

— Стратег,— поправил Неприметный.

— Стратег? А что же произошло с настоящим Стратегом?

— Убит!

— Убит?

— Да. Он и еще многие.

— Кто же?

— Тактик, Шкипер, Звездочет, Канонир, Советник, Лекарь.

О Бунтаре ты знаешь и сам.

— Как же это произошло, Неприметный? — ужаснулся Умелец.

— Неприятель жесток и коварен! Нам не будет пощады, если мы не разгадаем тайну Планеты. Корабль взорван. Обратного пути нет все равно.

— Я не верю, Неприметный, что планетяне могут так поступать.

— Кто же тогда убил семерых офицеров? Может, я?

— Что ты, Неприметный... Хотя, Бунтаря убил Тактик.

— Они ввели Тактика в заблуждение. Значит, это их вина, не Тактика. Так что же ты выяснил, Умелец? Знай, ты сейчас единственная надежда «Толстяка»!

— Странных фактов много, но объяснить их я еще не могу.

— Выкладывай свои факты, Умелец. Я подбавлю своих. Может, вдвоем мы что-нибудь и пойдем.

— В атмосфере Планеты непрерывно уменьшается количество кислорода. Вернее, не непрерывно, а скачками. И это как-то связано с обстрелом скал из бомбард. При каждом выстреле доля кислорода уменьшается.

— В момент выстрела или в момент взрыва? — спросил Неприметный.

— В момент взрыва.

— Что же там взрывается?

— Я заснял скоростной камерой момент соприкосновения ядра с Планетой. На одном кадре видно, что скала взорвалась. Но уже на другом она снова стоит целой и невредимой.

— Длительность кадра?

— Одна микросекунда. И вот еще что. Скала восстановилась не совсем в таком виде, какой была прежде. Она стала чуть больше, ровнее. Первая из второй могла бы получиться под действием Светила, ветра и дождя. Но вторая из первой — никогда. Я не знаю, в чем тут дело.

— Ландшафт Планеты вообще изменился. Возможно, что выстрелы из бомбард пробудили дремавшие в ней силы. Вулканы возникают десятками. Учти и это, Умелец.

— Массовое возрождение вулканов?! А ведь возросла и тектоническая деятельность.

— Жаль, что у «Толстяка» больше нет бомбард. Мы бы ее так потрясли ядрами, что она уничтожила бы сама себя.

— Уничтожила, Неприметный!

— А что ты думаешь?! Простить ей все, что она сделала с «Толстяком»? Впрочем, не это сейчас главное... На Планете есть жизнь!

— Что же ты молчал, Неприметный!

— В пригоршне воды Океана я обнаружил десятиклеточные живые организмы и водоросли. После залпа бомбард Океан отступил на километр, но я догнал его. В нем снова были живые организмы и водоросли, правда, почему-то только девятиклеточные. Это тебе говорит о чем-нибудь?

— Жизнь... Жизнь! А мы обстреливали Планету из бомбард...

— Умелец! Мы должны разгадать тайну Планеты!

— Ты говоришь, десятиклеточные, а потом — девятиклеточные... В таком случае боюсь, что жизни на Планете больше не существует.

— Объясни.

— Скажи, Неприметный, а не замечал ли Звездочет каких-нибудь странностей в ночном небе?

— Замечал. Еще как замечал! Он как сумасшедший орал: и Планета, и небо сошли с ума! Единственное спасение — стартовать!

— Если бы знать, что он там увидел.

— Уверен, что что-то со звездами.

— Я думаю, — сказал Умелец, — он заметил, что изменилось расположение звезд.

— Звезд?! На Планете может происходить все что угодно, звезды не могут меняться так быстро. Они далеко!

— Тогда кое-что проясняется. Только это не в нашу пользу.

— Что теперь думать о нашей пользе, Умелец. Подумай о вреде для Планеты. Больше нам ничего не остается.

— Неприметный! Я понял, в чем тут дело. Каждый раз, когда мы наносили Планете какой-нибудь вред, она...

— Ну, ну, Умелец,— с нетерпением сказал Неприметный.

— Остановись, Умелец!

В дверях стоял Оружейник.

25

Оружейник подумал, что он заблудился, настолько неузнаваемо изменилась вокруг местность. Горы стали выше, ущелья глубже, обрывы круче. В каком-нибудь километре от него вдруг вырос вулкан и начал извергать темно-вишневую лаву и плеваться камнями. Столб дыма и пепла поднялся до стратосферы. Оружейник развернул своего скакуна, тот бросился в сторону, чуть не попал под град камней, завертелся на одном месте. Скакун захрапел, испуганно и протяжно. И намек на тропинку не было вокруг. Увеличив мощность скакуна до предела, Оружейник бросил его в гору, уже тяжело дышавшую, вздрагивающую, шевелящуюся камнями и целыми скалами. Преодолев подъем и осмотревшись, он понял, что кратчайшим путем до «Толстяка» не добраться. Горы шевелились, чуть ли не ежеминутно рождая новые вулканы. Оружейник отчаянно гикнул, прижался к шее скакуна, вонзил в его бока шпоры, засвистел над головой витой плетью. Выручай, родной!

Скакун словно что-то понял своей машинной интуицией, высоко заржал, на пределе слышимости человеческого слуха, и помчался, выбирая направление по только ему известному признаку. Он мягко перепрыгивал через ущелья, карабкался, тяжело мотая головой, на скалы, подогнув задние ноги, чуть ли не на брюхе скатывался с крутых склонов, мягко касался копытами едва затвердевшей корочки лавы, но ни разу не провалился, с удивительной точностью увертываясь от падающих с неба камней. Он весь покрылся грязью образовавшейся от смешения пепла и пепла, натужно дышал, но все еще шел хорошо, легко, уверенно, хотя интегральные схемы внутри и исполнительные механизмы наверняка перегрелись и только чудом не выходили из строя.

Оружейник уже и не помнил, как скакун взобрался на вздыбившееся плато, совсем не похожее на то, каким оно было несколько часов назад. И «Толстяка» не увидел на нем. Оружейник — какая-то груда металлических конструкций пучилась и вздрагивала, иногда с грохотом обваливаясь каким-нибудь отсеком или двигателем.

Оружейник бросил поводья, и скакун медленно опустился на передние колени, судорожно задышал и завалился на бок. Вспышка

короткого замыкания превратила его в никому не нужный хлам. Сердце перевернулось в груди Оружейника при виде гибели любимца. Но там, впереди, его наверняка ждали люди!

Проникнуть в корабль теперь было легко, хотя и опасно, потому что какая-нибудь балка в любой момент могла обрушиться на голову. Первым делом Оружейник бросился в кают-компанию. Ков-как соорудив стол из каких-то обломков и досок, Стряпух расставлял приборы на тринадцать персон.

— Что здесь происходит?! — крикнул Оружейник.

Стряпух посмотрел на него и не увидел. Он ничего не ответил, даже когда Оружейник тряхнул его за лацкан засаленного и изодранного мундира.

— Кто здесь есть?! — крикнул Оружейник еще раз и выпустил офицера из рук.

Стряпух спокойно и старательно, медленно, как в полусне, расставлял на столе черепки чашек. На Оружейника он не обращал внимания. Приближалась пора ужина, и стол на тринадцать персон должен быть к этому времени готов.

Оружейник бросился по уцелевшим ярусам. Вот Звездочет с солнечным лучом в груди. Оружейник наклонился, исследовал луч. Кто-то в спешке пытался соскоблить с него личную метку, но не совсем преуспел в этом деле. Неприметный! Да что же происходило здесь?! Неужели он зря покинул корабль?! Но даже предположить такое было невозможно, дико! В лечебнице, на двух сдвинутых операционных столах лежали Стратег и Лекарь. А среди инструментов — кинжал. И снова — Неприметного! Оружейник взял в руки оружие и взглянул на разверзшуюся рану Стратега. Да! Этот кинжал несомненно побывал в груди Стратега! Ноги несли Оружейника дальше, пока он не обнаружил тела Тактика и Советника. Ну, эти-то погибли под рухнувшими балками. Но что это? Следы подошв! Оружейник, как следопыт, присел на корточках и всмотрелся в отпечаток каблука. Здесь проходил, долго сидел на корточках и поспешно бежал Неприметный. Он даже пальцем не дотронулся ни до одного обломка. Мысль спасти Тактика и Советника не пришла ему в голову. Оружейник бросился на груду металлических балок, перекрытий, листов стали. Он разгребал их и отбрасывал в сторону, гнул, сгибал, ломал, пока не вытащил на чистое место обоих офицеров. Но его помощь запоздала. Ну, Неприметный! Оружейник озверел. Он еще поискал Шкипера, Канонира и Умельца, но не нашел. Впрочем, ни палубы бомбард, ни шкиперской рубки уже не существовало. Каким-то чудом еще уцелела лаборатория. Оружейник было бросился в распахнутые двери, но остановился, замер, сжал плеть, которая неизвестно как оказалась в его руке. Прислушался. Говорили Неприметный и Умелец. Умелец что-то знал. И это знание сейчас

перейдет к Неприметному. Неприметный ни перед чем не остановится. Он уничтожит все, все!

— Ну, ну, Умелец! — поощрил Неприметный.

И тогда Оружейник выступил из своего укрытия.

26

— Оружейник! — воскликнул Неприметный.— Уж и не знаю теперь, нужен ли ты мне?

— Нужен, Неприметный! Нужен! Еще как нужен! — Оружейник приблизился, поигрывая плетью.

— Проходи,— предложил Неприметный.— Расскажи, что видел интересного. Нашел ли беглеца Дурашку? Не образумился ли он?

— Дурашку тебе не достать, Неприметный! А вот с остальными ты сыграл ловко! Умелец, это он убил Бунтаря!

— Вот что значит быть в бегах,— спокойно ответил Неприметный.— Бунтаря убил Тактик. Это знают все. Да ты ведь и сам участвовал в деле!

— Твоя рука направляла арбалет Тактика. Он лишь выполнял твою волю. Да и все остальные тоже. Ты убил и Звездочета!

— С какой целью? Ты видишь, Умелец, Оружейник сошел с ума!

— Ты убил всех! И Стратега, и Тактика, и Канонира, и...

— Снова ложь. Канонир убил сам себя. Тактик и Советник начали охоту друг на друга, и я не успел им помешать. Они погибли под завалом. Я бы помог, да не сумел добраться до них.

— А я добрался.

— Конечно, Оружейник. С твоею силою можно гнуть стальные балки.

— Там следы твоих сапог! Офицеры были живы, когда ты сидел рядом. Ты просто не захотел им помочь, потому что они мешали тебе.

— Ты тоже начинаешь мешать мне, Оружейник. Я организовал побег Дурашки и Бунтаря. Я санкционировал твой уход из экспедиции. Я освободил Умельца. Я знал, что только вы четверо сможете разгадать тайну Планеты. Вы с самого начала были против того, чтобы подвергнуть ее наказанию. Но я, кажется, ошибся во всех, кроме Умельца. Ты мне больше не нужен, Оружейник. Берегись!

— Умелец! Не выдавай Неприметному тайну Планеты! Мы и так произвели здесь множество необратимых изменений!

— Необратимых изменений...— прошептал Умелец.— Разве ты тоже догадался, Оружейник!

— Нет, я больше привык действовать руками, чем умом. Я знаю только одно: Неприметного надо остановить.

— Ты слишком много знаешь, Оружейник. И ты мне действительно больше не нужен!

Неприметный отступил на шаг, завел правую руку за спину, что-то нашаривая там. Введенный арбалет в миг уставился Оружейнику в грудь. Но Оружейник метнулся чуть в сторону, витая плеть свистнула в воздухе и наверняка рассекла бы Неприметного надвое, но бросок Умельца испортил все дело. Плеть обрушилась на пустое место. И в тот же миг солнечный луч вонзился Оружейнику в грудь.

27

— Что ты наделал! — ужаснулся Умелец.

Он почти всю свою жизнь просидел в лаборатории, разгадывая тайны природы, считая общение с офицерами корабля помехой в работе. Он никогда не принимал участия и в наказании планет. Исследования, исследования были его делом, да еще четкая работа всех систем корабля. И он не зря был Умельцем. Каждый болтик и каждый рычажок корабля чувствовал он как живое существо. Все слушалось его и редко выходило из строя. Усовершенствовать что-нибудь на крейсере, будь то новая броня корабля или двигатель орлана, — вот это жизнь, достойная человека. А все остальное, все, что происходило на крейсере, его не касалось. Слишком долго это его не касалось!

— Что ты наделал!

— Нет, это не я. Это ты подтолкнул меня, Умелец. И арбалет сделал случайный выстрел. Ах, как жаль, что ты убил Оружейника!

— Я, Неприметный?!

— Ну, да и ладно... Ведь об этом никто не узнает.

— Нет, Неприметный... Я не мог убить человека!

— И все же убил. Я понимаю, что это нечаянно. Вот и Бунтаря убили нечаянно.

— Нечаянно, — прошептал Умелец. — Нечаянно! Нет, не нечаянно! Все было закономерно! Я действительно виноват в их смерти. Я молчал. Я старался ничего не замечать. Я заменил человеческое окружение машинами. Мне ни до чего не было дела! Ведь я ни во что не вмешивался... А оказалось, что не вмешиваться нельзя!

— Да что об этом говорить, Умелец. Мы, конечно, совершали ошибки. Но тайну... Тайну Планеты...

— Ты не узнаешь ее, Неприметный.

— А вдруг я не утерплю и расскажу, что ты убил Оружейника?

— Рассказывай.

— Тебя будут судить. Тебя будет мучить совесть. Говорят, что это страшнее всего.

— Я уже осудил себя.

- И что же... Это больно?
- Больно, Неприметный.
- А если я сделаю еще больней?
- Больнее уже нельзя.
- Посмотрим!

Неприметный схватил даже не сопротивлявшегося Умельца, подтащил его к стене, закрепил одну руку в клемме высокого напряжения, разорвал провод, ведущий к ней, чтобы не ударило током, зажал второй клеммой другую руку Умельца, отошел на несколько шагов, огляделся, хорошо ли у него получилось, взял в руки плеть.

- Тайну!
- Нет, Неприметный.
- Плеть рассекла Умельцу лицо.
- Тайну!
- Нет.

Плеть разорвала мундир на груди Умельца.

- Тайну!
- Нет! Нет. Нет...

Неприметный остановился.

— Тебя обратит в пепел электрический ток, Умелец. Послушай, ну зачем тебе тайна? А мне она так нужна! Еще не все потеряно. Я найду способ расправиться с Планетой, только бы знать ее тайну. Сжался, Умелец! Сними с моей души груз неведения! Что тебе? Да и ей тоже? Скажи, она мертвая?

- Она жива, Неприметный! Планетяне приглашали нас в гости.
- Они просили милости! А потом затаились. Тайну... Тайну!

Взрыв близкого вулкана потряс остатки корабля.

— Молодец, Планета,— прошептал Умелец.— Представляю, что здесь будет через час.

- Что? — с надеждой спросил Неприметный.

— Расплавленный шар.

— Это ведь от бомбард, правда? Мы ведь все-таки встряхнули ее?

— Нет, Неприметный. Это она сама. Я, пожалуй, раскрою тебе тайну Планеты.

- Давно бы так!

— Мало радости принесет тебе это. Планета обманула тебя. Как жестоко ты просчитался!

- Мне бы только узнать тайну. А там...

— На Планете существуют разумные планетяне. Они хотели принять нас гостеприимно. Но мы тотчас же уничтожили их корабль. Уверю тебя, Неприметный, у них хватило бы средств уничтожить в ответ наш крейсер. Но они не могут убивать людей. Они просто забросили наш корабль в свое прошлое, когда на Планете еще толь-

ко зарождалась жизнь. Они хотели посмотреть, что мы будем делать. Если, не обнаружив планетян, спокойно улетим, что ж... далеко за пределами своей солнечной системы они бы наверняка вернули нас в свое время. Но мы обстреляли Планету из бомбард. Им наверняка пришлось здорово поработать, чтобы сгладить следы, оставленные нами. Планетяне перебросили нас в еще более далекое прошлое. И так случалось каждый раз, когда мы производили на Планете какие-либо разрушения. Поэтому уменьшалось в воздухе количество кислорода, поэтому убегал от тебя Океан, поэтому десятиклеточные организмы превратились в девятиклеточные, поэтому ожили вулканы. Мы уходим все дальше и дальше в прошлое этой Планеты. Ты понял, Неприметный? Скоро здесь заплещется лишь одна расплавленная лава. А за стенами корабля уже наверняка нечем дышать.

— Не верю!

— Это так, Неприметный.

— Они убили всех нас!

— Нет, это сделали мы. Ведь они только предоставили нас самим себе.

— Будь проклята эта Планета! Я буду бороться с ней до конца!

— Поздно, Неприметный, поздно.

— Для тебя — да.— Неприметный соединил концы проводов и даже не взглянул, что там осталось между клеммами высокого напряжения.

Хлеща плетью все, что попадалось под руку, Неприметный бросился вон.

28

По мнению Стряпуха, что-то случилось. Никак не хотел стоять скрепленный чем попало стол. Из груды обломков стульев с разными спинками нельзя было собрать и одного. Потух очаг, пищевые продукты превратились в неприглядное месиво. Никто не отдавал приказаний относительно ужина. Стряпух чувствовал, что его вина безмерна. Не накормить как следует команду! Да такого, наверное, еще никогда не случилось во всем флоте Толы!

Стряпух разжигал из стульев костер, но тут же тушил его, хватался за погнутые кастрюли, наливал в них воду, сыпал что-то из уцелевших пакетов и снова все бросал, увидев озабоченным взглядом ручку сковороды в куче мусора. Он принюхивался к перцу и корице, пробовал на язык соль и сахар, удрученно качал головой, после каждого толчка бросался к разваливающемуся столу, прислушивался к гулу, доносившемуся извне, задумчиво глядел на ряды потухших светильников, бросался протирать немногочисленные уцелевшие. Стряпух кипел деятельностью, старался, напрягал свой мозг,

но что-то не складывалось в его сознании. Что-то не получалось. Словом, происходило непонятное, и Стряпух не в силах был разобраться в нем.

Он чувствовал, что время ужина уже прошло, но никто не являлся в кают-компанию, не слышно было оживленных голосов, обсуждений доблестных побед над противником, поздравлений, вручений наград.

Стряпух хватался то за одно, то за другое. В создании кушаний был весь смысл его жизни. Его не особенно интересовало, что там делают все остальные, он твердо знал, что без него мир не может существовать. Все мироздание держалось на его сковородках и кастрюлях.

Спешный топот подошв оталек его от решения проблем. В проеме двери стоял Неприметный. Стряпух испугался, задрожал. А вдруг Дурашка уже отбывает наказание в карцере за кого-нибудь? Вдруг и ему, Стряпуху, придется проследовать туда? А ужин еще немножко не готов!

— Что ты тут делаешь? — спросил Неприметный.

— Ужин, — коротко ответил Стряпух.

— Ужин больше никому не нужен, — сказал Неприметный.

Эта фраза была выше понимания Стряпуха.

— Не нужен! — повторил Неприметный. — Ничего больше не нужно!

Нет, на крейсере, кажется, действительно что-то происходило...

Неприметный исчез.

Стряпух увидел чистую кастрюлю и улыбнулся, но не взял ее в руки, потому что рядом валялась другая. А там крышка от сковороды. А еще дальше — уже и не поймешь что. Стряпух засмеялся, легко, свободно, сбросив с себя какой-то нравственный груз, замолчал, засмеялся еще громче, снова смолк, прислушиваясь, захохотал оглушительно, удивляясь силе своего голоса.

Откуда-то приближался гул. Он все нарастал. Стряпух опомнился и начал собирать черепки чашек, чтобы склеить их. Эта работа сейчас была самой важной.

Неприметный успевал выбежать из корабля через какой-то пролом. Все кругом гудело и стонало. Десятки действующих вулканов выбрасывали в небо огненные столбы. Цепляясь когтями за шевелящиеся камни, находившиеся, клекотал орлан. Пепел покрывал его и кое-где уже дымилась и таял перья. Неприметный усмех-

нулся. Времени оставалось мало. Уже, наверное, исчезли моря и Океан Планеты, но дышать еще было можно. Неприметный топнул каблуком сапога, ожег Планету ударом плети.

— Наказание! — крикнул он. — Наказание!

Орлан пополз к нему, широко разевая клюв. Кое-где из его боков уже торчали оплавленные бабки каркаса, дымидись интегральные схемы.

— Сначала Дурашку! — сказал сам себе Неприметный и вскочил в седло, тотчас же прожегшее ему мундир. Но боли не было.

Орлан тяжело запрыгал и с трудом поднялся в воздух. Скакун у Дурашки был меченый и разыскать его по радиодатчику не составляло труда. Кибернетическую птицу подбросило и чуть не переломало ей крылья. Это возник еще один вулкан, на том самом месте, где лишь вчера совершил посадку «Толстяк». Крейсера больше не существовало.

Неприметный вперился в экран пеленгатора. Светящаяся точка указывала ему путь. Лететь по прямой мешали километровые столбы огня, приходилось делать зигзаги и петли. Орлан все медленнее махал крыльями, но и цель уже была близка.

Дурашка стоял на плато, со всех сторон окруженном лавой. Скакуна он держал в поводу.

И каких-то сто метров не смог еще пролететь израненный орлан, упав в густую, медленно текущую огненную массу. Птица сгорела мгновенно. Но с Неприметным ничего не случилось. Лишь на миг потеряв самообладание, он встал, поправил широкополую шляпу с хрустальным, прозрачным пером, хлестанул плетью Планету и пошел вперед. Никакие вулканы ему были не страшны!

Дурашка увидел Неприметного и спокойно ждал его приближения.

— Ты знаешь, что сотворила с нами Планета? — спросил Неприметный.

— Знаю.

— И как же, по-твоему? Она и теперь не заслуживает наказания?!

— Она приняла нас как мать, Неприметный. Разве можно наказывать мать?

— У нас одна мать — Топа! — Неприметный стеганул Планету плетью. — Понял? Конечно, она переиграла меня. Но отмщение все равно состоится! Ты видел, как я шел по расплавленной лаве? Планета ничего не сможет со мной поделать. И я еще сумею изхлестать ее всю вдоль и поперек!

— Она просто ничего не хочет с тобой делать, Неприметный. Ты ей не нужен!

— А ты нужен?! То-то все уже превратились в пар!

— Нет, не в пар, Неприметный. Они уже там, на зеленой и чудесной Планете.

— Как же!

— Я тоже иду туда, Неприметный.

— Может, тебе помочь?

— Ты ничем не можешь помочь, Неприметный.

— А вот этим! — Неприметный ударил плетью Дурашку, но она прошла сквозь него, как сквозь пустоту.

— Что, не получилось?

Неприметный ударил еще раз, другой, третий! Дурашка был неуязвим.

— Бесполезно, Неприметный. Мы уже живем в разных временах.

Дурашка и его скакун неуловимо, но быстро становились прозрачными, Неприметный рубил плетью пустоту, но Дурашка не обращал на него внимания.

— Она живая,— сказал он сам себе,— живая... зеленая и ласковая. Я чувствую это. Я всегда больше чувствовал, чем понимал. Здравствуй, Планета...

Неприметный остался на плато один.

30

Планета стремительно проваливалась в прошлое.

Уже исчезли вулканы, потому что все превратилось в один большой огненный Океан.

А Неприметный все хлестал Планету плетью. Он шел, и идти ему было далеко и долго.

Ускорялся бег времени, словно Планета хотела избавиться от Неприметного хитрым и страшным образом. Постепенно потухал огонь, увеличивался радиус Планеты, рыхлее и легче становилось вещество, из которого она состояла. И вот уже только огромная, аморфная туманность окружала его. Да и та все более разреживалась. И плеть уже не встречала сопротивления, и за каждым атомом приходилось гоняться, как за быстрым зверьком. Первоначальная пепельная мгла наполнялась светом, пока, наконец, туманность не рассосалась по всей Вселенной. И Светило, которое когда-то в будущем потрудится над созданием Планеты, откатывалось все дальше и дальше. Вот и оно превратилось в Звезду, обыкновенную, как и все другие. И уже не отличить ее от всех других недосыгаемых светлячков неба.

И плеть Неприметного рассекала пустоту...

Разведывательный крейсер приближался к солнечной системе.

— Есть ли новые данные? — спросил Стратег и захрустел ремнями мундира.

— Новые данные подтверждают старые данные, — ответил Звездочет. — Уровень радионизлучения системы непрерывно повышается. Еще две-три минуты, и мы увидим, шумит ли это Светило или какая-либо из его планет.

— И что это будет означать?

— Если излучает Светило, то в скором времени возможен взрыв, — ответил Звездочет. — Если же Планета, то это неопровержимо докажет, что на ней существует разумная цивилизация.

— Хм... цивилизация. Сколько раз мы уже предполагали наличие цивилизаций на других планетах, но ничего не нашли. — Стратег задумчиво потер подбородок ладонью.

— Что скажешь, Тактик?

— Как только приборы подтвердят, что радионизлучение идет с Планеты, на крейсере будет объявлена готовность нулевой степени, — ответил Тактик.

— Хорошо. — Стратег встал и прошелся по отсеку управления, затем взглянул на песочные часы.

Звездочет нагнулся над самописцем, регистрирующим радионизлучение неизвестной солнечной системы. Перо вычертило маленькую горбушку, сделало два прочерка и, наконец, выдало огромный всплеск.

— Есть! — радостно воскликнул Звездочет. — Третья Планета!

— Так что это означает? — спросил Стратег.

— Это означает, что на третьей планете существует высокоразвитая цивилизация, — ответил Советник. — Необходимо записать эти радиосигналы и попытаться их расшифровать.

— Пусть Отгадыватель займется этим! — нетерпеливо заметил Стратег и вопросительно посмотрел на Тактика.

Тот поспешно схватил микрофон.

— Объявляется готовность нулевой степени! Произвожу проверку. Шкипер!

— Крейсер идет точнехонько к третьей планете.

— Канонир!

— Все бомбарды заряжены букетами цветов!

— Оружейник!

— Все арбалеты заряжены разноцветными лучами для иллюминаций и фейерверков!

— Умелец!

— Все системы крейсера работают нормально, в точно заданных режимах.

— Лекарь!

— Лазарет готов к принятию больных, если таковые окажутся на Планете!

— Отгадыватель!

— Начал расшифровку радиоизлучения!

— Умница!

— Пытаюсь почувствовать, что за цивилизацию мы встретили!

— Стряпух!

— Накрываю в кают-компани стол на тринадцать персон!

— На тринадцать? — удивился Стратег. — Разве нас тринадцать? Экипаж крейсера состоит из двенадцати человек!

— Виноват, — ответил Стряпух, — всегда накрывал на тринадцать.

Прикажешь следовать в карцер?

— В карцер? — еще более удивился Стратег. — Да ведь карцер уже давным-давно переделан в комнату отдыха! Хм... На тринадцать. А кто же, по-твоему, был тринадцатым?

— Да неприметный такой...

— Хо-хо-хо! — раскатился Стратег. — Скажет же: неприметный! Уж настолько неприметный, что его кроме тебя почему-то никто и не видел. Ну да ладно... На тринадцать так на тринадцать.

Тактик весь как-то подтянулся. Теперь, когда Планету уже можно было видеть в обзорный экран, командование крейсером переходило из рук Стратега в его, Тактика, руки. Стратег теперь мог давать лишь самые общие указания.

Команда крейсера приготовилась к встрече с неизвестной цивилизацией.

...2

— Прямо по курсу неизвестное тело! — доложил Шкипер.

Стратег поскрепел ремнями мундира, опустился в кресло и ободряюще кивнул Тактику.

— Бомбарды к встрече! — приказал Тактик.

— Есть бомбарды к встрече! — с какой-то залихватской веселостью ответил Канонир.

— Тактик! — крикнул Отгадыватель. — Удалось расшифровать одну фразу!

— И что же получилось? — с нетерпением спросил Тактик.

— «Милости просим!»

— Какой еще милости? — не понял Тактик. — Мы вовсе и не собираемся причинять им какие-либо неприятности!

— Тактик, они не милости у нас просят. Они милости просят пожаловать к ним в гости!

— А-а... Это другое дело!

— Тактики! — доложил Шкипер. — Неизвестное тело производит какие-то маневры!

— Что скажешь, Советник? — спросил Тактик.

— Обозначить сигнальными огнями швартовочный люк. Цветными лучами и цветами продемонстрировать наше дружелюбие.

— Дельно, — тихонько пробормотал Стратег.

— Всем приготовиться к встрече братьев по разуму! — приказал Тактик.

— От корабля планетян отделилась шляпка, — информировал Шкипер. — Двигается в нашу сторону... Причаливает... Готово... Кто-то выходит из нее!

— Всем в кают-компанию! — приказал Тактик.

Двенадцать офицеров крейсера в хрустящих мундирах, начищенных сапогах с отворотами и шпорами, в широкополых шляпах с разноцветными перьями замерли возле резных кресел, стоящих вокруг стола.

Дверь в кают-компанию открылась, и вошел человек. Он был разве что чуть повыше, чем офицеры, да пошире в плечах. Хотя Оружейник, например, ничем не уступал ему в габаритах, да, по-видимому, и в силе.

— Приветствую вас, братья по разуму, на нашей Планете! — сказал человек.

— Экипаж крейсера приветствует Планету и планетянина! — хором ответили офицеры.

— Приветный! — представился планетянин и всем по очереди пожал руки.

— Прошу к столу! — пригласил Стратег.

— Конечно, на тринадцать персон, — пробормотал Стряпух. — Я же помню...

Но его никто не расслышал.

— А что за название у вашего крейсера? «Толстяк», что ли?

— «Тол-стяк!» — поправил его Тактик.

— Стерлась надпись-то, поправить бы надо, — посоветовал планетянин Приветный.

Тактик укоризненно посмотрел на Умельца. Тот засмутился. Давно бы надо подновить название корабля, да все руки не доходят. Но уж теперь-то!

— А что означает «Тол-стяк»?!

— Стяг Толы! — пояснил Тактик. — Знамя Толы!

— Ах, Тола — это планета, с которой вы прибыли? — догадался планетянин.

— Да, да! Тола — это наша родная планета.

— И что же за задачи у вашего крейсера?

— Искать братьев по разуму! — ответил Стратег. — Вступать с ними в контакт. Добиваться взаимовыгодного сотрудничества.

— Ну что ж... Наши цели совпадают. Планета примет вас с радостью! А много ли миров вы уже открыли?

— Ваш первый, — правдиво ответил Стратег. — Разум — слишком редкая ценность во Вселенной! Иногда нам казалось, что некоторые планеты обитаемы. Но при тщательном исследовании все они были мертвыми. Возможно, тут все дело в стратегии поиска...

— Или в тактике, — добавил Тактик.

— Да, — согласился планетянин. — Стратегия и тактика поиска братьев по разуму не терпит ошибок... Я вижу, на некоторых планетах у вас все же были и неприятности.

— Да как вам сказать, — замялся Стратег. Поморщился. Старая ножевая рана заняла в груди. — А с чего вы это взяли?

— Да вот, я вижу, все чашки у вас склеены. Видно, порядочно трянуло крейсер когда-то?

— Стряпух! — спросил Тактик.

— Отправляться в карцер? — не понял тот.

— Великий Космос! Что за карцер? Разве у нас на крейсере существует наказание карцером?!

— Старею, видно, — сказал Стряпух. — Руки уже не те. Как начну мыть посуду, так и бухну что-нибудь в раковину.

— Невелика беда, — заметил планетянин.

— А я словно уже бывал на вашей Планете, — сказал Умница. — Она приняла меня...

— Умница у нас очень тонко чувствует, — объяснил Отгадыватель. — Потрясающие способности к художественному мышлению!

— И прекрасно, — ответил планетянин. — Красоту мира нужно чувствовать.

— Предлагаю тост... — сказал Стратег.

После нескольких тостов все разговорились, обращаясь, правда, больше к планетянину.

...3

— Значит, торговля, обмен духовными и культурными ценностями, — заключил планетянин. — Прекрасно! Это только ваша стратегия или стратегия самой Тольи?

— Конечно наша! — воскликнул Отгадыватель.

— Конечно Тольи! — воскликнул Тактик.

Оба офицера посмотрели друг на друга недоуменно. Больно ждалось сердце у Тактика.

— Послушай, Отгадыватель... Мне кажется, что я доставил тебе какую-то неприятность. Обидел, что ли?

— Да что ты, Тактик! Как мы можем обидеть друг друга? Никаких обид у нас нет! Иначе поход нашего крейсера был бы невозможен.

— Хорошо, если так... И все-таки что-то крутится у меня в подсознании.

— Может, дурной сон?

— Да, да, сон, наверное! — обрадовался Тактик.

— Так как же со стратегией Толы? — напомнил планетянин.

— Есть малюсенькая загвоздка, — вздохнул Стратег. — В общем-то, нам рекомендуется немного припугнуть каждую встреченную цивилизацию. Продемонстрировать, так сказать, силу. Но... но на это не стоит обращать внимание.

— Да, — согласился Канонир. — Кроме букетов цветов бомбарды могут заряжаться и чугунными ядрами. Но я, правда, закрыл погреб на замок, а ключ выбросил.

— Да и арбалеты приспособлены не только к стрельбе лучами фейерверков, — сказал Оружейник. — Я свинтил с лучей все боевые наконечники. Но ведь так просто навинтить их вновь.

— Тем более, — подхватил Звездочет, — что звезды все-таки иногда внушают страх.

— Лазарет тоже не всегда бывает пустым, — буркнул Лекарь.

— В наставлении по вождению судов, — сказал Шкипер, — есть, кстати, термин: боевой разворот.

— Да и я не сижу без работы, — сказал Умелец.

— А я чувствую, — сказал Умница, — что на нашей Толе, кажется, не все в порядке.

— А все-таки стол в кают-компании всегда накрывался на тринадцать персон, — вставил Стряпух.

— Ну, это на всякий случай, видимо, — объяснил Тактик. — Для встречи дорогого гостя, вот как, например, сегодня.

— Что-то мы копнули тревожное, — нахмурился Стратег. — Тут такая радость. Встреча с братьями по разуму! А в сердце тревога...

— Что скажешь, Советник?

— Скажу. На Толе, конечно, все не так хорошо, как мы поведали планетянину Приветному. Да и стратегия и тактика «Тол-стяга» неприметно меняются во время нашего похода. Почти у каждого на теле раны...

— Да, да! Это правда, — подтвердил Лекарь.

— ...Я думаю, что все здесь рады такой приятной и интересной встрече. Но на Толе нам не простят, что мы не поприветствовали Планету двумя-тремя залпами чугунных ядер из всех бомбард. Дело в том, что наши стратегия и тактика отличаются от принятых на Толе. Контакт контактом, а глубокий карцер на Толе нам всем обеспечен.

— Я же говорил, — пробормотал Стряпух.

— Выходит, что мы, планетяне,— поставили вас в тяжелое положение? — огорчился Приветный.

— Нет, нет. Мы так рады! Нам бы только выкрутиться на Толе,— сказал Стратег.

— Я предлагаю не возвращаться на Толу,— сказал Советник.

— Я согласен! — воскликнул Шкипер.

— Оставайтесь у нас,— предложил планетянин.— Мы примем вас с радостью. Все разумные существа — братья!

— Нет, нет,— запротестовал Отгадыватель.— Наш долг — вернуться на Толу.

— А! — поморщился Стратег.— Ты всегда был бунтарем!

— Мы вернемся на Толу, но не с тем, чтобы поселиться в глубоком carcere, а с тем, чтобы рассказать всем, что стратегия и тактика Толы неверны.

— Только попробуй,— сказал Тактик.— Так тебе и разрешат.

— А зачем спрашивать разрешения? Мы поднимем весь флот Толы! Мы объясним всем гражданам Толы, что долго заблуждались. Пора поправлять свои ошибки!

— Это значит, что придется отказаться от длительных походов? — сказал Шкипер.

— Я не знаю. Я еще ничего конкретно не знаю. В голове лишь одна мысль: надо возвращаться на Толу и попытаться изменить ее.

— Да, да! — поддержал его Умница.— Я чувствую, что буду круглым дурачком, если не поддержу Отгадывателя! Что толку для Толы от нашей встречи с планетянами? Она только постарается пригнать сюда целый флот!

— Выходит,— сказал Стратег,— что мы доставим Планете большую неприятность?

— Нет, нет,— ответил планетянин.— В ваших мыслях и действиях нет никакой вины. Если даже к Планете подойдет весь флот Толы, мы не пострадаем.

— Война? — ужаснулся Лекарь.

— Мы обходимся без военных действий. Тем более что ваше возвращение на Толу, я уверен, не повлечет за собой такой устрашающей акции.

— Вы верите нам? — спросил Умница.

— Верю!

— Но вы же совсем не знаете нас!

— Как знать...

...Крейсер на предельной скорости шел к Толе, правда, предварительно проведя на Планете несколько дней. Надо же ведь знать, что рассказывать соотечественникам...

И снова экипаж крейсера насчитывал тринадцать человек.

■ СЛОВО МОЛОДЫМ

ВЯЧЕСЛАВ РЫБАКОВ

Художник

Лес был бесконечен. Плоская, душная мгла обволакивала тело туго и незримо. Иногда в ней вспыхивали багровые огоньки глаз — то ли зверя, то ли духа, и художник замирал, стараясь не дышать. Дважды ему попадались маленькие поляны, и тогда можно было взглянуть на мерцающие в вышине звезды, такие спокойные и голубые после опасных звезд леса. Но потом вновь приходилось нырять в сладковатую затхлость под низкими кронами. Лес кричал и выл, лес зловонно дышал, иногда доносились крадущиеся шаги — то ли зверя, то ли духа... Художник мечтал услышать голос птицы Ку-у, птицы его предков, это значило бы, что он на верном пути. Но лес кричал иными голосами. Художник шел из последних сил, все сильнее припадая на искалеченную ногу, облизывая спекшиеся губы сухим языком.

Посреди очередной поляны он остановился и запрокинул шишковатую голову. Над ним, обрезанный темными тенями ветвей, мерцал звездный туман, клубясь по неустово высокому синему своду. Звезды всегда помогали художнику. Стоило их увидеть — и самые сложные картины всегда получались хорошо. Художник не понимал, почему другие не любят смотреть на звезды.

Со сдавленным стоном он опустился на влажную землю и коротко обратился к Ку-у, прося помощи. Только знак. Больше не надо ничего, только знак, остальное он сделает сам. Он будет неутомим, как ветер, он вечно будет идти, не замечая боли, — только знак, что путь выбран верно, что страдания не напрасны. Но не было знака.

...Он кончил рисовать медведя и приготовился проткнуть его, где полагалось, черточками копий.

Род рос, ему нужна была пещера побольше. Но в единственной пещере, которую удалось найти в округе, жил медведь. Надо было его убить. С такой задачей род не сталкивался давно — только самые старые помнили, как убивать медведя, да и то каждый из них советовал свое.

Чья-то тень упала на стену, и художник услышал за спиной знакомое дыхание. Художник обернулся. Вождь некоторое время внимательно рассматривал картину, а потом сказал:

— Хорошо.— Помедлил и добавил: — Хватит.
— Что — хватит? — удивился художник.
— Рисовать — хватит.
— Надо копыя.
— Не надо копыя.
— Не надо копыя?
— Не надо копыя. Мы не будем плясать у картины.
Художник опустил выпачканные красками руки.
— Мы не пойдем на медведя?
Вождь прятал глаза.

— Мы пойдем на медведя,— ответил он.— Мы не будем плясать у картины. Ты не будешь рисовать копий. Ты не будешь рисовать ничего.

Художник медленно поднялся, и его помощник, деловито растиравший глину, поднялся тоже.

— Как же можно не рисовать копий? — растерянно спросил художник.— И как же можно ничего не рисовать?

— Ты будешь охотиться, как все,— с внезапной твердостью сказал вождь.— Твой помощник тоже будет охотиться, как все. Рисовать не надо. Вы двое мужчины тратите все время на дело, с которым справится любая старуха. Это глупо.— Он помолчал.— Рисовать не надо. Мы сотрем все это.— И он широко взмахнул рукой в сторону стены художника.

Художник посмотрел на вождя, а потом повернулся к своим картинам. Здесь были все звери, каких только видели глаза людей. И люди здесь тоже были. В каждом из них был кусочек вечного неба, в каждой линии искрились звезды. Не рисовать художник не мог.

— Я не дам,— хрипло сказал он и вновь повернулся к вождю.— Пускай останется.— И чтобы сделать свои слова более весомыми, страшно оскалился и зашипел, пригибаясь, хотя прекрасно понимал: если они решили, они сотрут. Он только не мог понять, зачем.

— Мы решили,— сказал вождь и уставился художнику прямо в глаза.— Они не нужны и мешают.

— Кому мешают? — спросил художник.

Вождь стиснул кулаки. Каждый из них был величиной чуть ли не с голову художника. Художник старался не смотреть на эти кулаки.

— Кому мешают? — отчаянно спросил он еще раз, и вдруг его помощник тоже стиснул кулаки. Вождь недобро покосился на помощника и медленно сел, скрестив могучие ноги, бугристые от шрамов.

— Садись и ты, рисующий людей и зверей.— Он стукнул по земле рядом с собой.— Ты хочешь говорить, тогда поговорим, раз ты хочешь. И ты садись, растирающий глину. Нет, не здесь, а там садись, чтобы не слышать, что я буду говорить.

— Почему он не будет слышать, что ты будешь говорить? — спросил художник. — Он растирает глину. Я велю ему остаться здесь.

— Ты не велишь ему остаться здесь, — возразил вождь. — Потому, что я хочу говорить так, чтобы он не слышал, а только ты слышал.

— Я хочу, чтобы он слышал все, что слышу я, — упрямо сказал художник, но вождь лягнул челюстями и гулко ударил себя в волосяную грудь.

Когда растирающий глину отошел, вождь перевел взгляд на художника.

— Ты рисуешь колья, — проговорил он. — И все пляшут, и старейшины просят удачи. А потом настоящие колья не попадают.

— Значит, надо рисовать еще, — вспыхнул было художник, но вождь прервал его.

— Ты рисуешь, а мы охотимся. Ты сидишь в пещере и ешь, что мы приносим, а мы погибаем и получаем раны, а твой помощник сидит с тобой и растирает тебе глину. Не говорю: твоя вина. Не говорю: тебя убить. Но род перестает верить. Раньше думали: нарисовать победу, и будет победа. А теперь видим так: нарисовать победу одно, а добиться победы другое. Рисовать не помогает. Рисовать мешает, потому что вы не охотитесь, и всем обидно.

Художник сидел, как оглушенный, и долго не мог ответить.

— Я буду рисовать, — сказал он потом.

— Ты не будешь рисовать, — тяжело вздохнув, ответил вождь. — Ты будешь охотиться.

— Я рисую хорошо. — Художник нервно сцепил тонкие пальцы. — Старейшины просят плохо.

Вождь угрожающе встал, и помощник, увидев это, тоже встал, хоть и не слышал слов.

— Это тоже думают, — сказал вождь. — Некоторые думают: он рисует хорошо, это видно. Как просят старейшины, не видно, и они просят плохо. Такая мысль хуже всех.

— Я буду охотиться, а потом рисовать. Ты не велишь стирать, — попросил художник, вставая.

Вождь опять тяжело вздохнул и наморщил лоб.

— Рисуй медведя и колья, — сказал он после долгого раздумья. — Так, как только умеешь, рисуй колья. И мы не будем плясать. И старейшины не будут просить. И мы не пойдем убивать медведя. Ты и твой помощник нарисуете хорошо, а потом пойдете и убьете хорошо. И если не убьете, то вы рисовали плохо, и больше не надо.

— Вдвоем?

— Да, — подтвердил вождь. — Рисуй хорошо.

...И вот помощник погиб, и Ку-у молчит, и нет сил идти.

И медведь невредим.

И картины сотрут.

Эта мысль подстегнула художника. Он заворочался, пытается встать. Если бы хоть кто-то подал руку... Никто не подавал руки. Загребая воздух пятерней, художник старался подняться и стискивал, стискивал зубы, чтобы не закричать. Кричать нельзя — лес всегда идет на крик, там легкая добыча, там пища. На крик о помощи всегда приходит убийца. Надо встать. Надо добраться до своих. Там помогут, там же люди... люди... если позволит вождь... если согласятся старейшины, то... люди...

Он встал и пошел.

...Он лежал, запрокинув голову, хрипло и коротко дыша. Рядом сидела на корточках старуха и обмазывала раны травяным настоем. Она невнятно бормотала, чуткими пальцами трогая распоротое, раздавленное в стороны скользкое мясо. Вождь возвышался над ними, как скала, его лицо было угрюмо.

— Мы не убили медведя, — выдохнул художник. — Нас было мало.

— В старые времена медведя убивал один.

— Он зная способ.

— Но ведь ты рисовал! — с даланным удивлением воскликнул вождь. — Зачем тебе способ!

Художник не ответил. Вождь подождал, а потом сказал:

— Ты будешь собирать корни.

Такого унижения художник еще не знал. Ведь он не виноват, что его послали. По чужой вине он стал калекой, по чужой вине остаток жизни будет заниматься женской работой и смотреть на пустые стены!

— Я не смогу собирать корни, потому что не смогу ходить, — едва разлепляя губы, выговорил он. — Я буду рисовать.

Вождь оскалился.

— Ты будешь резать корни, сидя в пещере! Ты будешь разделять шкуры, сидя в пещере! Кто-то должен делать самую грязную работу. Ты привык к грязи, возясь с краской, и тебе будет не трудно.

— Я буду делать самую грязную работу, а потом рисовать, — тихонько попросил художник.

Мышцы вождя вздулись, он оглушительно зашипел, молотя себя в грудь обеими руками. Старуха испуганно шаркнулась, задев твердым сухим коленом рану художника. Боль вспыхнула, как молния, художник вскрикнул, дернувшись на вонючей шкуре.

Вождь успокоился. Он тяжело вздохнул, а потом нагнулся и заботливо расправил сбившуюся под художником шкуру.

— Стереть важно, — сказал он.

Художник закрыл глаза.

...Он помогая резать корни, потрошил рыбу, разделывал шкуры. Над ним смеялись. Иногда он выбирался из пещеры и останавливался у входа, вдыхая свежий, просторный воздух и глядя в лес. Ходить было трудно, но солнце горячим языком вылизывало его перекошенное тело. Художник шурялся и мечтал.

В редкие мгновения, когда он оставался в пещере наедине с детьми и глупыми полуслепыми старухами, он подходил к своей стене. Рисунки были стерты, но художник гладил стену ладонями, а кожу которых все глубже въедалась земля, ласкал холодный камень огрубевшими пальцами, творя воображаемые картины, и вдруг снова, как в прежние времена, он осознавал, что правильно ведет эту линию и вот эту тоже; будь они видны, на него смотря бы со стены влажный удивленный глаз косули...

А старейшины все припоминали способ извести медведя, и каждый говорил и упрекал остальных в молодости, и вождь не решался рискнуть.

Однажды, опираясь на крепкую палку, художник вышел из пещеры и заковылял туда, где его помощник брал глину.

Он дошел через час. Набрал, сколько мог унести, и поплеял обратно, часто присаживаясь отдохнуть, вытягивая усохшую ногу и подпирая подбородок суковатым костылем.

Он нашел большой валун неподалеку от пещеры и сел возле; начал растирать глину — неумело, но любовно и тщательно, чувствуя, как она постепенно перестает быть глиной и становится краской.

Потом он обессиленно лег, уткнувшись затылком в мягкую траву. Небо сияло. Художник подумал, что очень давно не видел звезд. Он с трудом сел и начал рисовать.

И вновь увидел, как громадный серый ком беззвучно рухнул откуда-то сверху, вскрикнул растирающий глину, и лишь тогда медведь взревел, почуяв кровь. Тоненькие ноги, торчащие из-под туши, дернулись по земле. Морда медведя стала багровой. Художник попятился, неловко выставив копые, потом закричал от ужаса. Все произошло так неожиданно и внезапно, ведь растирающий только что разговаривал и старался успокоить художника и, отстранив его крепким локтем, пошея первым... Медведь поднял голову и опять зарычал. Художник попятился и споткнулся, упал навзничь, цепляясь за копые, и медведь бросился. Художник швырнул копые и попал, но медведь лишь взревел сильнее, художник вскочил, медведь прыгнул, художник прыгнул тоже и покатился с откоса, а следом за ним с нарастающим гулом и грохотом, вздымая облака пыли, понеслась лавина песка и щебня...

Он рисовал. Он рассказывал, и плакал, и просил: не надо смеяться. В том, что случилось, нет ничего смешного. Он закончил одну

картинку, другую, третью, четвертую, срисовывая с памяти все, как было. Он не жалел красок. Его била дрожь. Ему хотелось, чтобы хоть на миг всем стало так же больно и обидно, как больно и обидно ему, чтобы все поняли. И перестали смеяться. Он нарисовал себя, искалеченного, скрюченного, как сухая травинка, опрокинутого на шкуру, и пустую стену рядом.

Он вернулся в пещеру поздно, люди уже спали. Его глаза тоже смыкались, он был опустошен; сладкая усталость умиротворяла и расслабляла его. Он уснул мгновенно, и этой ночью его не преследовали кошмары — медведь и вождь.

Вождь пришел к нему после полудня. Его ноздри широко раздувались, и верхняя губа то и дело вздергивалась, обнажая зубы.

— Ты рисовал? — отрывисто спросил вождь.

Художник отложил рыбу, которую потрошил.

— Я рисовал, — ответил он. — Я — рисующий людей и зверей.

— Зачем ты рисовал? Я не велел.

— Я люблю. Я решил сам, потому что ты не велишь, а я люблю.

Вождь сдержался.

— Зачем ты рисовал такое? — спросил он, пряча руки за спину. — Это самое вредное, что ты нарисовал.

— Я рисовал, что видел. Я рисовал, что думал.

— Ты рисовал, как медведь вас ел.

— Да.

— Некоторые уже видели, и некоторые еще увидят. Мы сотрем, но некоторые увидят, пока мы не сотрем. Они никогда не решатся войти к медведю. Он страшный.

— Да, — подтвердил художник, — он страшный.

— Ты для этого рисовал?

— Нет.

— Для чего же ты рисовал?

— Я не мог не нарисовать.

Вождь задумался, морща лоб.

— Ты испугал все племя, — сказал он.

— Я не думал об этом.

— О чем ты думал?

Художник помедлил.

— О себе. Когда я рисую, я всегда думаю о себе и о том, чего хочу. И что люблю. Я думал о том, как мне больно. И еще я думал о растирающем глину.

Вождь быстро оглянулся по сторонам, проверяя, не подслушивает ли кто-нибудь их разговор, и резко спросил:

— Тогда почему медведь похож на меня?!

Художник молчал. Об этом он не знал.

— Я сразу понял, — сказал вождь. — Ты хотел сделать мне плохо.

— Нет,— ответил художник безнадежно.— Я не люблю делать плохо. Я люблю делать хорошо.

— Тогда ты пойдешь и сотрешь,— сказал вождь.— И нарисуешь все не так, потому что так страшно. Твой медведь — страшный.

— Он не мой медведь. Он сам медведь, и был такой.

— Ты нарисуешь другого. Ты нарисуешь маленького-маленького медведя и больших-больших охотников с большими-большими копьями. Тогда никто не станет бояться. Я сам буду водить охотников смотреть на твою картину. А потом велю им убить медведя.

— Нет,— сказал художник.— Медведь был не такой. Я не могу рисовать не такого медведя, потому что могу рисовать только такого, какой был.

— Тогда ты будешь изгнан,— сказал вождь,— и погибнешь один в лесу.

У художника заболели едва затянувшиеся раны. Он промолчал.

— Когда все станут смелыми от маленького медведя, они его убьют и у нас будет пещера.

— Когда они увидят настоящего большого медведя, они испугаются еще больше, потому что думали, что он маленький медведь.

— Пусть,— ответил вождь спокойно.— Когда медведь бросится, им придется драться, потому что он бросится на них.

— Он многих убьет.

— Да. Но у нас будет большая пещера.

— Когда многие погибнут, большая пещера станет не нужна. Вождь подумал.

— Большая пещера всегда нужна,— сказал он.— Медведя надо убить, потому что мы уже сказали, что его надо убить, и теперь не можем сказать, что убивать не надо.

Художнику нечего было ответить. Он опустил голову.

— В новой пещере я разрешу тебе рисовать на стене, и дам помощника,— мягко сказал вождь.— Иди.

Художник пошел, и вождь довел его до выхода, поддерживая своими мощными руками. Он так поддерживал, что художнику казалось, будто он выздоровел, и даже никогда не был ранен — вот как легко было идти, пока поддерживал вождь. Но вождь поддерживал не долго, и весь путь художник прошел один.

У валуна, опершись на копьё, стояли два молодых охотника и тихо разговаривали. Художник, навалившись на костыль, остановился за кустами и уставился на их широкие коричневые спины.

— Смотри,— говорил один другому.— Вот, оказывается, где был медведь.

— Да,— отвечал другой.— Смотри, как он прыгнул. Передние лапы вытянуты, а брюхо незащитно. Если прыгнуть ему навстречу и поднять копьё, он брюхом напорется на копьё.

— Но они этого не знали. А видишь, как здесь нарисовано. Удобно зайти с двух сторон.

— Да. Помнишь наш прием? Он бы здесь пригодился.

— Жаль, что они не знали нашего приема.

— Жаль, что они не знали, как прыгнет медведь.

— Жаль, что они не знали, где сидит медведь.

Они неловко помолчали, поглядывая на валун.

— Но мы-то теперь знаем,— сказал один. Второй облегченно вздохнул и перекинул копье в правую руку.

— Да,— сказал он.— Мы знаем.

Больше они не говорили. Стискивая копья, они еще раз посмотрели друг другу в глаза и ушли, проскальзывая сквозь кустарник беззвучно, словно тени.

Художник опустился на землю. Из него будто вынули все мышцы и все кости. Он мучительно жалел, что не может пойти с теми двумя, и раз уж он не может пойти, то не стоило шевелиться совсем. Оставалось только ждать.

Небо затуманилось, и по листьям зашуршал тихий дождь. В воздухе повисла мелкая водяная пыль, тревожа ноздри, обостряя пряные запахи. Под первыми же каплями рисунок сморщился и потек, через минуту его и следа не осталось на потемневшем, шероховатом боку валуна. Но художник этого даже не заметил, глядя вслед тем двум, которые не захотели плакать и болеть вместе с ним. Которые просто пошли. Я их нарисую, думал художник. Я их обязательно нарисую, чем бы ни кончилась их попытка.

ЛЕОНИД ПАНАСЕНКО

Диалог

Он слышал. У него было видимо-невидимо дел в этом уголке Вселенной, дел трудных и ответственных, и потому он попросил Корабль лишний раз не беспокоить его. Тем более что среди встречных миров только на одной из планет — Земле — существовала разумная жизнь, да и то робкая, слишком молодая. Прогнозам своих коллег умудренный опытом Патрульный «Великого Кольца» мог верить или не верить, но одно он знал точно: людям предстоит еще долго взрослеть, чтобы Кольцо могло начать с ними диалог.

И все же Корабль позвал его в окрестностях именно этой годубенькой планеты.

— Что еще? — спросил Патрульный.— Что еще осталось под звездами непонятного или непосильного для тебя, мой друг?

— Я получил интересное сообщение нашего автоматического наблюдателя,— ответил Корабль.— Он докладывает: один из аборигенов поднялся в мыслях своих до понимания сокровенных тайн мироздания. За это главенствующая в стране группа религиозных фанатиков собирается уничтожить философа, убить его. Наверное, стоит вмешаться...

«Вмешательство...— подумал с тревогой Патрульный.— Мы очень редко прибегаем к этому. Только в тех ситуациях, когда «поправку» требует объективная историческая необходимость. Тот ли это случай, тот ли? А с другой стороны... Спасти искорку разума очень заманчиво. Ветры истории могут раздуть ее в большое пламя. И тогда оно согреет этих несчастных...»

— Будь добр,— обратился он к Кораблю,— раз уж ты затеял спасательную экспедицию, то постарайся совершить посадку поближе к месту действия. И так, чтобы нас никто не видел.

— Будет выполнено.

— И еще, мой друг. Подготовь мне алгоритм их языка и характеристику данной эпохи. Пожалуй, все.

Патрульный встал, подошел к экрану дальнего видения. Горышина планеты быстро приближалась, наливалась синевой.

— Старею я, становлюсь забывчивым,— сказал он печально.— Изготовь мне еще и их одежду. На всякий случай.

...За бортом темная вода, ритмичные всплески весел. Рядом, под рукой, пляшет и пляшет в фонаре крошечный язычок пламени. Его тусклые отблески ложатся то на сутулую спину гребца, то падают в сумятицу мелких волн, и жизнь света тогда ненадолго продолжается — в холодной воде гаснут желтые искры.

Откуда-то из лабиринта переулков примчался порыв сырого, пронизывающего буквально до костей ветра, и Патрульный поплотнее закутался в свой плащ. Он не удивлялся тоскливой тишине, которая таилась по обоим берегам канала. Вот уже несколько дней в Венеции хозяйничала дождливая и капризная весна, и город по этой причине укладывался спать пораньше.

Лодка вдруг резко повернула к берегу, остановилась.

— Это здесь, синьор,— сказал гондольер и выжидательно посмотрел на своего пассажира. Тот бросил ему несколько монет и быстро, будто призрак, растаял в густых сумерках.

Что-то еще не спал, когда в дверь властно и нетерпеливо постучали. Он открыл и несколько мгновений озадаченно стоял перед незнакомцем, который пришел к нему из сырой и тревожной ночи, разглядывал его. Строгое, с выразительными чертами лицо гостя понравилось книготорговцу, но от этого неожиданная тревога в душе не прошла. Напротив — колючий комок какого-то необъяснимого

мистического страха шевельнулся вдруг под сердцем, и Чотто отступил в дом, невольно приглашая незнакомца следовать за собой.

Поздний гость прошел в комнату и, старательно выговаривая слова, сдержанно поздоровался. Потом, быстро заглянув в глаза Джамбаттисто, скорее приказал, чем попросил:

— Мне нужны все книги Еретика!

У Чотто вдруг перехватило дыхание. Он пошатнулся от неожиданности, но взгляд незнакомца требовал ответа, даже не ответа, а немедленного действия, и Джамбаттисто лихорадочно пытался отыскать начало спасительной мысли.

«Я все, все рассказал святой инквизиции. Да, впервые мы встретились с ноланцем во Франкфурте, на осенней ярмарке... Он ничего не говорил, что бросало бы тень на него, как на доброго католика... Те несколько насмешливых фраз? Нет, их мог подслушать только дьявол. Святая служба знает свое, я— свое. Книги я уничтожил, как повелевалось. Кстати, что за чудные книги! Прочитав их, я ходил будто хмельной. Оказывается, нет предела пространству, не счесть миры в небесах, а там, среди звезд, тоже люди живут... Неужели это новая проверка? Тайники? Неужели инквизиторы все же что-то пронюхали?»

— Их страницы уже прочло пламя. Так было велено поступить с писаниями еретика из Нолы,— наконец довольно твердо ответил Чотто, но незнакомец на эти речи только улыбнулся.

— Я вижу, что творится в твоей душе. Я мог бы тебе все объяснить, но меня торопит время. Поищи, и ты найдешь то, что меня интересует. Поторопись...

Это были обычные слова, которые мог бы сказать любой агент святой службы, но Чотто обожгла безумная догадка: «Он чем-то похож на Христа... Нет, о чем это я. Он скорее похож на дьявола! Этот взгляд... Я его не вынесу!»

Он долго и громко стучал, забыв с перепугу, как открывается тайник. Наконец, торопливо, будто ему жгло руки, положил на стол несколько томиков в темных обложках.

— Это все, что у меня есть... синьор.

Хозяин книжной лавки вдруг успокоился. Так же быстро, как испугался десять минут назад. Он почему-то подумал, что кто бы он ни был, этот поздний гость, бояться его не нужно. Джамбаттисто не знал, откуда эта уверенность, но уже мог поспорить с кем угодно, что незнакомец никакого отношения к аресту Еретика не имеет. Тем более — к нему, обыкновенному свидетелю, который так и не смог на допросе порадовать суровых инквизиторов. Что подделаешь, забл... Не может же он помнить все слова философа...

Патрульный Кольца кивнул, прощаясь, и пошел к двери. Затем, наверное вспомнив один из обычаев этого мира, вернулся и положил

что-то на стол. Чотто не видел и не слышал, как и когда ушел странный гость. Ошеломленный, ослепленный невиданным сиянием, он тупо смотрел на шесть крупных бриллиантов, которые раскатились среди жалких остатков его ужина.

— Каждый из них стоит, стоит...— лихорадочно бормотал книготорговец, ощупывая драгоценные камни.— Здесь больше денег, чем в казне святой службы...

Джамбаттисто упал на колени и начал усердно молиться за жизнь чудаковатого ноланца и за его приятеля или почитателя, которого послал в его бедную лавку сам бог или дьявол — все равно.

Патрульный шел тесным переулком. Оглянувшись на дом книготорговца, он с удовлетворением подумал, что этот Чотто все же обманул святых инквизиторов и что он определенно знает книги философа наизусть. Просто хитер торговец и предельно осторожен.

В конце переулка Патрульный поскользнулся. Одна из книг упала в грязь. Он поднял ее, осторожно вытер полую плаща. Из-за косматых туч как раз выглянул сонный глаз луны, и Патрульный прочел название трактата. На обложке значилось: «О бесконечности, Вселенной и мирах...»

По местному летосчислению наступило 17 февраля года 1600. Уже началось утро, когда процессия с Еретиком вышла из переулка Лучников на Кампо ди Фьори, площадь Цветов. Еретик не обращал внимания ни на огромную толпу, что уже собралась там, ни на зловещие факелы в руках откормленных монахов. Он ступал твердо, пытаясь во что бы то ни стало донести измученное тело до места казни. Он не вздрогнул, только подобие улыбки искривило лицо, когда дружно заголосили колокола.

Сырые дрова разгорались плохо. Они сначала просочились рыжим дымом, но ветер немного раздул костер, и тогда двое служителей еще подбросили хвороста.

...Они заметили друг друга издали. Казалось, уже ничто в мире не сможет разбудить в Еретике никаких чувств, тем более его любопытства, однако то, что он увидел на площади, насторожило его. Кружилась от дыма голова, нетерпеливая душа уже прощалась с телом, а он с каким-то непонятным ощущением тревоги жадно глядел на незнакомца, который быстро приближался к месту казни. «Что за одежда на нем? Странная,— подумал Еретик.— Люди уступают ему дорогу, но спроси их — почему? — и они не будут знать, что ответить...»

Патрульный стремительно шел сквозь толпу и видел лишь одно — смертельно усталые глаза гордого ноланца. Зеваки расступались перед ним, но он не обращал на это внимания: глаза Еретика жгли высоко над толпой, и Патрульный был вынужден смотреть

только вверх. Патрульный остановился и, заметив в этих глазах удивление, сделал успокоительный жест.

«Постарайся понять меня, человек,— мысленно обратился он к философу, и Еретик встрепенулся, будто его коснулся язык пламени.— Твой рот замкнут щипцами, но ведь именно ты допускал в своих трудах возможность непосредственных психических контактов, мысленного разговора. Слушай же меня. Успокойся и постарайся все понять».

«Кто ты?» — пронзила мозг Патрульного ответная мысль, скорей похожая на крик.

«Ты предвидел мое существование в своих книгах, когда писал об иных населенных мирах, о жизни среди звезд. Как я попал к вам? Это долго объяснять, а у нас так мало времени. Огонь все взрослеет. Слушай меня. Твой разум, ты сам необходимы этой планете, этой эпохе. Стало быть, я спасу тебе жизнь...»

«Я предвидел... Тогда ты, конечно, не бог, которого я всю жизнь так или иначе отрицал. Дым слепит глаза. Не разговариваю ли я сам с собой, безумный?»

Еретик задыхался. Он раскрыл глаза и, убедившись, что незнакомец не исчез, будто привидение, закричал всем своим существом:

— Жить!

Слово это своим прекрасным смыслом воскресило в памяти муки сегодняшней ночи, последней ночи в камере: «Жить... Хоть бы еще раз увидеть среди бездонного неба громаду Везувия. Там осталась страна детства. Еще раз выпить из кувшина несколько глотков холодной и терпкой аспирина, и чтоб над головой смяли свечи каштанов...»

Опаляющее дыхание огня коснулось Еретика, и внезапная пронзительная боль отбросила жгучие видения. «Очищение огнем! Или просто сработал выверенный, как механизм, мозг!» — мелькнула насмешливая мысль, и уже равнодушно он поинтересовался:

«Как ты это сделаешь?»

«Стоит лишь небольшим усилием воли усыпить толпу. Все остальное не представляет большого труда»,— ответил Патрульный и сделал шаг к костру.

Его остановил взгляд Еретика: осмысленный, мудрый и одновременно печальный.

«Не надо, чужеземец. Это будет только новое чудо, новая радость церковникам. Они сразу же начнут утверждать, что меня спас сам дьявол. Спасение получится сверхъестественным, а для меня это неприемлемо».

Он говорил что-то еще, но, пораженный отказом, Патрульный уже только подсознательно фиксировал мысли землянина.

«Их и так было слишком много — чудес, выдуманных церковниками. Я прошел свой путь, и это его логический конец. Я всегда предвидел, что дело кончится костром. Помнишь, я писал в своей книге...»

Пламя вдруг выплеснулось высоко и сильно. Патрульный, казалось, почувствовал, как острый всплеск чужой боли пронзил и его тело, затуманил сознание. Толпа заволновалась, стала тесниться поближе к костру. Кто-то пронзительно закричал:

— Огня, еще огня!..

«Что же это делается!? — гневно подумал Патрульный. — Что за страшный и алогичный мир? Нет, я все же наведу здесь порядок...»

Он напряг волю, чтобы одним ударом парализовать ограниченную психику людей, бросить их в глубокий сон. И опять в последнее мгновение его остановила вспышка мысли философа: «Пусть будет так! Ибо им нужна жертва. Именно жертва, а не чудо. И если потом хотя бы один из этой бесноватой толпы задумается: «А за что все-таки сожгли Еретика из Нолы?» — уже это станет моей победой. А ты... Ты прости меня, чужеземец...»

Порыв ветра швырнул пламя вверх, сорвал с головы Еретика колпак шута. Огонь, казалось, взметнулся к самому небу.

За город Патрульный отправился пешком. Он шел, а ветер этой непонятной планеты успокаивал его: ласкал лицо, нашептывал: «Да, они сейчас убоги и темны. Но зато они молоды духом, революционным духом». Он так ни разу и не оглянулся на Рим.

В кабине Корабля Патрульный долго размышлял, листал книги земного философа. Потом, наконец, сформулировал мучившую его мысль и несколько раз повторил ее про себя, как бы испытывая на прочность: «Увы, у каждого мира своя логика. И чего стоит в данном случае наш галактический рационализм? Чего он стоит в сравнении с самопожертвованием Еретика, его мудростью?»

Патрульный достал из складок одежды кристалл видеофонозаписи казни Еретика, бережно положил его на пульт и проворчал, обращаясь к Кораблю:

— Сохрани. Пусть посмотрят потом будущие Патрульные на последних циклах учебы... Пусть узнают...

Перед тем как включить двигатели Корабля, он еще раз взглянул на корявые деревца по-весеннему голый опушки, на кристалл видеофонозаписи и невольно вздрогнул — ему показалось, что преломленный луч солнца вспыхнул в кристалле всепоглощающим огнем.

Что такое «не везет»?

Потихоньку темнело. Фары включать было рано, но деревья и кусты уже наливались сумраком, а в кабину стала заползать вечерняя свежесть. Толя Мухин трясся по проселку на своем «Запорожце» и ворчал на судьбу.

Толе Мухину не везло. Не везло постоянно, до слез, не везло в крупном, не везло в мелочах, что называется, ни в картах, ни в любви. Первая невеста вдруг ни с того ни с сего ушла к приятелю, который был тайно в нее влюблен с восьмого класса, но никогда и в мыслях не держал открыть ей свои чувства и уж тем более принести другу несчастье. Через несколько лет у Толи появилась вторая невеста, но и она долго не продержалась. Стала сниматься в кино, все бросила, уехала в Москву. Кто бы подумал, что у нее артистический дар?

Одно время он занимался боксом, все предрекали успех, ахали, что за удар, какая реакция... Но в финале чемпионата, за несколько секунд до третьего гонга и первого места, он поскользнулся, ударился головой и заработал сотрясение мозга, да такое сильное, что о боксе и думать запретили.

Другие кончали институты, что-то изобретали, что-то открывали, получали призы, премии, удачно женились, а он бегал по чужим свадьбам, стеснялся своих неудач, что все у него не так, что к тридцати пяти годам он так и остался Толиком, Толиком-невозвунчиком, хорошим парнем, и только.

О мелочах и говорить стыдно. Взять хотя бы сегодняшний день. У матери день рождения, обещал приехать в двенадцать, уже вечер, а он только едет. Там наверняка волнуются. Но с утра заскочил Мишка Шувалов, веселый, радостный, с новостью, совершенно невероятной. У него был рак легкого и Мишка знал об этом, он же врач. Две недели назад встретились на улице — смотреть было больно, изможденный, бледный, потерянный, собирался ложиться на операцию, прощался... А на последнем рентгене вдруг выяснилось, что нет у него никакого рака, пропал куда-то, надо же! Врачи разводят руками, не хотят верить. Вот и шалает человек от счастья.

Еле выпроводил.

А потом сломался «Запорожец». Машина, конечно, старая, разболтанная, чего еще ждать от такой развалюхи, но чтобы не вчера и не завтра, а именно сегодня, когда позарез нужно, — это надо особое везение. Пока чинил, пока отмывался, день и прошел.

Хотел поехать напрямик, по новому шоссе, — нарвался на объезд. Двадцать километров по прямо-таки средневековой дороге.

Он увидел его в тот момент, когда решил включить фары. Пестрый, коротенький, он стоял на обочине и энергично махал руками. Толя остановился, открыл правую дверь и вопросительно посмотрел на незнакомца. Вблизи тот выглядел вообще лилипутом, лицом был безобразен до крайности — микроскопические глазки, странно искривленный рот с тонкими ярко-красными губами, тяжелый асимметричный подбородок. Карлик из сказки. Как только машина затормозила, он приосанился и напустил на себя чрезвычайно важный и торжественный вид. Но молчал.

— В чем дело? — после паузы спросил Толя.

Карлик осторожно зашарил по карманам, пытаясь сделать это по возможности незаметно.

— Человек Мухин! — нараспев произнес он. — Я очень рад, что именно мне выпала честь приветствовать вас от лица Совета Гуманоидов.

Толя вытаращил глаза.

— Вам чего, товарищ?

— Э-э... сейчас... где ж она? — на лице карлика проступило извиняющееся и озабоченное выражение. Он уже не скрываясь рылся в карманах.

Толя ошарашенно наблюдал за его манипуляциями. На карлике был длиннополый пиджак и коротенькие брючки ржавого цвета. Карманы были глубокими и расположены неудобно — чтобы добраться до дна, ему приходилось изгибаться самым неестественным образом.

Несмотря на странность речей и диковатость во взгляде, карлик на сумасшедшего похож не был. Да и откуда сумасшедшему знать фамилии проезжающих по забытой дороге?

— Вы что-нибудь говорите, а то я спешу, — раздраженно заявил Толя, пытаясь побороть возникающий страх — вечер, лес, тишина и фантастический человечек в лучах заходящего солнца...

— Да что ж такое? — горько скривился незнакомец, но потом придал выражению лица церемонность и, не прекращая поисков, стал объяснять:

— Вы, наверное, догадались, что я — Пришелец. Из других миров. Вот только сейчас в руках держал и нё тебе — пропала. Тут рядом мое... мой неопознанный летающий объект, или, как вы их еще называете, летающая тарелка. — Внезапно его глаза мечтательно устремились в небо, верхняя часть туловища изогнулась градусов на шестьдесят и он вытащил из кармана брюк блестящий черный предмет. — Вот она! Нашел!

Происходящее все меньше и меньше нравилось Толику Мухину. Он ничего не слышал о пришельцах с большой дороги. Но о грабителях слышал. Поэтому пока карлик предавался радости по поводу находки, он захлопнул дверцу и попытался завести машину.

Мотор был мертв.

— Та-ак,— подумал Толя, чувствуя, как взмокает спина,— теперь аккумулятор.

Со слабым щелчком растворилась дверь, и в салон просунулась сияющая физиономия пришельца, еще более гнусная, чем прежде. Дипломатической лоск бесследно исчез, уступив место натуральной, но еще менее приятной развязности.

— Не едет? Ай-ай-ай! — с издевательским сочувствием сказал он.— И не поедет. Это я постарался. Давай на тарелочке!

И панибратски подмигнул.

Толя опустил руки на колени и беспомощно простонал:

— Отпустите меня, что я вам сделал? Ну, я вас прошу. Там мама ждет. День рождения. Опоздаю. Жалко. И денег все равно ни копейки нет. И машина плохонькая. Зря вы, честное слово...

— Так я подброшу,— заверил пришелец.— Я мигом! Тарелочка-то на что?

В этот момент Толя хищно вскрикнул и с ревом вцепился в своего мучителя. Но тот ловко крутнулся, отскочил в сторону и, зловаще оскалясь, принял лозу стреляющего ковбоя. Черная игрушка в его руке отдаленно наломала старинный пистолет с раструбом, на который ради шутки нацепили золотое пенсне.

— Выходи!

Он выглядел очень смешно, этот маленький уродец, приплясывающий в сумеречном лесу, даже не смешно, а несерьезно. Детский сад, ей-богу! Пиф-лаф, ой-ей-ей, ты убит, лежи и не дрыгайся.

А дрыгаться как раз и не получалось. Ноги и руки отнялись полностью, Толя перестал их чувствовать, но с удивлением и страхом увидел, что приподнимается с сиденья и идет за отступающим карликом.

«Это не я иду,— мелькнула мысль.— Это не мои ноги. Разве бандиты умеют такое?»

— Идем-идем! — ворчал карлик, уводя его в лес.— Солпротивляется еще, за лиджак хватает. Контакт называется! Это кто же во время контактов лиджаки рвет? Я, может, убежался, пока достал, а? А он рвет. Надо было не меня, надо было кого-нибудь из великанов послать, посмотрел бы я, как бы ты тогда лиджаки рвал. И не пикнул бы.

— Не надо, не надо, не хочу, что вы, куда... ну, пожалуйста, у меня мама, у мамы день рождения, у дня...— лепетал Толя, отчетливо понимая, что в деревню ему сегодня уже не попасть.

— Мама у него!

— Но почему меня? Неужели других мало? Которые не спешат?

— Других мало,— наставительно сказал карлик.— Такие, как ты, один на сто миллионов встречаются.

Толя хотел спросить, чем же она такой особенный, но в этот момент пришелец остановился и с гордостью протянул руку в сторону темной массы, слабо поблескивающей над кустами.

— Пришли. Вот, гляди,— с нежностью произнес он.— Неопознанный, летающий. Драндулетик мой. Два дня как получил.

Толя взгляделся и увидел перед собой летающую тарелку, именно такую, как ее описывают любители дешевых сенсаций. На четырех толстых опорах лежал огромный тридцатиметровый диск, утолщенный в центре. Снизу, прямо в кустарник спускалась обыкновенная металлическая лестница.

Все было неестественно, фальшиво, как плохо придуманный кошмар, от которого не страшно. Тарелка, карлик, его фиглярство, пистолет в пенсне... Если бы в этот момент с небес на Землю спланировал сам боженька в ночной рубашке, в сопровождении пары крылатых пострелят, Толя и то не чувствовал бы себя так неудобно, как сейчас.

Они продрались сквозь кусты к лестнице и поднялись внутрь тарелки.

— Вот. Тут мы и живем.

Они стояли в тесной и неудобной комнате причудливой формы, с дважды скошенным потолком. Вся комната была заставлена предметами совершенно непонятного назначения. Правда, один из них — огромная коробка, словно выросшая в пол, наводил на мысль о пульте управления. Было холодно и дурно пахло.

— Садись.

Ноги поднесли его к небольшой пирамидке, которая раскрылась на три стороны, вспухла и превратилась в бесформенное подобие кресла. Все это время карлик держал гостя под прицелом своего пистолета. Он уселся в такую же пирамидку напротив, положил пистолет на колени и с нескрываемым удовольствием стал разглядывать Толю.

— Холодно у вас,— сказал Толя.

— Ничего. В Совете будет теплее. Сейчас, только проверочку закончим и домой.

— Какую еще проверочку?

— Так, формальность,— карлик небрежно махнул рукой.— Для полной уверенности, что у тебя Дар.

Он издал странный звук, похожий на кашель шепотом, и тотчас вокруг Толи закружился зеленоватый искрящийся туман.

— Какой Дар? Нет у меня никакого Дара.— Блеснуло золотом пенсне, пистолет на колене пришельца чуть сдвинулся, ноги и руки стали медленно обретать чувствительность.

— Дар — это когда человек приносит другим счастье, удачу — одним словом, меняет вероятность так, чтобы исполнялись желания окружающих.

Толя глупо хихикнул.

— Это у меня, что ли?

— Точно так.

— Нет, вы серьезно?

— Уж куда серьезней. Да ты сам вспомни. Смотри, как твоим знакомым везет, что ни захотят — получают. За твой, между прочим, счет. Им больше удачи, тебе — меньше, так баланс и сохраняется.

— Положим, это не совсем так...

— Именно что так! Мы давно за тобой наблюдаем. Один Шува-лов чего стоит. Рак с такими метастазами, что никакая операция не спасет, и на ж тебе — здоров! Пьет, гуляет, веселится... Разве не чудо? Ты — огромная редкость, уникал, раритет, но тебе здесь не место. Погибнешь со своим Даром и никто тебе не поможет.

Пистолет сдвинулся еще, стало совсем хорошо, но Толя не обратил внимания. Он сразу и бесповоротно поверил в то, что говорил карлик. У него было такое чувство, словно он и сам знал об этом раньше, только скрывал от себя... Неудачи получили объяснение — невесту он своими руками отдал другу, победу — сопернику, все, что у него было, он отдавал тем, кто в этом нуждался.

— ...и мы увезем тебя отсюда, поместим в условия, в которых твой Дар расцветет и усилится во много раз, мы обучим тебя пользоваться им сознательно...

— А потом вернете на Землю?

Карлик театрально откинулся в кресло, всем своим видом спрашивая: «Ну можно ли быть таким наивным?» Затем он поднял вверх длинный указательный палец и мефистофельски изогнул бровь.

— Запомни, чтобы потом больше не спрашивать. Люди с развитым Даром на Землю не возвращаются. У них и без того дел много. И потом, неужели ты думаешь, что мы выращиваем вас для того, чтобы снова отпустить на Землю?

Толя затряс головой.

— Что значит «выращиваем»? Не понимаю. Кого — «выращиваем»?

— А что тут непонятного? Вас выращиваем. Кого же еще? Да без нас вы бы уже давно вымерли. Вас, конечно, вас! Он еще спрашивает!

Толя был потрясен.

— Разве нас можно выращивать?

— А почему нельзя? Подбрасываем гены, следим за потомством, убираем особо опасных, работы хватает, ты не думай.

— Но зачем, зачем? Почему вы нас в покое не оставите?

— А затем, что ваша планета — единственная во всем секторе, где хоть изредка получаются такие, как ты. И нужны они нам просто позарез. Есть, понимаешь, у нас такой закон — чем выше стоит цивилизация, тем меньше у нее удачи. Другими словами, чем больше условий для счастья, тем его меньше. Скажем, я. Ты просто не поверишь, какой я невезучий. Как еще жив до сих пор, не знаю. Примерно раз в год на метеор натыкаюсь. А ты посчитай-ка вероятность. Одним словом, вы нам необходимы. Как и мы вам. Понимаешь?

— Нет, — сказал Толя. — Не понимаю. Это несправедливо. Что я вам, огурец парниковый?

— Но мы спасаем вам жизнь.

— А вас никто не просит. Если вам так уж необходимо везение, могли бы с нами договориться, принять в этот ваш Совет Гуманитов, неужели мы отказали бы вам в помощи?

— Куда хватил! Совет ему подавай! — карлик покачал головой и снисходительно усмехнулся. — Да мы все сделаем, чтобы вы туда не попали! Совет! Совет — это... это высшие цивилизации, вы-ысшие, вот что это такое.

— А мы, значит, неполноценные?

Карлик поморщился.

— Ох уж эти ваши комплексы! При чем тут полноценные — неполноценные? Если принять вас в Совет, вы подниметесь на другую ступень развития и Дар пропадет.

Карлик, видимо, очень любил поговорить о судьбах мира и тому подобных материях, и Толя подумал, что если он хочет бежать, то сейчас самое время. Он тихонько сжал и разжал пальцы.

— А если я откажусь?

— Тебя никто и не спрашивает. С одной стороны ты, а с другой — Галактика, тут уже совсем не ваша мораль. Тут... Ты будешь приносить счастье целым народам, а не отдельным людям. Ты будешь жить тысячи лет, научишься управлять Даром по своему желанию, ты...

— Но никогда не увижу ни одного человека, так! — Толя подался вперед и перенес вес на правую ногу.

— Почему? Иногда ты будешь встречаться с такими, как ты...

Пора! Толя зверем выпрыгнул из кресла, оно потянулось за ним липкими нитями. Хлесткий хук в челюсть, карлик охнул и перелетел через кресло, теперь — к пульту и ногой его, ногой, так их, сволочей, людей воруют, гады, счастье крадут, еще, еще... Что там за стержень торчит? Оборвать! Теперь не летаешь!

Пульт стонал человеческим голосом и раскачивался под ударами, болел ушибленный сустав, пришелец ерзал под креслом и не мог встать. Наконец, обессилев, Толя опустился рядом.

— Жив, марсианин?

— Хороший удар. Ув... уважаю,— проспел тот, не разжимая век.— Воды бы.

— Погоди. Вот отдохну — поищу,— задыхаясь, ответил Толя.

— Ладно. Сойдет и так,— карлик открыл глаза, сел, почтительно оглядел изуродованный пульт.— Везет мне. Первый раз в жизни такое задание, и нá тебе — на боксера нарвался. Ну, как я теперь взлечу?

Толя поднял пистолет, валявшийся рядом, массивный, ребристый и красивый той хищной красотой, которой отличаются земные орудия смерти. Из ручки высовывался тонкий стерженек. Толя поддел его ногтями и вынул.

— Это что?

— Питание,— безразлично ответил карлик.

Толя сунул его в карман, положил пистолет на пол, встал.

— Пошел?

— Пошел.

— Жалко,— в сердцах сказал карлик.— Ужас как жалко. Тебя-то мы найдем, никуда не денешься, а вот меня отстранят. И тарелку отнимут.— Он тяжело поднялся, потрогал щеку.— Видал, какие контакты бывают? Надо было великана.

Он подошел к пульта.

— А то остался бы?

— В другой раз.— У Толи было совершенно непроницаемое лицо.

— И поломка пустяковая. Полчаса работы. А? Сразу бы и полетели. Все равно ведь. А я столько тебя разрабатывал.

Толя посмотрел на часы.

— Извини, не могу. Как-нибудь перебьются твои галактики. А меня мама ждет. У нее сердце.

— Милый ты мой, хороший, если ты своего счастья не понимаешь, так хоть меня пожалей. Все равно ведь тебя с Земли снимут. Плюнь, честное слово!

В глазах пришельца было столько чисто человеческой мольбы, что Толя не то чтобы засомневался, но почувствовал себя виноватым.

— Как тебе сказать? Иногда бывает — плюнул бы и не оглянулся даже. Но сейчас не тот случай. Очень это... нечисто. Не могу я. Это вроде предательства. Бросить все, бежать к тем, кого считаю ворами, кто без спросу подглядывает за моей жизнью...

— Да хоть бы и так! Ведь для твоей же пользы!

— Не люблю, когда о моей пользе заботятся силой. И еще. Я теперь знаю, какой у меня талант. Спасибо тебе. Что я не замухрышка. Теперь все будет хорошо.

— Ты хочешь приносить счастье?

— Считаю, что так.

— Ты погибнешь,— горько сказал карлик.— Тебя замучают и убьют. Не ты первый.

— Почему это убьют?

— Ты же ничего не умеешь. Ты все перепутаешь, смешаешь счастье и справедливость, натворишь глупостей. Скажем, приходят к тебе два человека, которые хотят одну и ту же вещь, причем исключительно для себя, и жизни своей без этой вещи не мыслят. Кому ты ее дашь?

— По справедливости.

— Но справедливость — это еще не счастье. Как ты сделаешь их обоих счастливыми, если это невозможно? Ты будешь перенапрягаться, тебя уничтожат.

— Прощай. Я уйду.

Карлик с отчаянием посмотрел ему в спину, перевел взгляд на бесполезный теперь парализующий пистолет, поднял его, размахнулся и что было сил запустил в пульт.

— Да что же это за невезение за такое! Уходит, и ничего нельзя сделать!

— Прощай,— повторил Толя, собираясь прыгнуть на землю, но в этот момент раздалось мягкое жужжание и тарелка взмыла высоко в небо.

— Включилась! — заорал пришелец.— Я ударил, а она включилась! Летит, милая! Летит, дорогая!

...Толя с тоской смотрел в люк на цепочки огней, рассыпанных по черной земле, стало совсем холодно, но ветра почему-то не было, хотя они и мчались с порядочной скоростью.

В кресле, обхватив колени руками, блаженно жмурился пришелец. Первый раз в жизни ему повезло.

АЛЕКСАНДР СИЛЕЦКИЙ

Третий день ветер

Он сидел, казалось, упираясь головой в звездное небо, а внизу темным неподвижным чудовищем раскинулся город. Кое-где мерцали разноцветные огни, такие тусклые и далекие, что возникало чувство, будто там, под ногами, тоже разверзлась бездна и сверху и

снизу холодным светом горят огни космоса. От этого пропадало ощущение надежности опоры и все становилось зыбким и бесформенным, словно сотканным из тонких нитей гравитационных полей.

«Я очень устал, мне нужно отдохнуть»,— рассуждал он сам с собой, и каждая мысль, каждый образ возникали в виде призрачной вспышки — для тех, кто если бы вдруг очутился рядом; а тем, кто не спал и стоял внизу на улицах города или возле окон своих старых домов, казалось, что по небу летит целый рой догорающих звезд.

«Пожалуй, я отдохну здесь,— думал он.— Я останусь до завтра на этом маяке — люди далеко, тут никто меня не найдет, а утром,— он вздохнул,— что ж, утром придется что-нибудь придумать. Я должен улететь и рассказать своему Пламени все: и об этой планете, и о ее хозяевах — они называют себя людьми... Я расскажу о них и потребую, чтобы сюда прибыл целый отряд — люди уже вступили в такой период, когда они думают о счастье, но могут в любой момент уничтожить друг друга, и наш долг — уберечь их от этого и направить по Истинному пути. Недаром мы — Племя Носителей Счастья».

Он сидел, казалось, упираясь головой в звездное небо, на вершине маяка, незримый и грустный, и вслушивался в голоса ветра — может, он донесет до него клич его Братьев? Тогда он сумеет их позвать, но это — в крайнем случае, он никогда не любил звать на помощь.

Все получилось очень нелепо.

Крылья, которые несли его по Вселенной от звезды к звезде, вдруг отказали, они не смогли поднять его тело и умчаться в открытый космос, и он остался на этой планете.

Нельзя же мчаться все время со скоростью света — без сна, без отдыха... Вечный поиск, надежда — а вдруг?..

И вот он нашел... Но какую ценой?!

Крылья бессильно струились вдоль тела.

Он знал: если силы к утру не вернутся, крылья уже не поднимут его никогда — они умрут, а это все равно, что умереть самому. Тогда он сольется с этой ночью и зайдет вместе с ней на востоке, исчезнет, как мимолетная, неприметная деталь вчерашнего дня. Разве что ветер споет о нем песню. Споет и забудет.

На востоке?

Смутная надежда зародилась в его мозгу.

На востоке?!

Там, где восходит солнце, там, где алая заря раскаляет море и, словно огненная гора, вздымается к небу?!

Взойти на эту гору, и пламя ее, разогрев усталые крылья, растопив замерзшую кровь, поднимет тебя своими языками к угасающим звездам... Навстречу ветру и солнцу...

Это легенда, старая-престарая, которую взрослые рассказывали детям, когда те задавали вопрос: «Как мы научились летать?» И дети были довольны — потому что верили, как и все дети...

Иди навстречу солнцу, встретить песней свет и тепло, что дают живому жизнь, отвернись от ночи, где страх и холод, — и силы твои удвоятся!

«Да, легенда, — подумал он. — Легенда, сказка... Но ведь и я в нее верил, когда был ребенком и только-только пробовал летать. Так почему ж теперь... Ведь стоит лишь решить, что сказка эта, как ничто другое, для тебя необходима... Да-да! И крылья снова наполнятся силой...

Тогда я приведу сюда своих братьев, и мы не допустим в этом мире ничего дурного. Люди и не будут знать о нашей помощи, пусть думают, что все идет само собой, что счастье и добро — их несомненная заслуга. Зато потом, много времени спустя, они сами начнут, уже в других мирах, следить за развитием иных цивилизаций. Тогда мы и люди с этой планеты станем братьями по духу, и они поймут, кто мы такие».

Так думал он, сидя на вершине маяка.

Под ним, темный и чужой, лежал громадный город.

В окнах был погашен свет, и только иногда вдруг появлялись призрачные тени и видно было, как колеблется, помигивая огнями и позванивая игрушками, зеленые ветви елок, как за столами сидят люди, держа наготове бокалы с вином, и с первыми ударами часов начинают чокаются и желают друг другу счастья на вечные времена.

Возможно, всего этого и не было слышно и видно, но люди действительно желали друг другу счастья, а у Носителя Счастья, даже попавшего в беду, всегда было тонкое чутье на этот счет — ибо, в итоге, смысл всей его жизни в том и состоял...

Он сидел и смотрел вниз, кутаясь в складки крыльев, — здесь, на вершине маяка, было холодно и сыро. Дул сильный ветер. Третий день подряд...

Чтобы как-то развлечься и скоротать время, он принялся смотреть на тонкий, ослепительно яркий луч маяка и думать о тех, кто сейчас тоже видит этот свет и радуется возвращению домой. Потом это ему наскучило, и он запел песню.

Елка в углу была похожа на громадного пушистого кота — шерсть и усы топорщились во все стороны, а дюжина разноцветных лампочек-глаз смотрела хитро и самодовольно.

За столом, возле елки, сидели двое — смотритель маяка и его жена. Каждый год они садились вот так и, мечтательно улыбаясь, поднимали бокалы с вином, чтобы чокнуться и выпить их до дна,

когда часы, шипя, как старая пластинка, нараспев пробьют двенадцать раз.

Тени на стенах, тени на полу, на потолке, и смеющиеся лампочки-глаза в зеленых ветках...

А за окном — холод. Холод и выюга. Третий день, не стихая, дует ветер, снег залепляет глаза запоздалым путником, по черному небу мечутся рваные тучи и обнажают замерзшие звезды — их бьет озноб, они мигают, пытаются согреться, а ветер внизу воет и стонет и в злобе взмывает к звездам, запорашивая снегом голые светила, сиюсья загасить их совсем, — тогда звезды со звоном сорвутся с неба и покатаются по земле, а ветер будет слушать их странную мелодию, полную печали, и подтягивать им на разные голоса...

Вдвоем хорошо. Тихо и тепло. Но если вслушаться, может показаться, будто кто-то скребется, шуршит, осторожно, словно боясь, что его услышат, и тихо что-то напевает.

Уж не тени ли? Не они ли шуршат по узорам стен, а игрушки вызванивают мелодию?

— Послушай-ка...

— М-м?

— Мне кажется, здесь кто-то есть. Там, снаружи...

— Ну что ты, какая ерунда! Кому взбредет в голову прийти к нам сейчас?

— Я знаю, никому. Но все равно... Слышишь, кто-то поет? Он один, и ему очень грустно. Неужели...

— Глупости. Все тебе мерещится. Нет никого. Это ветер шумит в водосточных трубах и гудит на чердаке. Море катит волны, а тебе кажется, что кто-то скребется. Успокойся, мы одни. Звезды и луна, ветер и море, и мы с тобой — больше никого нет, а если кто и придет, что ж, мы встретим его бокалом вкусного вина.

Она улыбнулась и прижалась к его плечу.

Наверное, он прав. Прав, как всегда.

Но неужели ветер может так гудеть, неужели волны могут так шуршать о песок, что кажется, будто здесь, совсем рядом, стоит человек, — он не просит, чтобы его впустили, но он один, и ему грустно. Это в новогоднюю-то ночь!

— Ну, что с тобой? — он нежно погладил ее волосы. — Не бойся. Я с тобой, что еще...

— Да, но ведь...

— Ну, хочешь, выйдем? Хочешь, пойдем посмотрим вокруг, и ты сама убедишься!

Она молча встала и сняла с вешалки шубу.

А вдруг и правда никого нет? Никого, кроме ветра и моря? И ночи. И холода, и звезд...

Вздор! Бояться нечего. Они только выйдут — и сразу назад, в

тепло и к елке, они прижмутся друг к другу и будут слушать, как звенят часы, пожелают друг другу счастья — и все останется позади, и сомнения и тревоги...

Дверь скрипнула, и они окунулись в ночь.

Налетел ветер и бросил им в лицо горсть снежинок — они обжигали щеки и лоб, но быстро таяли и холодными каплями скатывались вниз.

Вокруг — ни души. Только снег, снег, да шум прибоя, ветер и луч маяка...

Облака разорвались, и засверкала луна. Она казалась тяжелой и неустойчивой, подобно никелированной стальной гире, подвешенной к небу за тонкую нить, — дуновение ветра, и нить оборвется...

Все разом позеленело, тени углубились, и мир словно заострился, изломался и застыл, раздробившись на причудливые кристаллы.

По морю побежала извилистая дорожка света — бесконечная тропинка в чужие страны, к синему небу, к теплу и цветам... Падающие снежинки слились друг с другом и стали похожи на хрупкие струны, на которых держалась эта дорога, — ступи на нее, и она обломится, струны лопнут, и луна сорвется вниз, но ведь есть же кто-то, для кого предназначен этот мост, иначе зачем он...

Зыбкая тропинка взлетала вверх-вниз, и снежные струны, колеблясь, пели, выводя незнакомый мотив.

Или это и вправду ветер гудел в водосточных трубах, а море басом вторило ему, накатывая волны на замерзший песок?..

— Вот видишь, милая, никого нет. Мы одни.

Она прислушалась.

— Никого нет, — повторила она и грустно улыбнулась — ей вдруг захотелось, чтобы кто-нибудь здесь был, обязательно, неважно кто... — Но ты послушай, — прошептала она, беря мужа за руку. — Неужели ты ничего не слышишь? Ничего?

Снова налетел ветер, они вслушались в невнятное бормотание ночи — странные вздохи, какая-то мелодия — и не поймешь, где начало, где конец... — и шепот, и шелест — что на самом деле? — ведь так хочется и так приятно услышать что-то особенное в новогоднюю ночь...

— Стихи, — мечтательно произнесла она.

— Кажется, — улыбнулся он. — Кажется, — повторил он, — или музыка...

— Вот видишь!

То или это? Или, возможно, что-то другое? И не музыка, и не стихи? А может, просто ничего?.. Кто знает...

— Пойдем, — сказал он, обнимая ее за плечи. — Ты замерзнешь.

Они двинулись назад, шаги хрустели на снегу, в небе висела спелая луна, и море спокойно улыбалось бликами лунных дорожек.

Рано утром, когда еще не взошло солнце, он выбрался из дому, направляясь к маяку, чтобы погасить его и отключить все приборы.

Ветер наконец-то стих, и море, точно полированная жаровня, светилося розовым светом, отражая утреннюю зарю.

«Скоро, совсем скоро,— подумал он,— брызнут первые лучи и море испечет пылающее солнце нового года».

Он остановился, чтобы полюбоваться восходом.

Неожиданно в мире все переменилось, сделалось ярче, словно подсвеченное изнутри, и тогда над горизонтом вспыхнул золотой край солнца.

В следующую секунду он увидел белую птицу.

С криком она сорвалась с вершины маяка и полетела, тяжело взмахивая крыльями,— быстрее, быстрее, на восток, к проснувшемуся солнцу — и через минуту уже слилась с его диском.

«Удивительно,— подумал наблюдатель,— до чего удивительно и красиво. Родилось утро, и белая птица улетела к солнцу, туда, где умирает ночь... Это хорошее предзнаменование, будет чудный день и удачный год. Белая птица... Дай бог!.. Я расскажу о ней своей жене — пусть порадуется хорошему началу, ведь от начала многое зависит...»

И он не спеша зашагал к серой колонне маяка.

■ ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

ЭРИК ФРЕНК РАССЕЛ

И слышался ГОЛОС

Они выбрались из маленькой обшарпанной космошлюпки кто как сумел: одни выползли, другие вышли, а некоторые даже выпрыгнули. Их было девять. Космошлюпка была рассчитана на двадцать мест, но покинуло ее только девять пассажиров, и еще двое остались внутри.

Стеной, уходящей в небо, со всех сторон их окружали непроходимые джунгли чужой и, скорей всего, враждебной человеку планеты. В вышине пылало пронзительно-голубое солнце; в его свете лица людей казались мертвенно-бледными, и оно вынуждало их смотреть на мир сквозь щелки между почти сомкнутыми веками. Плотный воздух был насыщен запахами растений с легкой примесью какого-то смрада. Погрузившись в зловещее раздумье, джунгли безмолвно ждали, ждали, ждали...

Как само собой разумеющееся, обязанности командира взял на себя старший помощник капитана космолета Эликс Саймс. Никто не стал оспаривать его право на руководство отрядом. Высокий, седой, немногословный, он был старшим по рангу. Впрочем, едва ли ранг чего-то стоил при таких критических обстоятельствах, а если б и стоил, то быстро бы обесценился.

Повернувшись лицом к остальным, он сказал:

— Насколько я могу судить, мы с вами находимся на Вальмии, шестой планете системы ЗМ17.— Прищурившись, он быстро взглянул на пламенеющее в небе светило.— Однако не думайте, что нам повезло. В космосе есть множество планет получше этой.

— Мы живы,— подал голос Макс Кесслер, командир третьей вахты.— А это уже кое-что.

— Главное сейчас — выжить,— возразил Саймс.— А это уже нечто иное.— Он внимательно оглядел каждого, изучая, оценивая.— На Вальмии есть спасательная станция под защитным куполом. На сороковой параллели. Доберемся до нее — уцелеем. Это наша единственная надежда.— Он подождал, пока его слова дойдут до остальных, и добавил: — Полагаю, что идти нам до нее тысяча семьсот — две тысячи миль.

— Если, скажем, делать сорок миль в день,— рискнул высказаться Кесслер,— то получается пятьдесят дней. Справимся.

— Зорек милев! — эхом отозвалась миссис Михалич, и ее широкое, пухлое лицо покраснело от волнения. Она ощупью нашла руку мужа и вцепилась в нее.— Григор, в наз не ездь зила делады зорек милев.

Коренастый и пухлолицый, как она, Григор ласково похлопал ее по руке.

— Лудше взего шдады и змодредь, как будед.

Разглядывая эту пару, Билл Молит пришел к выводу, что судьба могла бы да и должна была распорядиться поумнее. По его убеждению, в выборе тех, кому удалось спастись после катастрофы, случай сыграл неизмеримо большую роль, чем справедливость. Слишком уж много погибло настоящих людей, когда метеорит вмазал в «Стар Куин», расколов корабль, как орех. Адский грохот, раздрающий уши свист улетучившегося воздуха — и их вмиг не стало: Эйнсворта, Олкока, Бэнкса, Балмера, Блэндела, Касартелли, Кейза, Корригэна; замечательные люди отправились к праотцам.

А взгляните-ка на этот сброд, который уцелел. Из всех спасшихся чего-то стоили только трое. Или четверо, если считать Фини, ирландского терьера покойного капитана Риджуэя. Он, Билл Молит, помощник инженера первой вахты, двести фунтов мускулов, покрытых густой вязью татуировки, оказался в числе тех, кто выжил. И еще Саймс и Кесслер, оба отличные парни, настоящие люди, белые, грамотные, отменные специалисты.

Что касается остальных, то в космосе сейчас плыли раздувшиеся безжизненные тела людей, в тысячу раз более достойных, чем эта шушера. Взять, к примеру, Михаличей. Приземистые, близорукие, бестолковые. Всего-навсего простые земледельцы. Старые, уродливые, с какого боку ни глянь — полные ничтожества. Даже не умеют по-английски правильно говорить.

Еще в первый день полета он повстречался в коридоре с миссис Михалич, и она, испуганная раздавшимся вдруг жужжанием и глухим постукиванием, обеспокоенно спросила:

— Эда шдо дакой?

— Эда,— ответил ей Молит с презрением, которое она по своей тупости не заметила,— водяные нэзозы, кодорый кашаед вода.

— Ах, вод шдо,— с каким-то идиотским облегчением сказала она.— Ошен благодарю.

— Не здонд благодарнозд,— фыркнул он.

Парочка избранных, выхваченных из пучины смерти, ни за что ни про что получивших право на жизнь, в котором было отказано другим. Уж как-нибудь Вселенная обошлась бы без них. А теперь

они станут немалым бременем в предстоящем долгом путешествии — о них ведь придется заботиться, нести за них ответственность, тогда как любые два члена погибшего экипажа космолета стали бы теперь подспорьем.

А вот еще один, кому посчастливилось остаться в живых: рабочий машинного отделения Гэннибал Пейтон, долговязый негр с удивительно мягким голосом. Единственный черномазый на борту космолета. Он-то спасся, а более достойные люди навсегда вычеркнуты из жизни. И в этом Молиту тоже виделась какая-то необъяснимая несправедливость.

Такое же чувство вызывала желтолицая обезьяна по прозвищу Малыш Ку. Худое, как дистрофик, существо с поразительно тощими конечностями — до катастрофы он выполнял разного рода черную работу в офицерской столовой. Неизменно вежливый субъект, большезубый, с раскосыми глазами-щелочками, молчаливый как пень, открывавший рот только тогда, когда к нему обращались. Невозмутимый и скрытный. Никто не знал его настоящего имени. Возможно, его звали Квок Синг или как-нибудь похоже. Но для всех он всегда был Малышом Ку.

И последний — пассажир с Земли Сэмми Файнстоун, молодежь, смуглый, черноволосый, крикливо одетый, по слухам — преуспевающий торговец редкими драгоценными камнями. В представлении Билла Молита — один из тех, кто не марает себе руки честным трудом. Когда произошла эта катастрофа, уж Сэмми, надо думать, первым оказался в спасательной шляпке и занял самое безопасное место, жадно стиснув в своих загнувшихся лапах мешок с бриллиантами.

Тем временем Саймс продолжал говорить:

— О Вальмии у меня очень смутное представление, и едва ли мне удастся вспомнить что-нибудь существенное. А сведения о ней почерпнуть нам неоткуда. — В его взгляде, устремленном на них, не было ни тени надежды. — Может, волею случая, среди вас найдется человек, знающий об этой планете больше, чем я?

Все угрюмо молчали, один Молит пробурчал:

— Только слышал, что такая существует.

— Ну что ж. — Саймс нахмурился. — Мне лично помнится, что здесь, как я говорил вам, есть спасательная станция, да еще то, что эта планета никогда не предназначалась для заселения людьми. Отсюда следует, что условия на ней признаны непригодными для жизни человека.

— Вы не помните, почему? — спросил Кесслер.

— К сожалению, нет. Полагаю, причины тут обычные: опасные для человека формы жизни, несъедобные или даже ядовитые плоды, ягоды, корни, состав атмосферы, которая быстро или постепенно

убивает человека, солнечное излучение, воздействующее на него таким же образом.

— А вы не знаете, на Вальми действует один из перечисленных вами факторов или все скопом?

— Нет, не знаю,— помрачнев, ответил Саймс.— Впрочем, если не ошибаюсь, над спасательной станцией возведен воздухонепроницаемый купол, а это уже говорит само за себя. Ведь на трудности и расходы, связанные с сооружением защитного купола, идут лишь в том случае, если без этого человек жить не может.

— Вы пытаетесь дать нам понять,— произнес Кесслер, поймав взгляд Саймса,— что времени в нашем распоряжении немного, так?

— Да.

— И неизвестно, сколько нам осталось жить — недели, дни или часы?

— Да.— Саймс наморщил лоб, отыскивая в дальних закоулках памяти необходимую сейчас информацию; он раньше и не предполагал, что она ему когда-нибудь понадобится.— Здесь вроде бы что-то неладно с атмосферой, но так ли это — не уверен.

— На запах и на вкус — воздух как воздух,— сделал глубокий вдох, заметил Билл Молит.— Вот только густоват, душно здесь, но это же чепуха, не повод для беспокойства.

— Так не определяют состав воздуха,— сказал Саймс.— То, чем мы дышим, может убить через полгода, а то и раньше.

— Стало быть, чем скорей мы выберемся отсюда, тем лучше,— сказал Сэмми Файнстоун.

— Это относится ко всем! — взвился Молит, метнув в сторону Сэмми взгляд, полный глубокой неприязни.

— Он сказал «мы», а не «я», — уточнила миссис Михалич.

— Ну и шдо! — Молит и ее одарил таким же взглядом.

— Замолчите! — раздраженно потребовал Саймс.— Вот окажемся в безопасном месте, тогда ссорьтесь. А до тех пор у нас есть к чему приложить свою энергию — и с большей пользой.— Он указал на космошлюпку.— Прежде всего мы должны вынести оттуда двух покойников и похоронить их честь по чести.

Все умолкли. Макс Кесслер и Гэннибал Пейтон вошли в шлюпку, вынесли тела погибших и положили на ковер фиолетового мха. Когда за пять секунд до того, как шлюпка оторвалась от обломка корпуса корабля и ушла в космос, Кесслер втащил их в тамбур, им уже ничем нельзя было помочь. Теперь они лежали на мху чужой планеты, и с неба на них злобно пялилось огромное голубое солнце, придавая их коже жуткий зеленоватый оттенок.

В числе немногих имевшихся на космошлюпке аварийных инструментов была лопата. Сменяя друг друга, они вырыли две могилы в темно-красной почве, которая пахла старым проржавевшим

железом. Потом опустили тела в эти ямы, ставшие местом их последнего упокоения; Малыш Ку с непроницаемым лицом наблюдал за происходящим, а миссис Михалич громко сморкалась.

Держа в руке фуражку с глянцевым козырьком, Саймс поднял взгляд к пламенеющему небу и произнес:

— Флеерти был католик. Когда он скончался, рядом с ним не было священника. Господь, ведь ты не осудишь его за это, правда? Тут нет его вины.

Он умолк, смущенный своей ролью и громкими неудержимыми всхлипываниями миссис Михалич. Однако взгляд его по-прежнему был обращен к небу.

— Что касается Мадоча, то он был неверующий и не скрывал этого. Но человек он был хороший, такой же, как Флеерти. Они оба были честные, порядочные люди. Господь, прости им те незначительные прегрешения, которые могут умалить их достоинства, и даруй им отдохновение в последней гавани добрых моряков.

Мистер Михалич пытался успокоить жену, похлопывая ее по плечу и приговаривая:

— Ну, мамушка, ну, полно тебе.

Помолчав немного, Саймс произнес:

— Аминь! — и надел фуражку.

— Аминь! — тихо повторили остальные.

— Аминь! — пролепетал Малыш Ку с видом человека, который из всех сил старается вести себя уместно и пристойно.

Фини обнюхал могилы, по очереди подошел к каждому из безмолвно стоявших вокруг них людей и тоскливо завыл.

Снаряжение космошлюпки было непоправимо скудным. Впрочем, винить в этом было некого. В момент катастрофы суденышко как раз проходило еженедельную ревизию. Когда корпус «Стар Куми» раскололся от удара, большая часть инвентаря, входившего в обязательное снаряжение космошлюпки, лежала в коридоре корабля. Даже контейнеры с топливом не успели дозаправить.

Ни масок. Ни баллонов с кислородом. Ни портативного лучевого оружия. Один карманный компас, да и тот с разбитой шкалой. Радиопередатчик, не работавший из-за какой-то загадочной неисправности, которую в два счета ликвидировал бы Томсон, не плыви его труп вместе с остальными в космосе. Три автоматических пистолета, коробка с зарядами, солидный аварийный запас продовольствия, несколько металлических инструментов — среди них полдюжины тяжелых, острых, как бритва, мачете. И ничего больше.

Саймс надел пояс с пристегнутым к нему пистолетом и сказал:

— Себе я беру это оружие и компас. Мы пойдем цепочкой — я впереди, а вы, по одному, следом за мной. — Его взгляд остановился на Кесслере. — Если в пути нас подстерегает какая-нибудь

опасность, первый удар я возьму на себя. И не исключено, что при этом погибну. Тогда, Макс, руководство нашим отрядом перейдет к тебе.— Он бросил ему автомат.— Держи. А пока пойдешь последним и будешь охранять нас с тыла.

Саймс внимательно оглядел остальных, прикидывая, кому отдать третий пистолет. Молит с его на редкость могучим телосложением нуждался в нем меньше всех — и мачете могло стать в его руках грозным оружием. На ту же мысль наводило черное тело. Пейтона с великолепно развитой мускулатурой. Что до Михаличей, то если они и умеют стрелять из пистолета, едва ли в острой ситуации возьмут точный прицел. А Фини, даже если б захотел, не мог пустить в ход оружие.

Оставались Сэмми Файнстоун и Малыш Ку. Последний был ростом поменьше и, как член экипажа, наверняка обучен обращению с огнестрельным оружием. Малыш Ку при случае смкнет, куда нацелить дуло перед тем, как спустить курок. Третий автомат Саймс отдал Малышу Ку.

— Остальным — взять эти палаши,— приказал он, кивнув в сторону мачете.— Поделите между собой провиант с таким расчетом, чтобы на долю каждого пришлось столько, сколько по силам нести. Наполните флаги водой из резервуара космощлюпки. И в путь.

Они сделали все, что им было велено, каждый вскинул на спину свою ношу, с тревогой поглядывая на поджидавшие их джунгли и в душе протестуя против необходимости покинуть убежище, которым стала для них космощлюпка. Всю эту ужасную неделю небольшой металлический цилиндр был для них домом, созданной человеком крепостью, которая защищала их от космоса, столь внезапно обрушившего на них свой гнев. Им казалось черной неблагодарностью покинуть ее, обречь на медленную гибель.

Поняв их чувства, поскольку сам он в какой-то степени разделял их, Саймс сказал:

— Если мы доберемся до спасательной станции, они пошлют сюда вертолет с запасом горючего и приведут суденышко в порядок. Оно слишком дорого стоит, чтобы бросить его здесь на съедение ржавчине.

Это их немного успокоило. Они тронулись с места, и держа путь на север, зашагали по неизвестно кем или чем проложенной тропинке шириной в ярд. Саймс с автоматом в руке возглавлял шествие. За ним следовали Гэннибэл Пейтон и Фини. Потом один за другим шли Малыш Ку, чета Михаличей, Сэмми Файнстоун, Билл Молит и Макс Кесслер.

Со всех сторон их теперь окружали джунгли — безудержный разгул красок с преобладанием темно-зеленого цвета, местами почти черного. Растительность защищала их от свирепого голубого

солнца, однако кое-где оно проникало сквозь редкие просветы между ветвями, разрезая гущу листвы сверкающими столбами света, как лучами прожекторов.

Они прошли мимо, спотыкаясь о корни деревьев и путаясь в стеблях ползучих растений, сворачивая вместе с тропинкой то вправо, то влево, рассекая мачете перекинутые через нее плети лиан, похожие на толстые веревки. Иногда куски их, извиваясь, уползали прочь, как обрубки червей.

Целочка людей вдруг остановилась, и Саймс, обернувшись назад, крикнул:

— Берегитесь этой цветущей орхидеи — она чуть было не укусила меня!

Они побрели дальше. Тропинка резко сворачивала влево, и на самом ее изгибе стояло гигантское растение, все в малиновых раструбах огромных цветов. Молит видел, с каким ужасом, стараясь держаться от него подальше, обходит куст миссис Михалич. Глаза ее были широко раскрыты, очки в металлической оправе сползли на нос. Муж подбадривал ее, хоть и волновался не меньше.

— Уше взе, мамушка. Не нушна зебя безбокоидь. Ты уше броходидь.

— Я безбокойзя за тебя, Григор. Иди быздрол

Григор, как и она, бочком обошел куст, ни на секунду не спуская с него глаз и двигаясь на возможно большем от него расстоянии, но с таким расчетом, чтобы не подставить себя под удар сзади.

Сэмми Файнстоун осторожно приблизился к повороту, замедлил шаг и, рванувшись, одним отчаянным скачком обогнул куст.

Презрительно фыркнув, Молит поднял руку с готовым к удару мачете и пружинистой походкой направился к кусту. Теперь он видел, что несколько малиновых раструбов, напрягая стебли, с жадностью тянутся к тропинке. Один цветок, срубленный ножом Пейтона в тот миг, когда он попытался напасть на Саймса, лежал на земле.

Молит поравнялся с кустом, остановился почти в пределах досягаемости и тем самым побудил растение к действию. К нему тотчас же рванулся один из цветов-раструбов. Глазам Молита на мгновение открылась обширная малиновая утроба, усеянная несметным количеством тонких игл, а в следующую секунду сверкнуло его мачете и снесло цветок со стебля. Падая, он как-то жутко всхлипнул.

Кесслер, который шел следом за Молитом, сухо сказал:

— На твоём месте я б не стал этого делать.

— Но почему? Я же не разбазариваю патроны.

— Зато ты разбазариваешь свои силы и энергию нервных клеток.

— Скажи это Сэмми. Видел, как он шпарил мимо куста? Точно струсивший заяц, ей-богу! — Молит захохотал и разрубил на части кусок стебля, который извивался на тропинке, то свертываясь в кольца, то распрямляясь. — У Сэмми одна забота — благополучие сыночка миссис Файнстоун, да еще его мешок с бриллиантами.

Ускорив шаг, Молит увидел впереди того, о ком они только что говорили. Сэмми поджидал их у следующего поворота тропинки, в его темных глазах была тревога.

— Мне вдруг показалось, будто что-то случилось.

— И ты развил бешеную деятельность, — ехидно заметил Молит.

— Я как раз собирался вернуться и посмотреть, в чем дело, но тут услышал ваши голоса.

— У тебя часом не горели уши? — осклабясь, спросил Молит.

— Нет. — На лице Сэмми отразилось недоумение. — А должны были?

— Вообще-то могли. Мы тут животики надорвали, вспоминая, как ты шустро проколесил мимо этого...

Где-то впереди, довольно далеко от них, прозвучал сердитый голос Саймса:

— Вы что там?

— Идем! — крикнул Кесслер.

И они молча пошли дальше.

Смерть посетила их ночью, когда голубое солнце уступило место трем карликовым лунам, за одной из которых тянулся обрывок тумана, точно крадущийся во мраке бледный призрак, закутанный в тончайшую полупрозрачную ткань. Звезды казались болезненно искаженными на небе, которое не желало чернеть и упрямо хранило слабые следы опустившегося за горизонт пылающего шара.

Девять путников разожгли костер на небольшой поляне. Семь ууселись вокруг него, а двое остались стоять, бдителльно следя в полумраке за тем, что происходит вокруг. Фини безуспешно пытался заснуть, клал голову на лапы, часто моргая, смотрел на пламя костра, задремывал, но не проходило и минуты, как он вскакивал, настороженно наострив уши. Беспоконство собаки передавалось людям, у которых и без того было тревожно на душе.

Настроение у всех было подавленное. По приблизительному подсчету за день они прошли миль восемь—десять. А с учетом многочисленных поворотов тропинки, которая редко шла по прямой свыше ста ярдов, они продвинулись к северу не более чем на пять—шесть миль. При такой скорости им понадобится около года, чтобы добраться до сороковой параллели.

К тому же у них не было уверенности, что с помощью карманного компаса и полагаясь на память одного-единственного человека, они окажутся тогда вблизи спасательной станции. В противном

случае им еще долго придется мерить шагами саму параллель, при том условии, естественно, что, выйдя на нее, они будут знать, где находятся.

Вот если б в космошлюпке было чуть больше горючего, ну, скажем, чтобы его хватило на один орбитальный облет планеты. Или если б радиопередатчик продолжал работать после посадки и посылал в эфир сигнал бедствия до тех пор, пока по этому сигналу их местоположение не запеленгует спасательная станция. Если б только вместе с ними спасся Томсон или один из младших радистов, который сумел бы починить передатчик, что дало бы им возможность остаться возле космошлюпки, пока за ними не прилетят со станции...

Из этих «если бы» складывался длинный наводящий тоску перечень. В романах иногда пишут о людях, которые знают все. На самом же деле таких людей не больно-то много, а то и совсем нет. Первоклассный инженер мало что знает об астронавигации или не знает ровным счетом ничего; опытный офицер космофлота слабо разбирается в радиотехнике либо вообще в ней не смыслит. Каждый должен выжать все возможное из того, чем располагает. На большее человек не способен.

А чем, спрашивается, располагает Гэннибэл Пейтон, кроме большого толстогубого рта для пожирания драгоценных продуктов? Чем располагают эти Михаличи, кроме усталых натруженных ног, из-за которых все они вынуждены идти медленнее? Какая польза от Сэмми и Малыша Ку? Да ведь у них нет ни крупинцы знаний, которые помогли бы найти выход из положения, ничего, кроме желания, чтобы их заботливо привели за ручку в безопасное место, если такое вообще возможно.

Билл Молит, лежа на боку, прокручивал в мозгу эти невеселые мысли и ждал, когда наконец заснет, а сон все не приходил. В свете костра видна была полуголая танцовщица, вытатуированная на его волосатой руке. Поиграв мускулами, он заставил ее разок-другой соблазнительно вильнуть бедрами. Пальцы его вытянутой руки почти касались лежащего рядом острого блестящего мачете.

Справа от него иногда вспыхивали два маленьких красных шарика — это то открывал, то закрывал глаза Фини. А по ту сторону костра Молит видел развалившихся на земле в нелепых позах Михаличей: веки сомкнуты, рты разинуты. Если б не потрескивание и шипение огня, он наверняка услышал бы, как они храпят. «Точно свиньи,— подумал он,— которые вперевалку топают по двору в надежде набрести на корыто с отбросами».

Из полумрака вынырнул Кесслер, неслышно ступая, подошел к костру и подбросил в него хворост и две гнилые ветки. Сырое дерево зашипело, затрещало, и во все стороны полетели искры. А Кесслер вернулся на свой сторожевой пост в тени деревьев. Вре-

мя все ползло да ползло, и две луны теперь стояли низко над горизонтом, а третья лениво тянула полупрозрачный шлейф через зенит.

Из чащи доносился непонятный шорох и шелест. Слабый, но едкий запах, просачивающийся из джунглей на поляну, усилился, когда едва слышные звуки приблизились. Этот запах чем-то напоминал тяжелый дух, который исходит от коз, распарившихся на летнем солнцепеке. Похрустывание и шуршание слышались совсем близко, те же звуки, удаляясь, доносились со значительного расстояния, и это наводило на мысль, что производит их нечто невероятно длинное.

Ненадолго все стихло, только потрескивали, выплевывая искры, горящие ветки, да иногда, словно чужа недоброе, скулил Финн.

Из полумрака украдкой нацелились на поляну органы невзрачного восприятия, обследовали ее, костер, спящих и тех, кто бодрствовал на сторожевой вахте. Существо, затанцовавшее в тени, приняло решение.

Стремительный бросок вперед, треск попавшейся на пути ветки и примятого к земле кустарника, отчаянный вопль Кесслера и резкий щелчок выстрела. Начиная от края поляны на протяжении трехсот ярдов в глубь чащи закачались деревья и полег измолоченный подлесок.

Только обнаружив, что он, ошеломленный, уже стоит и держит в руке мачете, Молит понял, что ему в конце концов удалось заснуть. Он вспомнил, как, вздрогнув, внезапно проснулся от того, что кто-то криком подал сигнал тревоги и выстрелил. А мгновение спустя над ним пролетело гибкое черное тело со стиснутым в кулаке ножом. Это бросился в бой Пейтон.

Молит прыгнул вслед за ним туда, где в джунглях шла борьба, даже не посмотрев, что делают другие. Пистолет продолжал стрелять, озаряя тьму неяркими бледно-желтыми вспышками света. Вдруг в ночи раздался какой-то хриплый кашель, треск ломаемых веток и шелест осыпающихся листьев.

И тут, словно в кошмарном сне, Молит заметил стоящего рядом Саймса, который держал факел из пылающего хвороста. В зыбком свете они увидели свернувшееся кольцами чудовище толщиной фута в четыре, которое быстро скользило назад, в темноту. Омерзительно извиваясь, эта живая спираль тащила за собой массивную безглазую голову, отделенно напоминавшую усеянную бородавками тыкву. Из небольших отверстий и резаных ран на голове сочилась молочно-белая жидкость.

В нескольких шагах от них, нагнувшись над неподвижным телом Пейтона и изрыгая проклятия, стоял Кесслер. Он подхватил тело под мышки, Молит взял его за ноги, они отнесли Пейтона на поляну и

положили около костра, Саймс опустился рядом с ним на колени и принялся его осматривать.

— Эта тварь потихоньку подкралась и схватила меня,— размахивая автоматом, рассказывал Кесслер, еще не оправившийся от потрясения.— Когда она потащила меня в джунгли, я закричал и выстрелил в упор в ее отвратительную голову. Гэнни перепрыгнул через костер и спящих и, как безумный, набросился на чудовище. Он попытался отсечь ему голову. Тогда оно отпустило меня, обвилось вокруг Гэнни, проволокло его ярдов двадцать и бросило. Я выстрелил еще два раза, прямо в его морду, но, видно, это мало что дало...— Он вытер лоб, но на нем тут же выступили свежие бусинки пота.— Если б не Гэнни, я сейчас был бы уже у него в брюхе и в миле отсюда.

Миссис Михалич начала перевязывать глубокую рваную рану на правой руке Пейтона. Где она раздобыла бинт, осталось загадкой. Во всяком случае не в походной аптечке. Вероятно, она оторвала полоску ткани от своего нижнего белья. Миссис Михалич раскачивалась взад-вперед и что-то тихонько напевала распростертому перед ней черному телу, без чьей-либо просьбы делая то, что почитала нужным.

Саймс осторожно тронул ее за плечо и сказал:

— Очень сожалею, но вы тратите время впустую. Он мертв. Насколько могу судить, у него перелом шейных позвонков.

Она медленно поднялась на ноги, посмотрела на него, потом перевела взгляд на тело Пейтона. В ее глазах за толстыми стеклами очков сперва отразилось недоверие, потом из них вдруг хлынули слезы. Она попыталась совладать с собой, но не смогла. Тогда она сняла очки и стала молча вытирать глаза. Саймс взял ее за руку и отвел от мертвого. Наблюдавший за ними Молит повернулся к Кесслеру.

— Удачно же ты вывернулся, а?

— Удача тут ни при чем,— буркнул Кесслер.

Он достал лопату и принялся рыть яму под высоким деревом.

Они обыскали Гэннибэла Пейтона, чтобы узнать имя и место жительства ближайших родственников, потом похоронили его. Кесслер сделал грубый деревянный крест и установил на могиле. Саймс, стоя навытяжку, с фуражкой в руке, попросил небо принять душу одного из своих сыновей.

— Амины! — гаркнул Молит.

— Аминь,— эхом повторил за ним Малыш Ку.

И все остальные.

Миссис Михалич снова заплакала.

На следующий день их тропинка начала отклоняться к западу. Они вынуждены были свернуть на другую, которая вела севернее.

Немного погодя тропинка стала пошире, и они зашагали быстрее. Подавленные трагедией минувшей ночи, все держались ближе друг к другу и шли в том же порядке, что и накануне, только Фини бежал сегодня впереди, рядом с Саймсом.

Тропа медленно, но упрямо поднималась в гору. Джунгли вокруг были такие же непроходимые и грозные, но уменьшилось количество раскидистых деревьев. Просветы в листве стали шире и попадались все чаще, и на освещенных участках тропы жгучие лучи голубого солнца обдавали людей нестерпимым жаром. От пота у них слиплись волосы, взмокли спины. Становилось душно; казалось, будто с подъемом воздух уплотняется, а не разрежается, как того следовало бы ожидать.

Незадолго до полудня миссис Михалич отказалась идти дальше. Она опустилась на ствол упавшего дерева, лицо ее выражало тупую покорность судьбе, стекла очков запотели.

— Мои ноги.

— Болеть двои ноги, мамушка? — обеспокоенно спросил Григор.

— Мои ноги конец.— Она сбросила туфли и глубоко вздохнула.— Ходить больше не можно.

Тут подошел замыкавший шествие Кесслер и вернулся назад Саймс. Все стояли вокруг миссис Михалич.

— Что случилось? — спросил Саймс.

— Говорит, что у нее разболелись ноги,— ответил Молит.

— Тогда немного отдохнем,— твердо сказал Саймс, не показывая виду, насколько его огорчает эта вынужденная задержка.— Быть может, мы даже выгадаем, если будем почаще останавливаться.

— Много лучше без меня,— твердо произнесла миссис Михалич.— Вы пойдете дальше. Я оздавайся.

— Что? Бросить вас здесь одну?

— Не одну,— заявил Григор и решительно уселся рядом с женой.— Я оздавайся тоже.

— Чтобы обречь себя на верную смерть,— с сарказмом заметил Саймс.

— Умирай же вмазде,— резко возразил Григор, точно это раз и навсегда решало вопрос.

Ее толстые пальцы с нежностью погладили его руку.

— Не нушна оздавадзя для меня, Григор. Ды иди дальше.

— Я оздавайся,— упрямо повторил Григор.

— Мы останемся все,— заявил Саймс тоном, не терпящим возражения. Он глянул на часы.— Посмотрим, в какой мы будем форме через час. А пока можно и перенусить.— Его взгляд скользнул по спутникам и остановился на Молите. Немного повременив, он раздраженно спросил: — А ты-то из-за чего маешься? Брось-ка, приля-

тель, эти штучки! Нечего стоять с таким видом, будто вот-вот с головой да в омут!

— Я... Я...

— Послушай, Билл,— промолвил Саймс.— Если хочешь сказать что-нибудь дельное — выкладывай. А жалобы можешь оставить при себе.

Молит, наконец смутившись, выпалил:

— Давно, еще в спортивной школе, меня считали хорошим массажистом.

— Ну и что?

Стараясь не встретиться взглядом с миссис Михалич, он быстро проговорил:

— Я умею снимать усталость ног.

— Правда? — лицо Саймса засветилось надеждой.— Клянусь всевышним, это же для нас спасение. Как по-твоему, ты сумел бы помочь миссис Михалич?

— Если она разрешит мне попробовать.

— Конечно, разрешит.— Саймс взглянул на нее.— Ведь вы согласны?

— Мамушка, ды ведь зоглазная! — умоляюще спросил Григор, подтолкнув ее локтем.

— Я доздавлядь много друднозди,— запротестовала она.

— Этих трудностей, будь они прокляты, станет куда больше, если сидеть сложа руки, вместо того чтобы двигаться к цели,— отрезал Саймс и повернулся к Молиту: — Билл, постарайся помочь ей.

— Перво-наперво мне нужна чуть теплая вода,— сказал Молит.— Пожалуй, мы...

Тут его перебил Сэмми Файнстоун.

— Воды предостаточно в том ручье, что остался позади, ярдах в трехстах отсюда.— Он порылся в куче беспорядочно сваленных мешков с поклажей и нашел брезентовое ведро.— Пойду принесу.

— Ну нет, один вы не пойдете! — с неожиданной жесткостью остановил его Саймс.— Ведро воды не стоит человеческой жизни.— Он быстро повернулся к Кесслеру.— Пойдешь с ним, Макс. На всякий случай.

Они ушли и вскоре вернулись с двумя галлонами воды, уже согретой дневным пеклом. Миссис Михалич робко опустила в ведро свои распухшие ноги и минут двадцать они отмокали. Потом она кое-как вытерла их, и Молит зажал одну ее ногу между коленями, точно ногу лошади, которую собираются подковать.

Молит взялся за дело с профессиональной ловкостью: он сгибал и разгибал ногу, разминал суставы, массировал пальцами связки и мышцы. Прошло немало времени, пока довольный достигнутым

результатом, он принялся за другую ногу и проделал с ней то же самое.

— У кого походная аптечка?

— У меня.

Сэмми передал ему сумку.

Молит расстегнул молнию водонепроницаемого чехла, быстро перебрал какие-то пакетики, свертки, банки и запечатанные пузырьки, нашел эфир и плеснул немного жидкости на обе ноги.

— Ах! — У миссис Михалич перехватило дыхание. — Она холодный, как лед.

— Быстро испаряется, — объяснил Молит.

Он открыл банку с вазелином, обильно смазал им изнутри ее туфли на толстой подошве, хорошенько отбил деревянной палкой пропитавшуюся жиром кожу, еще раз смазал туфли изнутри вазелином и стал сгибать и разгибать то одну, то другую подошву, пока ему не удалось при сгибании легко свести носы туфель с каблучками. Тогда он отдал их миссис Михалич.

— Примерьте. Только туго не зашнуровывайте. Пусть они сидят посвободнее.

Она обулась, как он велел, встала и немного прошла. Ее глаза засияли от восторженного удивления, и впервые Молит заметил, что они у нее ясные и голубые, как у куклы.

— Зами-ша-дильна! — сообщила она. Она сделала еще несколько шагов, радуясь, как ребенок, словно каким-то чудом ей достались новые ноги. — Мой большой зпазиба!

— Мой доше, — с огромным облегчением проговорил Григор.

— Да будет вам, — сказал Молит. — Не за что.

Дня два назад он бы рявкнул: «Нишиво ездъ за шиво зпазиба». А сейчас у него почему-то язык не повернулся сказать что-нибудь эдакое. Широкое крестьянское лицо Григора выражало такую трогательную благодарность. А в мозгу Молита снова и снова, сменяя друг друга, звучали услышанные им недавно фразы:

«Удача тут ни при чем».

«Ведро воды не стоит человеческой жизни».

«Много лудше без меня».

«Я оздавайзя».

И они действительно собирались остаться одни в этих страшных джунглях, чтобы бок о бок ждать неминуемой гибели.

Да, век живи, век учись...

День четвертый, пятый, шестой, седьмой. Длина всего пройденного пути неизвестна. Продвинулись к северу миль на пятьдесят. Они брели так неделю, но им казалось, что прошел уже месяц, а то

и больше. В их представлении покинутая ими космошлюпка находилась все равно что на другой планете.

А на рассвете восьмого дня Саймс заставил их пуститься в путь пораньше, пребывая в милосердном неведении, что пробил его час. Он опять свернул на боковую тропинку: если верить компасу, идти по ней было для них удобнее, чем по той, по которой они шли накануне. Они двигались довольно быстро, чтобы успеть пройти возможно большее расстояние до того времени, когда солнце достигнет зенита и вновь примется жечь их беспощадными лучами.

Во время дневного привала Малыш Ку вдруг оставил еду, вылез из-под дерева, в тени которого они сидели, и попытался взглянуть на невыносимо сверкающее небо.

Зашевелился и Фини: сел, наострил уши и жалобно заскулил.

— Что-нибудь неладно? — спросил Саймс, хватаясь за свой пистолет.

— Мало-мало слышно звук, высоко-высоко. — Малыш Ку вернулся в тень, сел и с бесстрастным лицом снова принялся есть. — Вроде моя его слышать вчера или позавчера. Моя не уверена.

— А какой он, этот звук?

— Уй о у м - у й о у м - у й о у м! — продемонстрировал Малыш Ку.

— Что? А ну-ка еще раз.

— Уй о у м - у й о у м! — послушно повторил тот.

— А я ничего такого не слышал, — сказал Саймс.

— Я тоже, — поддержал его Кесслер. — Впрочем, слух у него наверняка получше, чем у нас.

— Очень-очень хорошая слух, — заверил Малыш Ку.

Билл Молит вышел из тени дерева, посмотрел из-под руки на небо и, разочарованный, вернулся назад.

— Мне показалось, что он подражает звуку летящего геликоптера.

— И мне.

Саймс пристально взгляделся в слепящее небо.

— Нам только галлюцинаций не хватало, — сказал Кесслер. — С чего бы здесь взяться геликоптеру? Спасательная станция не получила от нас сигналов с просьбой о помощи. У нас ведь не было возможности послать их.

— А не мог ли Томсон послать сигнал бедствия со «Стар Куин» до того, как его передатчик разлетелся вдребезги?

— Нет. Метеорит отправил его на тот свет мгновенно.

— Едва ли это был геликоптер, — решительно сказал Саймс и вернулся к прерванной еде.

— Я тоже так думаю.

— Моя слышать звук,— упорствовал Малыш Ку.— У Я о у м, у й о у м.

Больше они об этом не говорили. Звук не повторился, а если и повторился, они его не услышали. Билл Молит провел с миссис Михалич очередной сеанс лечения, который стал теперь ежедневным ритуалом. У Сэмми всегда наготове была вода, вазелин, эфир. Григор благодарил Молита взглядом. Миссис Михалич всякий раз неизменно произносила:

— Зами-ша-диль-на! Мой большой збазнба!

К вечеру цепочка людей неожиданно остановилась, да в таком месте, где особенно густо переплелись ветви и стебли окаймлявшей тропинку растительности. Фини надрывался от лая. Саймс с собакой уже скрылись за крутым изгибом тропинки, а Малыш Ку задержался у самого поворота.

— В чем дело, Эликс? — крикнул Кесслер, который шел позади всех.

В голосе Саймса, когда он ответил ему, звучали сомнения и настороженность.

— Да вот Фини разошелся. Так передо мной и выплывает.— И тоном повыше: — Уймись ты, кобель безмозглый, чего доброго порвешь мне штанину!

— Ты там поосторожнее, Эликс. Этот лес не дурак.

— Знаю. Только понять не могу, почему он так бесится.

— Нет ли чего подозрительного впереди?

— Ровным счетом ничего. Мне отсюда виден весь путь до следующего поворота. Тропа свободна.

— Нам нельзя возвращаться! — крикнул Кесслер.— Мы должны идти только вперед. Не трогайся с места. Мы подтянемся к тебе и, что бы там нас ни ожидало, встретим это вместе.

— Ничего не получится,— донесся голос Саймса.— Мы все на тропе не поместимся. Придется мне действовать одному.

— Может, опасность миновала? — с надеждой предположил Кесслер.— Ведь Фини вроде бы успокоился.

Его слова тут же опроверг яростный захлебывающийся лай.

Саймс упавшим голосом произнес:

— Слышали? Это я попытался шагнуть вперед.

— Мне не нравится,— заявила миссис Михалич, проявив неожиданное чутье.— Лудше бы...

Она умолкла, потому что снова заговорил Саймс, на этот раз обращаясь к Малышу Ку, единственному, кто его сейчас видел.

— Подстраховывай меня. Понравится это Фини или нет, а я все-таки двинусь вперед.

В тот же миг Фини залился таким бешеным лаем, как никогда прежде, но чуть погодя лай этот перешел в жуткий вой убитого го-

ром пса. Одновременно раздавался странный треск, шум точно от обвала и короткий приглушенный вскрик Саймса. Потом наступила тишина, нарушаемая только жалобным повизгиванием собаки.

Малыш Ку оглянулся назад и сказал:

— Упала в яму.

Сунув Сэмми свой пистолет, Кесслер прохрипел:

— Стой здесь и охраняй нас с тыла.

Он, в следом за ним Молит обогнали остальных и выскочили за поворот. Впереди, в четырех-пяти ярдах от них во всю ширину тропинки, пересекая ее, зияла черная яма. По эту сторону ямы вдоль ее края метался Финн, издавая горлом какие-то непривычные звуки: стоны попеременно с рычаньем. Веки его покраснели, шерсть на загривке вздыбилась.

Бросив на землю мачете, Молит лег на живот и осторожно пополз к неровному краю обвала.

— Держи меня за ноги, слышишь?

Он потихоньку, дюйм за дюймом, продавливался вперед, попутно сильным шлепком отбросил в сторону Фини, наконец подполз к яме, и под его тяжестью земля на ее краю осела и начала осыпаться. Глянув вниз, он увидел лишь беспросветный мрак.

— Эликс!

Никакого ответа.

— Эликс!!!

Молчание.

Еще громче:

— Эликс, ты жив?!

Снова ничего, только с большой глубины доносилось слабое непонятное постукивание. Молит ощупью нашел рядом с собой камень, бросил его в яму и начал медленно считать. Ему показалось, что время тянется бесконечно долго, пока он наконец не услышал, как камень упал на дно. Постукивание и шуршание снизу сразу же стали громче. Эти звуки навели его на мысль о чем-то огромном, одетом в хитиновый панцирь. О гигантском крабе.

— А может, упав, Эликс потерял сознание,— нарушил молчание Кесслер, который, вцепившись в ботинки Молита, находился в двух ярдах от ямы.

— Боюсь, дело тут похуже.

— Он мертв?

— Надеюсь.

— Ты что, спятил? Как это понимать: ты надеешься, что он мертв?

— Яма очень глубокая,— ответил Молит.— Это ловушка. А на дне какое-то чудовище поджидает добычу.

— Ты в этом уверен? — Кесслер дышал с трудом.

— Я слышу, как оно там шевелится.

— Моя тоже слышит,— подтвердил Малыш Ку с невозмутимым выражением на плоском смуглом лице.— Она делает «стук-стук».

Кесслер оттащил Молита назад. Тот встал и стряхнул с себя землю.

— Чтобы спуститься в эту яму, нам понадобится большой моток веревки.

Кесслер лег животом на тропинку и сказал:

— А теперь ты меня держи.— Он пополз вперед, и когда его голове оказалась над ямой, во весь голос крикнул вниз:

— Эликс! Эликс! Ты меня слышишь?

Из зловещей черноты не последовало никакого ответа — оттуда слышались только звуки, которые издает при движении существо, одетое в панцирь. Кесслер ползком вернулся назад, встал на ноги и вытер с лица пот. У него был вид человека, которому наяву снится кошмарный сон.

— Мы не можем уйти, не попытавшись сделать хоть что-нибудь.

— Связать стебли и получайся длинный-длинный веревка,— предложил Малыш Ку.— Моя пойдет вниз.

— Тебе даже из бумажного кулька не выбраться,— зарычал на него Молит.— Если уж кто спустится в эту яму, так только я.

— Много вес,— решительно возразил Малыш Ку, бесстрашно взирая на широкую волосатую грудь Молита.— Слишком много.

— Он прав,— сказал Кесслер.— Ты тяжелей его вдвое. Спуститься в эту преисподнюю должен самый из нас легкий.

— Значит моя,— заявил Малыш Ку, рассматривая такую возможность с вежливым безразличием.

Потрясенный Кесслер был на грани отчаяния.

— Если Эликс действительно погиб, команду теперь я,— продолжал он.— А у меня нет полной уверенности, что Малышу Ку следует спускаться в эту яму.

— Почему? — спросил Молит.

— Это может привести к еще одному несчастному случаю. Кроме того, если на дне засела какая-то тварь, ясно, что для обороны ему недостаточно иметь при себе только мечете. Он должен будет прихватить и пистолет. Один мы уже потеряли. Он внизу, с Эликсом. А если мы потеряем и второй...

— Останется один-единственный,— подсказал Молит.— Тот, который ты пока отдал Сэмми.

Кесслер удрученно кивнул.

— С одним пистолетом и без компаса наши и без того ничтожные шансы добраться до станции практически сведутся к нулю.

— Есть компас,— сообщил Малыш Ку, показывая прибор, о котором шла речь.— Она падать возле яма. Моя поднимать.

Вид компаса несколько успокоил Кесслера, и он наконец принял решение.

— Риск — благородное дело. Спустим его в яму с горящим факелом, но лишь до той глубины, с которой удастся разглядеть, что делается на дне. А потом прикинем, можно ли тут что-нибудь предпринять.

Обливаясь потом, трое начали поспешно рубить и затем вытягивать из окружающей их чащи тонкие, но крепкие стебли лиан.

Опоясанный петлей из стебля лианы, с пистолетом в правой руке и тугим пучком длинных горящих прутьев в левой Малыш Ку перешагнул через край ямы. Какие бы чувства он при этом ни испытывал, на его лице ничего нельзя было прочесть. И вообще, глядя на него, можно было поручиться, что это ежедневное его занятие.

Веревка из плетей лианы медленно поползла через край ямы вниз, потрескивая и начиная угрожающе расслаиваться в местах, где были узлы. Дрожащий свет факела растворился во мраке. Фини осторожно бродил вокруг ямы, а когда его чуткие уши улавливали шум, который производило двигающееся внизу неведомое существо, он рычал и злобно скалил зубы.

Посоветовавшись, они приостановили спуск и крикнули вниз:

— Уже что-нибудь видно?

— Очень-очень темно,— приглушенным эхом прозвучал из ямы ровный, без всякого выражения голос Малыша Ку.— Должна спускаться еще.

Они осторожно отмотали еще кусок самодельной веревки, и с каждым ее ярдом, который, потрескивая и натягиваясь, скользил через край ямы, их все сильнее охватывало недоброе предчувствие.

— Быстро-быстро! — поторопил их голос из ямы.— Огонь почти погаснуть. Уже рядом пальцы.

Еще шесть-семь ярдов веревки скрылось в яме. Мучительно стегнув по нервам, из глубины ямы вдруг грянула очередь выстрелов, следовавших один за другим с невероятной быстротой. Всего их было шестнадцать — столько, сколько зарядов в магазине.

Молит и Кесслер изо всех сил рванули на себя веревку, Михаил схватился за ее конец и принялись тянуть вместе с ними. От усилий, которые они прилагали, чтобы как можно быстрее вытащить Малыша Ку на поверхность, с лица Кесслера ручьями стекал пот, могучие мускулы Молита вздулись буграми. Натянутые до предела куски лианы расслаивались от трения о край ямы. Волокнистые пряди с треском долались, отделяясь от основного стебля. А люди все тянули эту импровизированную веревку и, зажав дыхание, молились, чтобы она выдержала, чтобы не оборвалась в последний момент.

Внезапно, как чертик из шкатулки, из ямы выскочил Малыш Ку. Он сбросил опоясывавшую его петлю, быстро вытащил из автомата

пустой магазин и вставил на его место другой, с зарядами. Излишне говорить, что держался он с непостижимым спокойствием, ибо он держался так почти всегда.

— Что с Эликсом? — выдохнул Кесслер.

— Нет голова, — безо всяких эмоций ответил Малыш Ку. — Откусила животный, которая сидеть внизу.

Кесслер, которому стало дурно, спросил:

— А ты разглядел, что там на дне?

Малыш Ку кивнул.

— Большой животный. Вся красная. Толстый панцирь. Многомного ног, как паук. Два глаза — вот такие! — разведя руками, он показал, что они были дюймов восемнадцать в диаметре. — Плохой глаза. Смотреть на меня как на еще одна кусок мяса. — Он с благодарностью взглянул на свой автомат. — Моя их вышибать.

— Ты убил его?

— Нет, только вышибать глаза. — Он указал на яму. — Сейчас она двигаться туда-сюда. Вы слушать!

Они прислушались, и их уши уловили постукивание, глухие удары и какие-то царапающие звуки, словно нечто громоздкое и неуклюжее пытается выкарабкаться из ямы и каждый раз обратно падает на дно.

— Какой страшный конец! — воскликнул глубоко потрясенный Кесслер. — Какой страшный конец! — В бешенстве он ударом ноги зашвырнул в яму кусок гнилого высохшего дерева. И тут его осенило. — А мы ведь можем отомстить за Эликса; хоть это в нашей власти.

— Уже отомстила, — негромко прозвнес Малыш Ку. — Вышибать глаза.

— Этого мало. Слепое или зрячее, чудовище живо, сидит в яме и может сожрать Эликса. Мы должны его убить.

— Каким же образом?

— Накидаем в яму побольше сухой травы, потом бросим вязанку хвороста и факел. И поджарим его заживо.

— Есть способ получше. — Молит указал на большой валун, полускрытый густой растительностью. — Если б нам удалось сдвинуть его и перевалить через край ямы, мы бы эту тварь расплющили.

С бешеной энергией они стали рубить преграждавшие им путь растения, зашли за камень и дружно навалились на него. Камень дрогнул, приподнялся и перевернулся вверх основанием. На обнажившейся земле извивались толстые ярко-желтые личинки.

Еще одно усилие, и камень, покотившись, оказался в футе от ямы. Люди прислушались, желая убедиться, что намеченная жертва все еще там. Из глубины по-прежнему доносились скребущие звуки и возня. Камень перевалился через край ямы, увлекая с собой

комья сухой земли. Казалось, он летел вниз невероятно долго, но в конце концов они услышали звук его падения, сопровождавшийся громким хрустом и всплеском, точно камень раздавил нечто мягкое и водянистое, заключенное в твердую оболочку. Потом наступила тишина.

Кесслер торжественно отряхнул руки, как бы говоря: «Вот так-то». Он взглянул на компас и скрылся за поворотом тропинки, чтобы позвать остальных.

Теперь их отряд возглавил Кесслер, рядом с которым бежал Фини. За ними следовал Малыш Ку, потом шли Михаличи и Сэмми Файнстоун. В арьергарде шествовал вооруженный мечете Билл Молит.

К вечеру десятого дня упала миссис Михалич. Упала, как подкошенная, не издав ни звука, ни подав никакого знака,— только что она ковыляла своей тяжелой неуклюжей походкой, а в следующий миг лежала на тропинке, точно выброшенный ~~вещ~~-то узел тряпья.

Отчаянный крик Григора «Мамушка!» остановил движущуюся цепочку людей.

Они окружили ее, подняли, отнесли на небольшую поляну и стали поспешно рыться в походной аптечке. Глаза ее были закрыты, а широкое лицо крестьянки приобрело багровый оттенок. По внешним признакам невозможно было определить, дышит она или нет. Кесслер взял ее за запястье, но не смог нащупать пульс. Помрачнев, они обменялись беспомощными взглядами: врача среди них не было.

Кто-то положил ей на лоб мокрую тряпицу. Еще кто-то поднес к ее носу бутылочку с ароматическими солями. Третий хлопнул ее по щекам и принялся растирать ее короткопалые, загрубевшие от черной работы руки. Отчаянными усилиями они пытались вернуть ее в этот полный трудностей суматошный мир, который она так внезапно покинула, но все их старания были тщетны.

Наконец Кесслер снял фуражку и произнес, обращаясь к белому как мел, потерявшему дар речи Григору:

— Сочувствую вам! Глубоко сочувствую!

— Мамушка! — душераздирающим тоном вымолвил Григор.— О, моя бедная замученная...— Дальше он пробормотал что-то на непонятном для остальных и избыловавшем гортанными звуками языке, упал на колени, обнял жену за плечи и изо всех сил прижал к себе. Рядом на земле лежали ее растоптанные очки, до которых теперь никому не было дела, а Григор все сжимал ее в объятиях, словно никогда не собирался выпустить ее из рук. Никогда.

— Моя маленькая Герда! О, моя...

Пока Григор, сломленный горем, навсегда прощался с половиной своей жизни, своей души, с половиной самого своего существа, остальные отошли на несколько шагов и, держа наготове оружие,

повернулись лицом к джунглям. Потом они бережно отвели Григора в сторону, а ее похоронили под тенистым деревом и поставили на могиле крест.

Часа через два, пройдя еще семь миль, они расположились на ночлег. За все это время Григор не проронил ни слова. Он шагал по тропе, как автомат, ничего не слыша, ничего не видя, безразличный к тому, куда он идет и дойдет ли когда-нибудь до цели.

При ярком свете костра Сэмми Файнстоун наклонился к нему и сказал:

— Не надо так убиваться. Ей бы это не понравилось.

Григор ничего не ответил. Он пристально глядел на пламя, но перед глазами его была тьма.

— Она ушла быстро, с незамутненной душой, самым легким путем,— утешал его Сэмми.— У нее ведь было больное сердце, верно? — Не получив ответа, он продолжал: — Идя следом за ней, я не раз замечал, как она вдруг начинала задыхаться и прижимала руку к левому боку. Я-то думал, что, может, ее беспокоит невралгия. А оказывается, это было сердце. Почему она нам об этом не сказала?

— Не хотела делать друдноздь,— безо всякого выражения произнес Григор.

Это он в первый раз заговорил после ее погребения.

И в последний.

Никогда больше он не вымолвил ни слова.

К четырем часам утра в лагере его уже не было. Когда две луны стояли еще высоко, а третья склонилась к горизонту, Кесслеру надоело неподвижно стоять на посту, и он, тихо ступая, обошел вокруг лагеря и увидел, что место, где до этого спал Григор, пусто. Кесслер не поднял тревогу сразу: для людей отдых и сон были настолько необходимы, что нельзя было будить их, предварительно все не обдумав. Поэтому он, осторожно перешагивая через спящих вповалку людей, вначале обыскал лагерь и прилегающую к нему местность.

Григора нигде не было.

Со всех сторон их грозно обступали джунгли. Какое-то фосфоресцирующее существо, широко раскинув крылья, бесшумным призраком пронеслось между верхушками деревьев. Кесслер поразмыслил над создавшимся положением. Как и когда удалось Григору скрыться, установить было невозможно. Он мог уйти и час назад, и раньше. А теперь он, возможно, находясь в нескольких милях от лагеря, если, конечно, еще был жив.

Зато угадать, куда он ушел, было несложно. Так что же делать? Если он, Кесслер, отправится в погоню один, ему следует разбудить кого-нибудь из спящих, чтобы тот сменил его на вахте. И тогда их маленький отряд на время разделится, а это вдвое увели-

чит вероятность нападения какого-нибудь существа, а то и нескольких, которые, вполне возможно, все эти одиннадцать дней незаметно следят за людьми в ожидании такого благоприятного случая; это снизит их обороноспособность. При таких плачевных обстоятельствах их сила в единстве. Разобщенность может привести к катастрофе.

С большой неохотой Кесслер вынужден был принять единственное приемлемое решение: он разбудил всех.

— Григор ушел.

— Когда?

— Не знаю. Либо он бесшумно уполз с поляны, когда я стоял спиной к лагерю, либо его уже не было здесь, когда я заступил на вахту, а я этого не заметил.— Он угрюмо уткнулся на костер.— Мы не можем бросить его на произвол судьбы в этом страшном лабиринте.

— Я схожу и приведу его,— вызвался Сэмми, подняв с земли свое мачете.

— Для нас слишком большая роскошь по очереди в одиночку рисковать жизнью,— заявил Кесслер, отвергая его предложение.— Вперед ли, назад ли, но пойдем мы все вместе.

Билл Молит поднялся на ноги, взвалил на спину свой тяжелый мешок, широко зевнул и схватил мачете.

— Тогда это вопрос решенный. Мы все пойдем обратно. Идти нам всего-навсего миль семь. А что такое семь миль? — Он снова зевнул и сам ответил на свой вопрос: — Ночью это все семьдесят. Ну и что? Пошли.

Каждый вскинул за плечи свою ношу, и они отправились в путь, держа наготове пистолеты и мачете. Пламя покинутого ими костра померкло вдали. Фини бежал впереди, то и дело к чему-то недоверчиво приносясь и утробно рыча.

Григор лежал на поляне, тело его было сведено судорогой, ноги подтянуты к подбородку, в левой руке зажат наполовину пустой пузырек из походной аптечки. Его откинутая правая рука покоилась на свежем могильном холмике, словно оберегая его. Головой он уткнулся в землю у основания деревянного креста.

Они достали лопату, и, выполняя желание Григора, опустили его во тьму рядом с «маленькой Гердой». Ведь именно за этим он шел сюда сквозь ночь чужой планеты.

Кесслер записал в своем дневнике: «День тринадцатый. К северу продвинулись миль на сто с небольшим. Последние два дня идем быстрее».

Около ста миль за тринадцать дней. Не густо. Неужели эти проклятые джунгли никогда не кончатся?

Кесслер разорвал пакет с пищевым концентратом, бросил его Фини, вскрыл еще один для себя и принялся медленно есть.

— Одно утешительно — если, конечно, это можно считать утешением: после каждой еды наш груз становится чуть легче.

— А вокруг тьма-тьмущая всяких плодов и корней,— заметил Молит.— Я знаю правило номер один: не ешь того, о чем доподлинно не известно, что это съедобно. Кара за непослушание может оказаться такой ужасной, что захочешь — не придумаешь... Однако рано или поздно нам придется рискнуть.

— Не кушать — умирать медленно,— изрек Малыш Ку.— Кушать что нельзя — умирать быстро.

— Да ты, приятель, еще мечтать будешь, как бы быстрее подохнуть,— не уступал Молит.— Вот на кое-каких планетах есть плоды с виду сочные, вкусные, а съешь, и тебя так скрутит, что пятки под мышками застрянут.

— Покойнику в такой позе нужна могила покороче,— включился в разговор Сэмми Файнстоун.— Работы почти вдвое меньше. Такую смерть можно считать экономически выгодной.

Молит внимательно посмотрел на него.

— А я готов был об заклад побиться, что шутки от тебя сейчас не услышишь, хоть мрачной, хоть какой.

— Почему?

— Да мне думалось, что к этому времени ты или превратишься в комок нервов, или уже давно помрешь.

— А я и вправду один сплошной комок нервов,— сказал Сэмми.— Сил хватает только на то, чтобы за жизнь цепляться.

— Молодец! — похвалил его Молит.— Продолжай за нее цепляться — глядишь, и выкарабкаешься.

Кесслер раздраженно подергал свою успевшую отрасли густую бороду и сказал, обращаясь к Сэмми:

— Не думайте, что вам одному приходится постоянно тащить самого себя за волосы. Каждый из нас занимается тем же.— Он, не глядя, нашел рукой голову пса и потрепал его за уши.— Разве что за исключением Фини.

Услышав свое имя, Фини завилал обрубком хвоста.

— Ума не приложу, как ему удастся вовремя обнаруживать эти ямы-ловушки, ну, вроде той, в которую упал Саймс. Он уже четыре раза предупреждал нас об опасности. Если б не он, еще кто-нибудь мог провалиться в такой колодец и стать пищей для этого красного... уж не знаю, как его и назвать.

Кесслер молча почесал Фини за ушами, погладил его по лохмотной спине. И погрузился в раздумье. К этому дню число людей в отряде уменьшилось вдвое. Оставшиеся в живых глубоко переживали смерть каждого, как поистине невозможную утрату. Чуть погодя

он встал, сознавая, что бесполезно усугублять вчерашнее горе размышлениями о бедах грядущих. Чему быть, того не миновать, хотя они этого или нет.

— Нам пора.

И они тронулись дальше: Кесслер и Фини шли впереди, Молит замыкал шествие. Оба они — и тот, что шел первым, и тот, что последним, — размышляли об одном. Об одном, но по-разному, ибо мысли Молита все еще были заняты первоценной ценностью.

Как идущий последним он, насколько позволяли частые повороты тропинки, временами видел перед собой всех остальных сразу. Поэтому он особенно четко представлял, сколько людей идет сейчас впереди него. Эта живая цепочка была вдвое длинней в тот день, когда они начали свое трагическое паломничество. Потому длинней, что с ними тогда еще шли и другие. Например, Саймс. Человек деятельный, образованный, достойный уважения. Первоклассный космонавт. Не из-за Саймса ли принимает он так близко к сердцу то, что их стало меньше?

Нет.

Ему не хватало и черномазого.

И двух тугодумов с Балкан.

А если судьба ударит их снова, ему наверняка будет не хватать и этого нудея.

И тощего китаезы.

И остроухого лохматого пса.

Его скрутит тоска по людям, по всем без исключения.

— Запомни это, Молит! — рявкнул он на себя. — Навсегда запомни!

Сэмми оглянулся через плечо.

— Ты что-то сказал?

— Это я отделяю собственную задницу — в переносном смысле, конечно, — объяснил Молит.

— И ты тоже? — удивился Сэмми. — На моей уже не осталось живого места.

В мозгу Молита это признание заняло место рядом с другой недавно полученной информацией. Значит, не только у него находятся причины давать самому себе по заднице. И другие могут заблуждаться, а потом сожалеть о допущенных ошибках.

Просто диву даешься, как много у людей между собой общего.

Самое правильное — это при жизни проявлять терпимость, а смерть встретить с достоинством. Сейчас он учится первому. А как он справится со вторым, покажет будущее.

Тропа вывела их на голую вершину холма, и в первый раз с той минуты, когда они пустились в путь, перед их взорами открылись уходящие вдаль мили поверхности планеты. В какую сторону ни

глянь, повсюду она выглядела одинаково — густой однородный растительный массив, только на востоке вздымалась горная цепь, черная на фоне пылающего неба.

Обтирая тряпкой залитое потом лицо, Кесслер проворчал:

— Когда мы были внизу, в джунглях, я мечтал выбраться оттуда хоть к черту в зубы. А теперь мне бы назад вернуться. По крайней мере там хоть есть какая-то тень.

— Звук, — объявил Малыш Ку, протянув руку к северо-западу. — Von там, высоко-высоко. «У й о у м, у й о у м!»

— Ничего не слышу. — Прикрыв ладонью глаза, Кесслер посмотрел в указанном направлении. — И ничего не вижу. — Он взглянул на остальных. — А вы?

— Я тоже, — сказал Сэмми.

— Этак на секунду мне было показалось, что я вижу там, сверху, черную точку, — неуверенно произнес Молит. — Но ручаться не стану. Должно быть, померещилось.

— А сейчас ты ее больше не видишь?

— Нет. Эта точка словно бы откуда-то вынырнула, а потом как слиняла, исчезла из виду.

— Я не намерен из-за этого трепать себе нервы, — заявил Кесслер. Он снова обтер лицо. — Еще час под этим распроклятым солнцем, и у нас начнутся галлюцинации почище. — Он двинулся вперед. — Давайте-ка спустимся отсюда в тень.

Фини залаял на торчавшую неподалеку скалу, шерсть у него на загривке стала дыбом. Кесслер замедлил шаг и, крадучись, направился к скале, держа наготове пистолет. Фини стремительно обогнул ее и зарычал как лев. Какое-то существо, похожее на десятиногую ящерицу, волнообразно изгибая тело, умчалось длинными прыжками прочь и исчезло за гребнем холма. Разочарованно ворча, Фини припелся обратно.

— Оно же восемь футов длиной, из них половина — зубастая ласть. — Кесслер презрительно фыркнул. — И удирает от лая собаки.

— А может, оно органически не переносит резкие звуки, — предположил Сэмми. — И если б Фини так не разлаялся, оно б его вмиг проглотило.

— Меня просто из себя выводит зловещая тишина на этой чертовой планете, — сказал Кесслер. — На Земле в таких джунглях ад крошечный, оглохнуть можно. Стрекохут цикады, без умолку тарбарят обезьяны, кричат попугаи — всего не перечить. А здесь все живое не производит никакого шума. Огромные змееподобные существа ползают совершенно беззвучно. Гигантские красные пауки сидят в ямах-ловушках и не шелхнутся. Во время моих ночных дежурств я видел множество каких-то тварей, а мной раз только ощущал их присутствие, и все они крались по лесу с такой осторож-

ностью, что ветка не треснет и листва не зашуршит. Это же естественно. Меня это угнетает.

— Давайте, заповем,— предложил Сэмми.— Это поднимет нам настроение и заодно распугает всякую здешнюю нечисть.

— А что будем петь? — спросил Кесслер.

Сэмми со всей серьезностью поразмыслил над его вопросом и предложил:

— «Вьется тропка, вьется длинная». Подойдет?

Горланя эту песню, они зашагали вперед. Один Малыш Ку молчал: он не знал слов. «Тропку» сменила «Уложи меня среди клевера», за которой последовали «Песня легионеров» и еще с полдюжины других. Пение помогло им быстрее спуститься с холма в джунгли и ускорило продвижение сквозь заросли. Молит хриплым, режущим слух басом исполнил соло старинную австралийскую песенку «Кек погнал наш Клэнси коров на водопой».

Допев последний куплет, Молит взялся за Малыша Ку.

— А от тебя мы даже жалкого писка не услышали. Может, споешь нам что-нибудь свое, а?

Малыш Ку застеснялся.

— Да ты смелей,— нетерпеливо настаивал Молит.— Все равно хуже меня тебе не спеть.

Преодолевая смущение, Малыш Ку неохотно повиновался, и из его рта полились какие-то резкие немелодичные сочетания звуковых полутонов. Под эти жуткие вопли в воображении остальных возникла кошка, ололоумевшая от невыносимых резей в желудке. Эта кошачья агония продолжалась несколько минут и вдруг оборвалась — как им показалось — на середине такта.

— Что все это значит? — подступил к нему Молит, играя бровями.

— Лепестки цветов, точно снежинки, медленно падают с неба и нежно припадают к светлой руке моей любимой,— с удивившей остальных беглостью бойко объяснил Малыш Ку.

— Это надо же! — воскликнул Молит.— Очень милая песенка.

Подумать только — Малышу Ку есть о ком петь песни! Такое Молиту раньше и в голову бы не пришло. Он попытался представить себе эту женщину. Вероятно, лицо у нее оливкового цвета, миндалевидные глаза, она смешливая, пухленькая, вкусно готовит; мать семерых упитанных детей. Не исключено, что телом она вдвое крупнее Малыша Ку, управляет им и хозяйством твердой уверенной рукой и зовут ее, возможно, Тончайший Аромат, или как-нибудь еще в том же роде.

— Очень, очень мило! — повторил Молит к вящему удовольствию смущенного Малыша Ку.

— Может, споем теперь «Мы идем по Джорджии»? — предложил Сэмми, которому не терпелось еще подрать глотку.

— Я уже задыхаюсь.— Кесслер яростно рубанул machete по живой изгороди из лиан высотой в половину человеческого роста, которая перекрыла перед ними тропу.— Идущему впереди достается вся работа.

— И он берет на себя весь риск,— добавил Сэмми.— А не идти ли нам во главе отряда по очереди?

— Неплохая идея.— Кесслер прошел через отверстие в изгороди, по краям которого извивались свежие обрубки лиан.— Я обдумаю ее. Напомните мне об этом месяце через два.

Напоминать не пришлось.

Он так долго не прожил.

Тремя днями позже им вдруг повстречались таинственные животные, которые проложили в джунглях тропы. Частенько они задумывались над тем, кто мог проделать в непроходимых зарослях эти коридоры. Уж, конечно, не огромные змееподобные твари вроде той, которую пытался обезглавить Гэннибал Пейтон. С того времени они не раз мельком видели этих животных, но те никогда не выползали на тропу и ни одно на них не напало.

К появлению в джунглях этих троп не имели отношения и похожие на ящериц существа поменьше. Их было слишком мало, да и корпус у них для этого чересчур легок. Людям давно стало ясно, что извилистые коридоры в зарослях протоптаны животными более редкими и очень тяжелыми. Местами эти тропы уже зарастали: вступая в свои права, их постепенно отвоевывали назад джунгли. Однако длинные отрезки пути за исключением уголков, где затаились алые цветы-хищники, были начисто вытоптаны, словно почву здесь утрамбовали чьи-то чудовищные конечности.

Кесслер уже собрался было свернуть по тропе в сторону, но тут до его слуха издали донесся какой-то грохот. Другие тоже это услышали и, приблизившись, остановились за его спиной. Фини задергал ушами, всем своим видом выражая крайнее беспокойство.

Звук казался особенно странным в этом мире мертвой тишины. Он вмиг словно бы отменил извечный закон природы. Гул ударов! Тяжелых, сотрясающих землю, как толот пятидесятитысячного стада взбесившихся буйволов.

Фини возбужденно взвизгнул, быстро забегал кругами, и Кесслер сказал:

— Чувствую, что нам лучше с этой тропы убраться.— Он внимательно оглядел ближайший к ним участок джунглей. Звук становился все громче.— Вон туда!

Указав место, где заросли с виду были чуть реже и ветки не так тесно переплетены, он начал прорубать проход.

Все вместе они яростно рубили ветки и рассекали стебли, а когда им удалось продвинуться в глубь зарослей ярдов на тридцать, оглушительный грохот вырвался из-за поворота тропинки. Молит схватил Фини и своей потной волосатой рукой стиснул ему челюсти, чтобы тот не залаял. В прилипших к спинам рубашках они стояли в глубине чужого ада и наблюдали за происходящим.

По тропе, точно потерявшие управление локомотивы, одно за другим мчались громадные животные. У них была толстая темная кожа, омерзительно уродливые трехрогие головы с маленькими свиными глазками. Казалось, вес их совершенно не соответствует размеру — создавалось впечатление, будто пятьдесят тонн костей и мускулов втиснуто в емкость, рассчитанную тонн на двадцать. Четыре пары массивных, как у слона, ног расплющивали и вбивали в почву стебли лиан и все, что попадалось на их пути.

Их конечности обрушивались на землю с такой неимоверной силой, что это ощущалось даже на расстоянии в тридцать ярдов. Ударная волна, распространившись в верхних слоях почвы, поднялась по стволам деревьев, и верхушки их затрелетали. Животные бежали без единого звука, если не считать топота и пофыркивания, и Кесслеру на миг представилось, будто это какие-то неведомые гигантские трехрогие носороги.

Их было шестьдесят или семьдесят. Неуклюжим галопом, для которого не существовало преград, они промчались мимо, растапывая все, что попадало им под ноги, проламывая замаскированные покрытия ям-ловушек, на дне которых затаились паукообразные хищники, — теперь тем придется вылезть из своих нор на поверхность и заделать дыры кашицей из слюны с землей.

Выбираясь из укрытия в зеленом сумраке джунглей, люди напрягали слух, чтобы определить, не грозит ли с севера еще одно такое нашествие, но слышали лишь приглушенный расстоянием удаляющийся топот.

Следуя изгибу тропы, Кесслер вышел к развилке, сверился с компасом и указал налево.

— Нам сюда.

Этот путь привел их к реке. Тропа упиралась в берег, а по обе ее стороны он был начисто вытопан: этак ярдов на сто по течению и на столько же — против. Сюда приходили на водопой трехрогие чудовища.

Вода в реке была мутная, желтая, течение быстрое. Преграда шириной в тридцать ярдов и неизвестной глубины. Согласно показанию компаса противоположный берег лежал по прямой к северу.

Кесслер хмуро взглянул на быстрый речной поток и решительно заявил:

— Я б и попытаться не стал переплыть эту реку. В ней могут быть сильные подводные течения.— Он вытер с лица пот и какое-то время без особого восторга смотрел на желтую воду, отливавшую зеленоватым блеском под лучами голубого солнца. От реки несло гнилыми яблоками и еще каким-то незнакомым едким запахом.— Это слишком рискованно.

— Тогда остается одно — тащиться назад до той развилки и пойти по другой тропе,— сказал Молит.— Она, правда, вела на запад, но вполне возможно, что потом она снова повернет к северу.

— Я предпочел бы не возвращаться, если можно этого избежать. Частые отклонения от курса нас угробят.— Кесслер внимательно оглядел оба берега, росшие поблизости деревья и после недолгого раздумья промолвил: — Жители земных джунглей плетут мосты из лиан, и на сооружение такого моста уходит совсем немного времени. Кто-нибудь из вас знает, как это делается?

Ни один не имел об этом ни малейшего представления.

Молит решил высказать свои соображения:

— Сдается мне, что люди, которые там занимаются этой работой, должны находиться по обе стороны реки. Если это так, то нам, чтобы построить мост, по которому мы перейдем реку, нужно сначала пербраться на тот берег.

— Перелететь на та сторона, как обезьяна,— сказал Малыш Ку.

— Да ты, верно, телепат! — воскликнул Кесслер.— В моем котелке доваривалась та же идея.— Он еще раз внимательно оглядел деревья.— Только бы найти подходящую лиану...

Они прошлись вдоль берега и вскоре обнаружили то, что искали. Среди множества деревьев, полушатром раскинувших ветви над прибрежной частью потока, нашлось одно, с которого, почти касаясь воды, свисало несколько толстых стеблей лианы.

Подтянуть один из них к берегу не составило особого труда. Они срезали в джунглях длинную лиану, привязали к ее концу овальный камень и, раскручивая его в воздухе, стали забрасывать в сторону болтавшихся над водой стеблей, вокруг одного из которых тонкая лиана и обмоталась с десятой попытки. Они потянули стебель на себя, но его конец взметнулся над берегом и зацепился за дерево так высоко, что дотянуться до него было невозможно, и чтобы снять его, Молиту пришлось взобраться вверх по стволу.

— Я переправлюсь первым,— сказал Кесслер.

Он привязал уже обмотанный лианой камень к концу свисавшего с дерева стебля, швырнул его через реку и с помощью тонкой лианы вернул назад. Камень пролетел в каких-нибудь двух футах над противоположным, более высоким берегом. Довольный результатом, Кесслер подтянул лямки своего вещевого мешка, проверил, надежно ли

пистолет и коробка с патронами прикреплены к поясу, и отдал Молиту комплекс.

— Слишком уж ценный прибор, чтобы им рисковать.

Не сознавая зловеще-пророческого смысла этих своих слов, Кесслер с помощью остальных поднялся на несколько футов вверх по стволу, схватил толстую лиану и потянул к себе изо всех сил, испытывая на прочность и желая удостовериться, насколько крепко она сцеплена с ветвью.

— Камень был брошен с большой силой,— обеспокоенно сказал Сэмми.— А вы такой мощный толчок не получите. Что, если вы не долетите до того берега?

— Долечу. Эта лиана свисает с ветви по крайней мере футов на пять дальше середины потока, а значит, ближе к противоположному берегу, который к тому же значительно выше этого. Справлюсь — дело нехитрое.

Он покрепче ухватился за стебель, оттолкнулся обеими ногами от ствола и ринулся вперед. Под тяжестью его тела лиана протестующе затрещала, но не лопнула. Однако она сорвалась с ветви, за которую держалась. Кесслер упал в реку. И сразу же вода вблизи места падения всколыхнулась и пошла кругами, словно под поверхностью что-то быстро задвигалось.

Когда Кесслер, подняв фонтан желтых брызг, рухнул в реку и рядом возник этот странный водоворот, Сэмми Файнстоун, стоявший ближе всех к кромке воды, громко вскрикнул. Сбросив мешок с поклажей, он поднял над головой руки.

— Стой, дурак! — заорал Молит и рванулся от подножия дерева к Сэмми, чтобы удержать его.— Ты же не знаешь, что это...

Он опоздал. Пропустив мимо ушей его предостерегающий крик, Сэмми бросился в воду.

На середине реки бесновался водоворот. Среди хлопьев пены из забаламученной воды выскочила голова Кесслера и сразу же вновь скрылась под поверхностью. Вода пошла волнами, еще больше вспенилась и приобрела розоватый оттенок. Заметнулся невысокий смерч. Из пены на миг показалась рука, вся в крови, судорожно вытянутая, страшная — и Кесслер навсегда исчез.

Тут вынырнул Сэмми, которого мощной подводной волной отбросило назад к берегу. Он отчаянно боролся с течением, но вдруг громко охнул. Молит бросился в ту сторону, куда относил Сэмми, прыгнул в реку, погрузившись в воду по грудь, и за волосы потащил Сэмми к берегу. Потом он нагнулся, подхватил его под мышки и выволок из воды.

Но не всего Сэмми, а лишь его часть — тело без голеней. Ниже колен была только кровь, толчками извергавшаяся из перерезанных сосудов.

— О, господи! — выдохнул Молит, чувствуя, как ему сводит внутренности.

Он бережно опустил тело Сэмми на землю, бросился к походной аптечке и с ощущением полной беспомощности окинул взглядом ее содержимое. В ней не было никаких хирургических инструментов, а если бы и были, он все равно не знал, как ими пользоваться. Там был шприц, иглы к нему. Пузырьки с какими-то лекарствами, жидкими и в виде затвердевшей массы. А каким образом наполняют шприц, как и в какую часть тела делают укол? Какое лучше применить лекарство?

Сэмми зашевелился и попытался сесть, лицо у него было белое и сонное, как у человека, еще не вернувшегося к действительности.

— А Макси? — прошелтал он. — Что с...?

— Она погибает, — сказал Малыш Ку, пристально глядя на Сэмми своими глазами-щелочками. — Вы лежать тихо-тихо.

Сэмми снова напрягся, стараясь подчинить своей воле нижние конечности, потом глянул вниз.

Вернулся Молит, и Малыш Ку сказал ему:

— Она терять сознание.

— Не имеет значения. Эти вот средства в аптечке — единственное, что у нас есть для оказания ему помощи. Подними-ка его правую культю, да поживей.

Тонкими пластиковыми трубочками он быстро соединил самые большие кровеносные сосуды, потом их и обнаженные мышцы на срезе культи залепил густой клейкой массой. Накладывать эту массу было довольно-таки трудно, ибо стоило нанести ее на какой-нибудь участок раны, как за считанные секунды она становилась твердой, как стекло. Первый ее слой прикрыл рассеченную плоть и закрепил трубочки. На него один поверх другого наложилось еще несколько быстро затвердевших слоев этой массы, и рана оказалась под прочным защитным колпаком. Так же он обработал вторую культю.

В экстренных случаях допускался и такой грубый, зато быстрый способ оказания срочной помощи при тяжелом ранении. Но эта мера с натяжкой годилась только для того, чтобы раненый продержался, пока его не доставят в операционную с новейшим оборудованием, где им займутся руки профессиональных хирургов.

Молит потянулся к аптечке за бинтами и мягкими прокладками. Не потому, что они нужны были для ухода за ранами — ими можно было обернуть обрубки ног Сэмми, чтобы уложить их поудобнее. Его протянутая рука замерла в воздухе, так как в этот миг Малыш Ку выхватил листолет — единственное оставшееся у них оружие — и ровным голосом произнес:

— Речная дьявол!

Оглянувшись через плечо, Молит увидел торчащую из воды огромную, размером с небольшую лодку, плоскую голову в форме сердца, а на ней — два белых, похожих на блюдца, немигающих глаза, которые смотрели на них пристально и холодно. С рогоподобных выступов этой невообразимой морды свисали тонкие нити водорослей. Челюсти чудовища совершали медленные жевательные движения, словно оно еще не до конца насладилось вкусом редкостного изысканного блюда.

Бешено застрочил автомат. Одно блюдце лопнуло, и из глазницы потекла густая зеленая жидкость. Голова скрылась под водой и, судя по тому, как в этом месте разбушевдалась река, животное замесалось по дну.

Сэмми, которого громкий стрекот автоматной очереди вывел из обморока, шевельнулся и лоднял глаза на Молита и Малыша Ку.

— Мои ноги! Что-то оттяпало мне ноги.— И по-детски изумленно добавил: — А я ведь почти ничего не почувствовал. Только слегка резануло болью, как при судороге. Но из-за этого я лишился ног!

— Поправишься.— Молит продолжал бинтовать культю.

— Нет. На этой планете мне не поправиться.— По телу Сэмми прошла дрожь, словно из жарких джунглей на него вдруг повеяло каким-то странным холодом.— Со мной покончено. Вам лучше меня здесь оставить.

— То, что ты временно вышел из строя, не дает тебе права молоть всякую вранду. Так что заткнись! — резко оборвал его Молит.

Слабо улыбнувшись ему, Сэмми промолвил:

— Груби сколько хочешь — меня ты этим не проведешь. Я же знаю, что настал мой черед дать работу лопате.

— Мы понесем тебя,— отрезал Молит.— Для разнообразия. Рытьем могил я сыт по горло. Выбрось-ка из твоей дурацкой башки, что ты можешь заставить меня выкопать еще одну!

Молит, который теперь был за старшего, пришел к выводу, что река в этом месте — препятствие для них непреодолимое. Будь их только двое, он и Малыш Ку, он пошел бы на риск и попробовал перелететь на тот берег, держась за какую-нибудь другую лиану.

Но переправить туда Фини и Сэмми было невероятно трудно. Проще вернуться к тропе, что вела на запад, и там же поискать какую-нибудь другую, которая, может, потом повернет к северу.

Они срубили и обтесали две прямые ветки, и Малыш Ку натянул между ними мягкую циновку, которую он сплел из похожей на камыш травы. Ловкость, с которой при этом двигались его худые длинные пальцы, поразила наблюдавшего за ним Молита. Очевидно, Малыш Ку обладал особым талантом к подобным поделкам — работа

была выполнена с такой быстротой и сноровкой, что Молит и мечтать не мог когда-нибудь сравняться с ним в этом мастерстве.

На таких самодельных, но удобных носилках Сэмми отправился в путь. Рядом с ним лежало его мачете. Как бы ни сложились обстоятельства, не было ни малейшего шанса на то, что он сможет применить его, но им не хотелось расставаться с этим оружием. К тому же само его присутствие немного подбадривало человека, которого несли на носилках: это как бы означало, что те двое по-прежнему считают его полноценным членом их маленького отряда. Но никто лучше его не знал, насколько это далеко от истины.

Итак, он беспомощно лежал на носилках, ловил взглядом успокаивающие отблески солнечного света на лезвии мачете, смотрел, как над ним проплывают ветви деревьев, безмолвно кусал нижнюю губу, чтобы не выдать, насколько ему тяжело, и старался как-то отвлечься от жгучей боли в обрубках ног. Благодаря стекловидным оболочкам, покрывавшим раны, он не терял крови. Эти оболочки были непроницаемы и для микробов. Другое дело — бактерии, которыми кишмя кишела желтая река. Они проникли в его организм, когда доступ к ранам был еще открыт, и теперь, запертые под этой изолирующей массой, вступили в борьбу с его белыми кровяными тельцами.

К середине второй ночи нестерпимое жжение распространилось на поясницу. Не в силах заснуть от боли, Сэмми лежал между костром и телом спящего Малыша Ку. А неподалеку взд-вперед вышагивал Билл Молит, который нес свою очередную вахту. Поскуливал во сне Фини, растянувшийся на мешках с поклажей. Сэмми вздохнул и, пытаясь сесть, с усилием приподнял над землей верхнюю часть туповища. В его темных глазах замерцали отблески пламени. Подошел Молит, опустился рядом с ним на колени и шепотом, чтобы не разбудить Малыша Ку, спросил:

— Ну, как ты?

— Плоховато. Я...

— Погоди-ка.— Молит направился к сложенным в кучу мешкам, осторожно вытащил из-под Фини свой, порывлся в нем и вернулся к Сэмми.— Я прихватил их со спасательной шлюпки. Хотел приберечь...

— Какой шлюпки? — спросил Сэмми.

— Той, которая нас сюда доставила.

Сэмми прищурил глаза, собрался с мыслями и проговорил:

— Ах, да, та шлюпка. Господи, как же это было давно.

— Хотел приберечь их до той знаменательной минуты, когда мы увидим перед собой купол спасательной станции.— Молит показал небольшую запечатанную жестянку с сигаретами.— Но теперь такое количество нам не понадобится.

— Убери их,— выдохнул Сэмми. Он безуспешно старался не показать виду, что задыхается.— Жаль сейчас открывать банку. Ведь сигареты не смогут храниться месяцами, если в банку попадет воздух.

— Малыш Ку не курит. Остаемся ты да я.— Молит разгерметизировал банку и щелчком откинул крышку. Он дал Сэмми сигарету, поднес ему огонек, а другую закурил сам.— Как насчет укола морфия?

— Умеешь делать уколы?

— Нет.

Опершись на руку, Сэмми с трудом приблизил свое лицо к лицу Молита и заговорил, понизив голос:

— Вы таскали меня на руках два дня. Сколько вы прошли за это время?

— Миль семь,— наугад ответил Молит.

— Получается три с половиной мили в день. Маловато, верно? И всякий раз, когда тропу преграждают лианы, вам приходится опускаться меня на землю, чтобы прорубить проход. Потом вы снова беретесь за носилки. У вас только по две руки, а не по шесть. И ноги у вас тоже не железные. Вы не можете все время идти с такой ношей.

— Ну и что из того?— внимательно глядя на него, спросил Молит.

— У Малыша Ку есть пистолет.

— Ну и что из того?— с тем же выражением в голосе повторил Молит.

— Сам знаешь.

Молит выпустил тонкую струйку дыма и понаблюдал, как она рассеивается в воздухе.

— Со стороны я, наверное, человек дрянной. Быть может, ты меня таким и считаешь. И не исключено, что ты прав. Но при всем при том я не убийца.

— Да взгляни ты на это иначе,— взмолился Сэмми. Он опять сморщился от боли. На его лбу поблескивали капельки пота.— Ты же знаешь, что я все равно скоро умру, чуть раньше или чуть позже. Это лишь вопрос времени. И я прошу тебя сделать так, чтобы мне было легче. Я б очень хотел...

— На самом же деле ты хочешь, чтобы мы облегчили себе существование,— прервал его Молит.— Еще пискни, и я оторву твою безмозглую башку!

Приподнявшись на локте, Сэмми слабо улыбнулся.

— Тебе, Билл, нет равных в умении успокоить человека с помощью угроз.

— Схожу за морфием.

Тяжело ступая, Молит обогнул костер и стал рыться в их запахах. «Билл»,— думал он. Пожалуй, впервые Сэмми назвал его по имени. Возможно, что так обращались бы к нему сейчас и другие, доживи они до этого дня.

К примеру, Пейтон. Может, сегодня они уже не обменивались бы такими фразами, как «Эй, Пейтон, подними-ка вот это» и «Слушаюсь, мистер Молит», а разговаривали бы между собой совсем по-другому: «Прихвати эту штуку, Гэнни» — «Хорошо, Билл».

И, вполне вероятно, миссис Михалич сейчас звала бы его «Билл», а он, обращаясь к ней, говорил бы «Герда» или «Матушка» или придумал бы какое-нибудь глупое ласковое прозвище, вроде «Тутси». Когда-то, давным-давно, он оторопел бы от одной мысли, что такое возможно. Более того, от злости бы лопнул. Так было раньше, но не теперь, теперь — нет. Времена меняются. А вместе с ними и люди.

Сэмми, не раздумывая, бросился в реку на помощь Кесслеру, а теперь просит их, чтобы выстрелом из пистолета они сняли с себя бремя, которое он на них возложил. Пейтон без оглядки ринулся навстречу неведомой опасности с единственной целью — отвести ее от других. Герда и Григор хотели умереть в одиночестве, чтобы не быть обузой для остальных. Даже Фини, и тот напал бы на одну из тех пятидесятитонных галопирующих машин, пытаясь спасти людей, не дать их растоптать. Словом, каждый по-своему, в зависимости от характера, проявил мужество: кто действовал сгоряча, кто — холодно, одни — под влиянием импульса, другие — рассудочно.

А что в багаже у него, у Молита? Танцовщица, вытатуированная на руке, и фейерверк метеоритов, разлетевшихся по всей его широкой спине. Клок волос на груди. Могучее, как у быка, тело и выносливость, при которой он может брести до последнего, пока не упадет замертво.

Все остальное — невежество. Его профессиональные знания в области реактивной техники сейчас, в этих обстоятельствах, не более чем бесполезный хлам. Он ничего не смыслит в хирургии, мало что знает о применении лекарств. Не обладает острым, как у Фини, слухом и его на редкость тонким обонянием. У него нет таких проворных пальцев, как у Малыша Ку, нет его флегматичного склада ума и невозмутимого спокойствия, с которым тот приемлет будущее. Даже плавать, как Сэмми, он и то не может. Выходит, он вообще толком ни черта не умеет.

Если не считать умения успокаивать людей с помощью угроз. Да, хоть эта мелочь в его пользу, крошечный плюс против его имени.

Как у большинства людей, глубоко переживающих свои заблуждения, самооценка у него была до нелепости заниженная. Его психика сейчас напоминала маятник, который, пока не выравняется его качание, переносится из одной крайней точки амплитуды в другую.

И на это была причина. Из глубины его существа... а может, извне, из немемляемой дали?.. ему слышался голос.

Со шприцем в руке он вернулся к Сэмми.

— Я рассудил так: один полный шприц морфия — это самая большая допустимая доза. Надеюсь, что угадал. Ну как, рискнешь?

— Да.— Лицо Сэмми перекошилось от боли. Он выронил недокурную сигарету.— Делай, что угодно, что угодно, только б мне стало полегче.

— По-моему, лучше всего колоть в бедра. Поближе к ранам. Хочешь, вкачу по полшприца в каждое?

Сэмми согласился. Опустившись рядом с ним на колени, Молит впрыснул ему морфия. В жизни он не чувствовал себя так неуверенно, но огромным усилием воли он заставил свои большие волосатые пальцы проделать это четко и осторожно.

Он поднялся с колен.

— Тебе лучше?

— Пока еще нет. Должно быть, надо одну-две минуты подождать.— Сэмми, обливаясь потом, откинулся на спину. Спустя какое-то время, показавшееся вечностью, он проговорил: — Боль стихает. Уже намного легче.— Он закрыл глаза.— Спасибо, Билл.

В бледном свете второй луны, который просачивался между деревьями, его лицо испускало странное призрачное сияние. Молит подождал немного, потом наклонился к Сэмми и прислушался к его дыханию. Довольный, что тот уснул, он вернулся на свой сторожевой пост.

Поздним утром, когда они поднимались на небольшую возвышенность, Молит почувствовал, что носилки тянут его назад, и оглянулся. Малыш Ку остановился и уже опускал свои концы палок на землю. Молит опустил и свои тоже.

— Что случилось?

— Она не смотреть. Не двигаться. Чуть-чуть не падать с носилки. Моя думает, она умирать,— неуверенно сказал Малыш Ку.

Фини на негнущихся лапах подошел к неподвижному телу, обнюхал его и тонким голосом пронзительно завыл. Молит взглянул на Сэмми, пощупал его запястье, приложил ухо к груди. И достал лопату...

Они прихватили поклажу и оружие и пошли дальше.

Их было трое — двое людей и собака.

День тридцать второй, а может, тридцать шестой или пятьдесят шестой? Никто не знал, и никому до этого не было дела. Они потеряли счет дням, ибо считать их не было смысла. Единственным ничтожно малым утешением было то, что они перебрались на другой берег реки, — в месте, где она сужалась и из воды торчали большие камни, по которым и удалось ее перейти. Теперь они снова шли на север.

Количество пройденных миль было неразрешимой загадкой. Может, триста, а может, четыреста. В лучшем случае они прошли четверть пути до спасательной станции, если допустить, что Саймс не ошибся в своих расчетах. Им нужно было преодолеть расстояние, в несколько раз превышающее то, которое они уже прошли.

Как-то в полдень, когда они позавтракали, Молит случайно взял в руку вещевой мешок Малыша Ку. Их мешки выглядели одинаково, но стоило ему поднять этот, и он сразу понял, что мешок не его. Он молча опустил его на землю, взял другой мешок, забросил его за спину и, подтянув на плечи ремни, сжал в кулаке рукоятку своего мачете.

С этой минуты Молит стал исподтишка наблюдать за Малышом Ку. И довольно быстро уяснил себе, что тот замыслил. Действовал Малыш Ку спокойно и очень ловко; если бы случай с мешком не заставил Молита заподозрить неладное, он так ничего бы и не заметил.

За каждой едой один из них — тот, чья очередь, — вскрывал для Фини пакет с пищевым концентратом из своего запаса. Это Малыш Ку проделывал честно, однако картина менялась, когда ему нужно было открыть другой пакет для себя. У него наготове был один уже вскрытый, который он каждый раз доставал, делая вид, что вскрывает и ест его содержимое. Однако он никогда не выбрасывал упаковку, которой полагалось после еды опустеть. Плоский пакет возвращался в его мешок с тем же содержимым, готовый к использованию в следующей пантомиме. Его мешок казался процентов на двадцать тяжелее мешка Молита, следовательно, по приблизительному подсчету, Малыш Ку проделывал этот фокус уже дней шесть-семь.

Однако Малыш Ку не умирал от голода. Он ел по ночам, во время своих очередных дежурств. Лежа у костра, Молит незаметно, одним глазом проследил за ним и увидел, как тот с жадностью поглощает фрукты, ягоды и корни, собранные им в джунглях, наедается до отвала, готовится к голодовке следующего дня. Было ясно, почему он так ведет себя, и душа Молита заклокотала от возмущения.

— У нас недостаточно продовольствия, да? — спросил он Малыша Ку. — Оно кончится раньше, чем мы одолеем половину пути до станции, так?

— Моя не знает.

— Отлично знаешь, черт тебя дернул! Ты мне не вилай. Ты же все рассчитал своим подлым умишком. Прикинул, что нам никогда не добраться до станции, если мы не начнем есть то, что растет в джунглях. А кто-то же должен стать подопытной морской свинкой, вот тебе и втяжались в голову, что такой свинкой станешь ты.

— Моя не понимать,— запротестовал Малыш Ку, глядя на Моли-та с непонимаемым выражением в черных глазах.

— Не придуривайся! — Молит вперил в Малыша Ку такой взгляд, словно уличил его в каком-то тяжком преступлении.— Незнакомые пищевые продукты очень опасны. Никогда не предскажешь, как они могут подействовать на человеческий организм. Вот ты и рассудил: если с тобой ничего не случится, это решит для нас вопрос питания на остаток пути... Но если это не пройдет тебе даром, если ты убьешь себя (он в ярости стукнул кулаком по своему мешку), тогда останется намного больше еды для меня и Фини.

— Моя все равно, если моя умирать,— возразил Малыш Ку с истинно восточной логикой.

— А мне не все равно! — взревел Молит.— С твоим проклятым мешком не побеседуешь, если ты сдохнешь. Он мне не компания. Да и по ночам он не сможет дежурить со мной по очереди. Кто будет охранять меня, когда я сплю?

— Хороший собака,— сказал Малыш Ку, взглянув на Фини.

— Собаки мне недостаточно.— Молит говорил жестко и властно. Он толкнул Малыша Ку в грудь и, совершенно не соображая, какую горюдит чушь, заявил: — Если ты из-за этого умрешь, я убью тебя! Теперь я хозяин всего, что осталось от нашей экспедиции, и я запрещаю тебе затрунить меня своей смертью, понял?

— Моя пока не умирать,— пообещал Малыш Ку и десять дней честно держал слово.

Первым знаком того, что он собирается нарушить свое обещание, было его падение: он рухнул, как подкошенный, головой вперед, судорожно поскреб ногтями землю, потом заставил себя подняться на ноги и, спотыкаясь, побрел дальше. Пройдя так ярдов десять, он нагнал поджидавшего его Моли-та и на этот раз запретил себе упасть. Со стороны это выглядело очень странно.

Он стоял перед Моли-том, раскачиваясь, как травинка на ветру, и лицо у него было цвета старой слоновой кости. Его колени медленно сгибались, так медленно, словно что-то тянуло их вниз, преодолевая его отчаянное сопротивление. Таким вот образом, мало помалу уступая, он все-таки опустился на колени, извиняющимся тоном про-бормотал: — Моя больше не может.— И упал на руки подхватившего его Моли-та.

Быстро сняв с него пояс с пистолетом и зарядами и вещевой мешок, Молит положил его на заросший мхом пригорок, а Фини бегал вокруг них, взволнованно скуля. Когда Молит нагнулся над Малышом Ку и попытался привести его в чувство, голубое солнце плеснуло жаром в просвет между листьями и опалило ему шею.

— Не вздумай смяться, слышишь? — Молит настойчиво встряхнул его.— Не смей уйти, как все остальные. Я не стану рыть для тебя

могилу. Не надейся! — Он схватил лопату и зашвырнул ее в джунгли. На лбу его пульсировала вздувшаяся вена.— Видишь, я выбросил эту штуку, будь она трижды проклята. Ею никто больше не выроет ни одной могилы. Никогда, никогда, никогда! Ни для тебя, ни для меня.— Он похлопал по щекам цвета слоновой кости.— А ты про-
снись, ладно? Ну, давай, просыпайся!

И Малыш Ку послушно проснулся, повернулся на бок и его вырвало. Когда рвота прекратилась, Молит подхватил его под мышки и насильно поставил на ноги, поддерживая, чтобы тот не упал.

— Теперь порядок?

— Много-много больная.

Малыш Ку повис у него на руках.

— Тогда чуток посидим.

Опустив его обратно на пригорок, Молит присел рядом и положил голову Малыша Ку себе на колени. Фини тревожно залаял — ярдах в сорока от них в зарослях мелькнули огромные кольца змееподобного существа. Молит схватил пистолет и послал в ту сторону очередь из пяти выстрелов. Свитое в кольцо чудовище быстро заскользило назад. Молит снова занялся Малышом Ку, проклиная собственное бессилие и взывая к лежащей у него на коленях голове:

— Ну, перебори себя, малыш. Нам еще идти да идти, но мы это осилим, если будем держаться друг друга. Мы уже прошли с тобой много-много миль. Ты же не сдашься сейчас, правда? Говорю тебе, возьми себя в руки!

Солнце скрылось за горизонтом, жалобно заскулил Фини; сгустилась тьма, пока ее немного не рассеял слабый тусклый свет появившихся на небе трех лун. А Молит все сидел, держа на руках Малыша Ку, и время от времени обращался к нему с какими-то словами, но уши того оставались глухи. Молиту показалось, что громадное голубое солнце разметало и спутало его мысли, и он потерял над ними власть.

У него возникло ощущение, будто он ограждает своими руками от неизвестной опасности не только Малыша Ку, но и всех остальных, кто некогда брел с ним по этим чужим тропам. Саймса и Пейтона, Сэмми и Кесслера, обоих Михаличей. Да и тех, с кем он жил и общался в те давние времена, когда еще существовал большой серебряный цилиндр, называвшийся «Стар Куин».

И еще ему казалось, будто он слышит голос, который звучал сейчас намного громче и настойчивей, чем прежде. Но хоть убей, он не мог разобрать, какие слова пытался сказать ему этот голос.

Он просидел так до самого рассвета, одежда его стала влажной от росы, веки вспухли и покраснели. Малыш Ку был еще жив, но без

сознания и ни на что не реагировал. Он был в состоянии полного оцепенения, как после приема большой дозы наркотика.

Это напомнило Молиту, что, если верить слухам, такие, как Малыш Ку, подвержены наркомании. А вдруг у Малыша Ку имелся тщательно запряганный запас опиума — либо в его мешке, либо при нем, в одежде? Молит обыскал все и, надо сказать, очень тщательно. И не нашел никакого опиума. Сколько-то дней назад он точно так же обыскал Сэмми. И не нашел никаких бриллиантов. Ни у одного не оказалось тех вещей, которые, по сложившимся о них представлениям, эти люди должны были всегда иметь при себе.

Он пришел к выводу, что жизнь в некотором смысле — это огромная ложь, черт ее дери. А правда — тоже в каком-то смысле — открывается со смертью. Среди вещей Малыша Ку не оказалось ничего заслуживающего внимания, кроме выцветшей потрескавшейся фотографии, на которой была запечатлена деревушка с домиками под покосившимися крышами, а на заднем плане виднелись какие-то горы. Только и всего. И ничего больше. Его рай, его царство небесное на земле.

— Я привезу тебя туда, — поклялся Молит. — Даже если на это уйдет десять лет.

Надев пояс с зарядами и пристегнув к нему пистолет, он набил до отказа один из мешков, закрепил ремни так, что теперь, когда он продел в них руки, мешок висел у него на груди, а не за спиной. Часть содержимого походной аптечки он рассовал по карманам, а что не поместилось, оставил на пригорке. Воткнул мачете заостренным концом в землю, чтобы можно было взяться за рукоятку не нагибаясь, взвалил на спину Малыша Ку, сжав в своей волосатой лапе оба его тощих запястья, другой рукой выдернул из земли мачете и пустился в путь.

Когда они двинулись дальше, Фини очень оживился: он прыжками понесся вперед, то и дело к чему-то принюхиваясь и часто оглядываясь, чтобы убедиться, следует ли за ним Молит. Полчаса ходьбы, пять минут отдыха; полчаса ходьбы, пять минут отдыха. Еще хорошо, что судьба наградила его таким сильным телом, одновременно распорядившись, чтобы Малыш Ку был маленьким, ссохшимся — кожа да кости — подобием человека.

И вот, тащась по тропе, Молит начал разговаривать вслух. Иногда с Малышом Ку, безмолвное тело которого было перекинуто через его широкое плечо. Иногда — с Фини, удивительно терпимо принимавшим любое его чудачество, как самое что ни на есть обычное явление. А бывало, что он, ни к кому не обращаясь, выкрикивал гневные фразы, порожденные жаром голубого солнца и чужой атмосферой. Его тело пока функционировало, а разум уже помутился, но сам он об этом не подозревал.

Во время восьмой остановки Малыш Ку издал горлом тихий прерывистый хрип, впервые со вчерашнего дня открыл свои черные глаза и прошептал:

— Моя много извиняйся.

И с присущим ему спокойствием тихо ускользнул туда, куда уходят Малыши Ку. А Молит не заметил, что его уже нет. Он поднял его тело и понес дальше сквозь зеленый ад, потом опустил его на землю, снова поднял, снова понес: одна изнуряющая миля за другой, один час пекла за другим. Молит иногда разговаривал с ним, и почти всегда Малыш Ку отвечал ему, любезно и без запинки.

— Мы все ближе к цели, малыш. Хорошо продвигаемся вперед. Сегодня прошляп пятьдесят миль. Что ты на это скажешь?

— Чудесно,— ободряюще отвечало мертвое лицо.

— А может, завтра мы пройдем сто. Под этим голубым солнцем. Оно все хочет меня сжечь, но я ему не дам. Вонзается мне прямо в мозг и требует: «Падай, ну, падай же, будь ты проклят!», но я не упаду, слышишь? Ты имеешь дело с Биллом Молитом. А я плюю на голубое солнце.— И он плевал для вящей убедительности, а Малыш Ку лежал, замерев от восхищения.— На следующей неделе в среду мы дойдем до купола. Они там организуют для Сэмми новые ноги. А через месяц во вторник будем уже лететь к Земле.— Он торжественно фыркнул.— И к рождеству мы дома, а!

— Разумеется! — с положенным восторгом отвечал Малыш Ку.

— А Фини угостим говяжьими костями,— добавлял Молит, обращаясь к собаке.— Как ты на это смотришь?

— Сгораю от нетерпения,— отвечал Фини и со всех ног бежал вперед.

Как же хорошо иметь настоящих друзей там, где без них было было бы ужасающе одиноко.

Слышать, как они с тобой разговаривают — они и тот голос, который все звал, звал...

В среду он свернул на восток. Компас лежал там, где он обронил его два дня назад — под необычайной красоты орхидеей, которая издавала зловоние. Он не отличал востока от запада, севера от юга, но его могучее тело продолжало идти, точно забесившийся механизм, который упрямо не желает остановиться. И все это время Фини бежал впереди него на расстоянии прыжка; днем помогал обходить замаскированные ямы-ловушки, по ночам — стерег его.

Его обожженное лицо стало кирпично-красным и было изборождено глубокими морщинами, черными от пыли и пота. Нечесаная свлявшаяся борода клочьями свисала на грудь. Глаза его были налиты кровью, зрачки расширены, но тело продолжало шагать вперед с бездумным упорством робота.

Время от времени он втыкал мачете в землю, выхватывая пистолет и стрелял, кое-как прицелившись, примерно в том направлении, где появлялись какие-то животные, которые напали бы на него, стреляя пистолет бесшумно. Но они убегали от громкого треска пальбы, не перенося этих звуков. Раза два он стрелял в драконов, которые существовали только в его больном воображении. Остановившись передохнуть, он всякий раз беседовал с Малышом Ку и Фини, и они на его блестящие остроумия неизменно отвечали наизабавнейшими шутками.

Как это ни странно, он никогда не забывал покормить собаку. Иногда он так увлекался разговором со своими двумя собеседниками, что пренебрегал необходимостью поесть самому, но не было случая, чтобы он не вскрыл пакета с пищевым концентратом для Фини.

Когда Молит вышел к крайнему отрогу горной цепи, он оказался на возвышенности. Джунгли поределели и постепенно уступили место голым скалам, и пришло время, когда он уже тащился там, где не было ни тропы, ни деревьев, и ничто больше не защищало его от жгучих лучей висевшего в небе огненного шара.

«Выше, еще выше», — настойчиво твердило то, что заменило ему разум. Он взбирался по пологим склонам, оступившись, скользил вниз, хватаясь за предательские выступы скал, чтобы удержаться, но продолжал ковылять дальше. «Попробуй-ка выбраться из ущелья, старик сказал, «Стар Куин» уходит в небо, кто говорит, что Билл Молит в числе погибших? Выше, выше!»

Миля, ярд, дюйм или сколько там — вверх. Потом отдых и беседа. Еще миля, ярд или дюйм вверх. Дыхание его стало затрудненным, прерывистым. Зрение почему-то не фокусировалось, и бывало, что поверхность, по которой он шел, то неожиданно вздымалась перед его глазами, то становилась совершенно плоской, и он спотыкался, застигнутый врасплох.

Две костлявые руки с нечеловеческой силой оттягивали книзу его левое плечо, и что-то темное, издавая назойливые звуки, вертелось у его спотыкающихся ног, обутых в грубые башмаки. Звук теперь слышался со всех сторон: они неслись с высоты небес, они пробивались из глубин его существа, разрушая незыблемую тишину этого мира, которая теперь сменилась адской какофонией.

О, этот лай и визг непонятого создания, что металось перед его глазами, это пульсирующее «у й о у м - у й о у м», которое доносилось с какой-то неведомой точки вблизи огнедышащего, как раскаленная печь, солнца. И голос, сейчас уже гремевший в его душе подобно грому, так что ему наконец удалось разобрать слова.

Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные...

Плевать он хотел на этот голос. Он и прежде никогда к нему не прислушивался. Может, он существует, может, нет. Но голос произнес одно слово, которое заинтересовало его. Одно единственное слово.

«В с е»,— сказал голос.

Он никого не отметил особо.

Никому не отдал предпочтения.

Он сказал: «В с е».

«Точно!» — мысленно согласился Молит и рухнул головой вперед, как сраженный ударом бык, вытянувшись среди раскаленных скал, и маленькое коричневое существо, скуля, принялось лизать его лицо, а голубое солнце продолжало выжигать почву чужой планеты.

«У й о у м - у й о у м» покинул свое место возле солнца, снизился и выбросил тонкую нить, на конце которой висело нечто, похожее на толстого черного паука. Паук коснулся поверхности планеты, разделился пополам и стал двумя людьми, одетыми в тускло-коричневого цвета униформу. В их ноздри были вставлены миниатюрные фильтры.

Бешено крутя обрубок хвоста, Фини прыгнул на первого из них с явным намерением слизнуть с его лица кожу. Жертва взяла Фини на руки, потрепала за уши и ласково шлепнула по спине.

Второй наклонился над телами, потом пошел назад к нити и заговорил в болтавшийся на ее конце аппаратик:

— Честь и хвала твоему зрению, Эл. Ты ведь был прав. Их действительно двое — один ларень тащил на себе другого.— Молчание, затем: — Им неоткуда здесь взяться, кроме как с той спасательной космошлюпки. Жаль, что они не остались в ней, ведь мы засекли ее, когда она опускалась на поверхность планеты.

— Однако же на ее поиски у нас ушло десять дней,— донесся сверху голос пилота.— За такой срок у них лопнуло бы терпение, и они все равно ушли бы в джунгли.— Немного подумав, он заговорил снова: — Я по коротковолновику свяжусь с куполом — пусть они пришлют патруль, чтобы прочесать весь путь отсюда до космошлюпки. Если выжил кто-нибудь еще, то наверняка прячется в зарослях именно по этому маршруту.

— Что значит «кто-нибудь еще?» Эти двое мертвей мертвых. Жива только собака.

— Все-таки не мешает проверить.

— Дело твое.

Отойдя от аппарата, говоривший вернулся к своему напарнику.

— Этот громилка скончался совсем недавно,— сказал тот.— Просто диву даешься, как ему удалось сюда добраться. Мы опоздали всего на несколько минут. А другой умер дней пять назад.

- Какого же черта он тащил на себе труп?
- Откуда мне знать? Может, он был его лучшим другом.
- Кто? Этот недомерок — китаеца? Не будь идиотом!
- Никогда в жизни ничто не заставило его услышать тот голос.
«Все», — говорит он.

Перевод с английского
Светланы Васильевой

■ ПУБЛИЦИСТИКА

ВЛ. ГАКОВ

Сказание о Марсе и о Земле (Три хроники)

Знаешь, что такое Марс? Он смахивает на вещь... их калейдоскопами называют, внутри осколки хрустала, лоскутки, бумага, всякая мишура... А поглядишь сквозь нее на солнце — дух захватывает! Сколько узоров! Так вот, это и есть Марс!

Рэй Брэдбери.
Марсианские хроники

Тут действительно, не одна хроника — целые три.

Вот первая: хроника открытия планеты, события одного месяца.

* * *

Последние недели ноября 1971 года. Специалисты, занятые в области космических исследований, нервничают, у всех на устах слово «Марс». Создается впечатление, что пылевая буря, разразившаяся за 380 миллионов километров от дома, испортила настроение ученым куда больше, чем все земные неприятности, вместе взятые. Ученых можно понять: год «марсианский», великое противостояние планет-соседей — жди потом такого же случая долгие семнадцать лет.

Понятно, что к событию готовились заранее. В мае к Марсу одна за другой отправились сразу четыре межпланетные автоматические станции: американские «Маринеры» с порядковыми номерами 8 и 9 и советские — «Марс-2» и «Марс-3». Стартовавший первым «Маринер-8» спустя несколько минут после старта прекратил существование и рухнул в Атлантический океан. Три других корабля маленькой флотилии продолжали полет, и к описываемому периоду, середине ноября, «Маринер-9» достигает окрестностей Марса. Перейдя на устойчивую ареоцентрическую орбиту, он становится первым рукотворным спутником планеты. Пылевой бури не видно конца, и по «советам» с Земли станция ложится в долгий дрейф, выжидая, когда все прояснится и можно будет приступить к самой ответственной

части программы: фотографированию марсианской поверхности с орбиты.

«Маринеру» не пришлось долго скучать — через две недели появляется «Марс-2». Но у вновь прибывшего иная программа: 27 ноября при подлете станции к Марсу от нее отделяется специальная капсула, которая совершает «жесткую» посадку на поверхность, доставив на Марс вымпел с Земли.

На Земле же по-прежнему волнуются; это не все, главный штурм впереди. Спустя пять дней на исходные позиции для решающего «броска» выходит последний из прибывших, «Марс-3». Обстановка если и изменилась, то к худшему: «мутная пелена, состоящая из частичек сухого песка и пыли, окутала всю планету. Как тут садиться — ни зги не видно... Однако и отступать некуда, поэтому автоматы продолжают неукоснительно следовать программе.

2 декабря по земному календарю спускаемый аппарат станции «Марс-3», развернувшись, начинает снижаться. На заданной высоте, как только скорость уменьшилась до расчетной, раскрывается парашют. Поверхность все ближе, ближе — и когда до «земли» остается метров двадцать, в песок ударяют газовые струи тормозных двигателей. Мягкая посадка! Еще минуты, секунды и...

Обычно пишут: «на Земле затаили дыхание». Конечно, затаили. В Москве было около пяти часов пополудни, когда в контрольно-вычислительный центр поступила информация об отделении спускаемого аппарата. А там, на Марсе, мягкая посадка уже закончилась. И «Марс» должен был послать первую телеинформацию. Если удалось...

Долгие двадцать одну минуту летели в космической пустоте сигналы, переданные со спускаемого аппарата. Ретранслированные мощной аппаратурой орбитального отсека, они неслись к Земле, оповещая ученых, что посадка прошла успешно! Можно представить себе, сколько всего передумали за эти двадцать минут ученые и конструкторы, годы готовившиеся к этому событию и предусмотревшие, кажется, все, кроме злосчастной бури — надо же ей было случиться так не вовремя!

Но двадцать минут оттикало, и примерно в 17.10 по московскому времени в Центр поступили долгожданные первые кадры. Теперь сомнений не было: удалось! Даже внезапное прекращение телепередачи, продолжавшейся считанные секунды, не омрачило радости ученых. Главное все-таки свершилось. Было доказано, что такое — возможно.

Так была написана первая строка «марсианских хроник».

Еще не раз в сторону Красной планеты стартуют автоматические станции, потом полетят пилотируемые корабли, и можно не сомневаться, что до конца столетия телезрители на Земле будут наблю-

дать едва ли не самую волнующую страницу хроник — высадку людей на Марс. Но то, что сделала в ноябрьские дни 1971 года эта «троица» автоматов, было самым нелегким делом. Потому что — впервые...

Запомним этот месяц — ноябрь семьдесят первого, первый месяц «марсианских хроник».

• • •

А вот ровно за тридцать лет до этого — месяц в месяц! — произошло событие, которое вряд ли зафиксировано в анналах специалистов-ареологов, но которое тем не менее имеет самое непосредственное отношение к марсианской теме: в литературу пришел писатель, с чьим именем отныне и всегда будут связаны сами эти слова — «марсианские хроники».

Это уже вторая хроника, хроника создания книги. Начало ее почти точно совпадает с дебютом ее автора. О них — об авторе и о его книге — наш рассказ.

В ноябре 1941 года в американском научно-фантастическом журнале «Сверхнаучные истории» появился рассказ «Маятник», написанный профессиональным писателем Генри Хассе в соавторстве с дебютантом. Имя последнего — Рэй Брэдбери — если и было кому знакомо, то разве что лос-анджелесским любителям фантастики: вот уже три с половиной года долговязый, постоянно улыбающийся парень в очках редактировал неофициальный печатный орган местной Лиги научной фантастики. В «Футури Фантазии» (так назывался журнальчик, печатавшийся на миммографе и украшенный иллюстрациями талантливого художника Ханнеса Бока) публиковались в основном новички. Тогда еще новички Роберт Хайнлайн, Генри Каттнер и сам бессменный редактор журнала.

С осени 1941 года ведется официальная писательская биография Рэя Брэдбери. Факт появления посредственного — даже по меркам той поры — «любительского» рассказа в профессиональном журнале удивления не вызывает. Во-первых, соавтором был профессионал (который, что скрывать, полпросто переписал рассказ заново). А во-вторых, молодой автор два года бомбардировал редакции своими произведениями. Благодаря его недюжинной энергии — 52 рассказа были написаны за один год, 1941-й, по рассказу в неделю! — что-нибудь да должно было со временем проскочить...

Странно другое. После первой публикации — год с лишним полнейшего штиля. При такой-то работоспособности... Но примечательно то, что уже второй из опубликованных рассказов Брэдбери — из марсианской серии.

Вот как это было тогда, сорок лет назад.

Как только вышел «Маятник», Рэй тут же перерыл папки со старыми рассказами, выискивая вторую «цель». Выбор его пал на написанный пару лет назад и почти затерявшийся в подшивках «Футурии Фантазии» рассказ под названием «Трубач». Это история марсианского «гаммельнского крысолова» (помните, тот, что, играя на флейте, увел из города детей?), последнего представителя высокоразвитой цивилизации, некогда правившей Марсом. Герой ведет на бой с инопланетными агрессорами полудиких «жителей холмов». Набат, скликающий войнство,— это труба героя, а захватчики — откуда бы вы думали? — с Земли!

Удивительно все-таки, как рано проявилась в творчестве Брэдбери эта особенная, только одному ему присущая «марсианская» нотка. Тема Марса и его обитателей, раз возникнув, потом уже не покинет писателя, даст рождение едва ли не лучшей его книге и прославит его имя во всем мире. Ведь если образ марсиан-агрессоров нерасторжимо связан в нашем сознании с именем Уэллса, то обратная картина первым делом вызовет в памяти имя Рэя Брэдбери. Вряд ли он мог предугадать это тогда, в начале сороковых, перечитывая рассказ и обдумывая, куда бы его пристроить...

Но — все по порядку. Итак, в один из летних дней 1942 года Рэй зашел в квартиру, на которую совершал набеги и ранее. Место было знакомое: именно здесь, в двух шагах от угла улиц Нортон и Олимпик, начинающий писатель зарабатывал себе на жизнь, торгуя с лотка местной газетой. Юноша прекрасно знал и хозяев — писателя-фантаста Эдмонда Гамильтона, который тогда уже ходил в «королях космической оперы», но не гнушался помочь новичкам, и его друга, литературного агента из Нью-Йорка, Джулиуса Шварца. Шварц страстно любил фантастику и на советы не скупился. К нему-то и направился Рэй со своим «Трубачом».

В помещении было душно, а на улице нещадно палило солнце. Убежав с солнцепека в тень, Шварц и Брэдбери уселись прямо на тротуаре и с головой погрузились в работу. Шварцу рассказ «показался», но молодому автору были поставлены жесткие условия: фактически требовалось все переписать заново. Брэдбери долго не упрямялся, и работа закипела. Продолжалась она несколько часов кряду, а короткого перерыва едва хватило на то, чтобы проглотить «гамбургер» (круглая аппетитная булка, разрезанная по экватору, а внутри — котлета, листок салата, долька помидора или маринованного огурчика, кетчуп и тому подобная вкуснота), запив его бутылкой подслащенного «солодового» молока...

В результате рассказ был выправлен до неузнаваемости и, по мнению Шварца, смотрелся надурно. Захватчиков-землян он решительно убрал, заменив их на более «нейтральных» агрессоров с Юпитера. Мягкие пастельные описания призрачных марсианских го-

родов (а они были, эти города, в первой редакции рассказов) уступили место энергичным, крепко сколоченным фразам. Заиграл сюжет, настроение уступило место грубо-вещественному действию. Словом, теперь рассказ был «что надо».

Еще наступит время, и уже не Брэдбери придется подделываться под среднестатистические стандарты книжного рынка, а сами законодатели — редакторы и издатели — будут с руками отрывать брэдбериевские рассказы. Какими бы непривычными они ни казались на первый взгляд... Пока же юным автором владеет единственное стремление — напечататься, и он не сопротивляется «давлению».

Профессиональная интуиция не подвела Шварца — рассказ тотчас же приняли в журнал с труднопереводимым названием (что-то вроде «Захватывающе-удивительные истории»). И в феврале 1943 года Рэй Брэдбери получает свой первый самостоятельный гонорар. Заметим этот штрих в биографии: первый самостоятельный* рассказ — про Марс.

С момента публикации «Трубача» рассказы пошли споро — один за другим. Слово плотина прорвалась! Той зимой Рэй даже перестал продавать газеты, решив перейти, что называется, «на вольные хлеба». Голова его забита десятками сюжетов, идей, ждущих реализации, а тут еще неожиданный успех в популярном журнале «Жуткие истории», название которого говорит само за себя... Молодой автор буквально разрывается на части от обилия планов, и Марс, заблестав было на горизонте, на время забыт.

Только в дневнике промелькнула запись: «Работаю над книгой о людях на Марсе». Шел тогда 1944 год.

И так — все сороковые годы. Биография писателя полнится фактами и датами. Но вот о том, что где-то в непостижимых тайниках сознания молодого Брэдбери рождается, наливается соком главная книга, можно только догадываться. Какие-то отдельные штрихи, даже не эпизоды, — словно отблески молнии, сверкнувшей где-то далеко-далеко, даже и уследить не успеваешь...

А в Европе бушевала война, развязанная гитлеровской Германией. Целые страны были растоптаны кованым немецким сапогом, и только Советский Союз, приняв на себя всю тяжесть борьбы с фашизмом, смог устоять. Но в Америке об этом почти не знали (да и до сих пор, как выяснилось, не знают)... Только в канун сорок второго года, когда Россия буквально истекала кровью, сдерживая натиск немцев, война докатилась и до берегов Америки.

* Пока «Трубач» лежал в редакции, вышли еще два рассказа Брэдбери. Но все они (вместе с «Маятником») были явно или неявно написаны в соавторстве (так, к рассказу «Свеча» конец дописал закадычный друг Брэдбери по Лос-Анджелесской Лиге Г. Каттнер).

7 декабря название никому доселе неизвестного места в Азии — Пирл-Харбор — тенью национального позора повисло над Соединенными Штатами, население которых успели приучить к тому, что «у нас это невозможно», — и американцы волей-неволей перестали относиться к войне, как к событию европейскому. Рэй в армию не взяли по близорукости, но и он, конечно же, повидал и передумал за эти военные годы многое. Главные антивоенные вещи Рэя Брэдбери — «Марсианские хроники» в их числе — еще только «обкатывались», но понимание бессмысленности и аморальности человеческой бойни, затеянной «сверхчеловеками», уже накрепко засело у него в голове. А что такое «фашизм», будущий писатель потом познал и на собственном опыте, но уже в своей родной Америке...

Проходят три военных года, и только осенью 1945-го — долгожданная, давным-давно запланированная поездка в Мексику на автомобиле. Поехали вдвоем: спутником Рэя был художник Грант Бич. Путешествие было задумано как своего рода творческая командировка: по заказу Лос-Анджелесского музея друзья собирали в Мексике коллекцию народных масок. А кроме того, в течение двух месяцев молодой писатель еще и накапливал необходимый «багаж» впечатлений для будущего «мексиканского» цикла.

И именно здесь, в Мексике, в душном мареве устоявшегося воздуха, возможно, увидел впервые Рэй Брэдбери другую пустыню — покрытую ровной геометрической сетью высохших каналов, на мраморных берегах которых раскинулись дивные, как сон, города с опустевшими домами, скорбными как усыпальницы. А звездными ночами, когда жара чуть отпускала, но не уходила совсем, чудились ему, наверно, те же города, но еще более загадочные в лунном свете, непривычно ярком свете от двух лун сразу...

Весной же сорок шестого случилось то, что легко может случиться, если вам двадцать пять, душа полна романтики и поэзии, а на дворе — апрель. В книжном магазинчике Фаулера Рэй встречает девушку, Маргарет Сьюзен Макклор — до Марса ли тут было.

Впрочем... Песчаный пляж на десятки миль, отгородивший город от океана, словно нарочно был создан для влюбленных. Во время частых свиданий на берегу, Брэдбери хорошо это помнит, под шорох-аккомпанемент прибоя Маргарет вслух читала своих любимых поэтов — Байрона и американскую поэтессу начала века Сару Тисдейл. А Рэй вглядывался в дрожание струившейся с горизонта лунной дорожки, слушал и повторял про себя — в десятый, сотый раз — полюболюбившиеся строки:

Не бродить уж нам ночами,
Хоть душа любви полна,
И по-прежнему лучами
Серебит простор луна...

Вспоминаете эти строчки? Они прозвучат в одной из самых ярких новелл будущих «Марсианских хроник» (Брэдбери так и назовет новеллу: «И по-прежнему лучами серебит простор луна»). И прозвучат такой же волшеббно-лунной ночью, а в воздухе, не по-июньски морозном (новелла датирована июнем 2001 года), будет разлит свет все тех же двух лун...

Как робко, но и неудержимо, рвется к свету росток, которому суждено не только расцвести, но и затмить своей красотой все вокруг!

Сам автор еще вряд ли догадывается, что за образы тревожат его фантазию, но Марс уже тут, перед глазами — зыбкий, переливающийся, завораживающий.

Жизнь шла своим чередом, только слово «Марс» мелькало теперь почаще. Летом того же сорок шестого года читатели журнала «Планетные истории» с восторгом встретили новый рассказ Брэдбери — «Пикник на миллион лет». Позже автор сменил название на более лаконичное: «Каникулы на Марсе» — под таким заголовком нам и запомнился первый из напечатанных и последний по хронологии рассказ «Марсианских хроник». И, вероятно, лучший.

Вот ведь как вышло: конец вовсе не венчал дело, совсем наоборот. И быть может, именно в это время Брэдбери посетила шальная мысль, а что если... Он уже по-деловому, вполне профессионально вглядывается в мир, который черне создан в голове и который осталось только перенести на бумагу. Действительно, всего ничего: по заключительному фрагменту цикла восстановить весь цикл целиком!

Но его вновь отвлекают! Правда, и на этот раз событие нешуточное: первая книга, вышедшая неожиданно даже для самого автора. Зимой сорок шестого — сорок седьмого года небольшое издательство «Аркхэм Хаус», специализирующееся на выпуске «страшной» литературы (оно было создано для пропаганды творчества недавно умершего американского писателя Говарда Лавкрафта, «короля» романов ужасов), вдруг возымело желание издать томик рассказов молодого автора Рэя Брэдбери. И уже в октябре счастливый дебютант с едва скрываемым трепетом ощупывал суперобложку, на которой были изображены злоеющие маски и крупными буквами значилось имя автора: Рэй Брэдбери.

И Чуть ниже — заголовок: «Темный карнавал». Посвящена была книга Гранту Бичу.

В сборнике, изданном тиражом 3000 экземпляров, научной фантастики почти что и не было. Ведьмы и скелеты, угрюмые заброшенные дома на пустырях, полные привидений и тайн, карлики и детичудовища, загадочные мексиканские мумии и зловещие чучельщики...— мир ночных кошмаров заполнил страницы этой книги, сея в душе читателя то особенное «осеннее уныние», которое потом будут связывать с именем Рэя Брэдбери.

Вторая книга, твердо решил Рэй, откроется посвящением жене Маргарет: 27 сентября в лос-анджелесской епископальной церкви мисс Макклюр стала миссис Брэдбери.

То, что вторая * книга не за горами, Брэдбери знает наверняка. За день до свадьбы он в торжественно-шутливой обстановке сжигает свои ранние «пробы пера», «миллион слов дурной прозы». В это время он ощущает себя уже настоящим профессионалом, хладнокровно рассчитывая наперед будущие публикации. К этому есть основания: его заметили. Рассказы Брэдбери, правда, не научно-фантастические, начали проникать на страницы журналов «Америкэн Меркьюри», «Колльерс», «Шарм», «Мадемуазель», «Нью-Йоркер», «Харперс», куда никак не могли прорваться коллеги-одногодки Рэя. А рассказ «Возвращение домой» (этот-то фантастический — из серии о дядюшке Эйнаре и его семейке!) включили в весьма престижный сборник-ежегодник «Лауреаты премии имени О'Генри» за 1947 год.

Тем не менее живет семейство Брэдбери, пополнившееся шумным младенцем, по-прежнему скромно, на 250 долларов в месяц — половину зарабатывает Маргарет, половину приносит писательская деятельность Рэя. Работать приходится много, и когда скудеет поток гонораров из редакций, Рэй прирабатывает на радио.

О чем же он пишет в эти годы, годы до «марсианских хроник»? Практически обо всем. Продолжает щекотать нервы читателей жуткими историями, от которых буквально мороз по коже. Восстанавливает в памяти недавние мексиканские впечатления, а то вдруг фантазия уносит его далеко-далеко, и тогда по страницам рассказов словно пронесется ветер романтических звездных странствий... Уже опубликованы рассказ «Ветер», написанный явно «под Хемингуэя», и сделанная в лучших традициях научной фантастики маленькая повесть об обитателях странной планетки, где вечно палит солнце и жизнь коротка (мы теперь знаем этот рассказ под названием «Лед и пламень»). С одинаковым блеском, неожиданным для вчерашнего

* До этого Брэдбери успевает закончить сборник стихов для детей «Зажигайте ночь». Написанная за неделю, в самом конце ноября 1949 года, книга почти поспела к рождению дочери, которую назвали в честь матери Сюзен Маргарет (вышла книга в свет позже, в 1955 году).

дебютанта, исполнены полная мрачного фатализма «Коса», чарующее «Диковенное диво» и адресованная таким же молодым романтикам, как и сам автор, новелла «Король серых пространств» («Р — значит ракета»).

Среди разбросанных по редакциям рассказов — а иные уже вышли в свет — есть и интересующие нас, «марсианские».

Разные они, непохожие друг на друга. Сатирический памфлет на незадачливых захватчиков-марсиан («Бетонотомешалка»). Философская миниатюра «Голубая бутылка». Страстный протест против ханжества, бескультурья, мракобесия — рассказ «Изгой». Наконец, прекрасный рассказ «Наименование имен» (позднее Брэдбери озаглавил его несколько иначе, поэтичнее: «Были они смуглые и золотоглазые»), в котором уже верно схвачены стиль, настроение, общий колорит будущей книги о Марсе.

Все ближе и ближе Брэдбери к цели, словно кругами ходит, еще никак не решаясь или же не догадываясь сделать качественный скачок: объединить все написанное о Марсе в единое целое. К 1949 году все новеллы будущего цикла уже готовы, но только один рассказ, «Третья экспедиция», осенью выходит в «Планетных историях». Остальные пока никто не берет. Тут-то в голове автора рождается парадоксальное, но оказавшееся верным решение: не берут порознь, возьмут скопом.

Быстро набросана схема будущей книги. В первом варианте главы имели стереотипные названия: «Министр», «Доктор», «Юрист», «Торговец» и так далее. Потом Брэдбери выдумал хронологию, изменил почти все названия новелл и, упаковав все это в одну большую папку, проставил на обложке заглавие: «Марсианские хроники». После чего в июне отправился в Нью-Йорк на поиски издателя. Сначала все отказывались от предложенной рукописи, пока, наконец, в издательстве «Даблдэй» от редактора, носившего по странной случайности ту же фамилию — Брэдбери, молодой автор не услышал заветное: «Хорошо, мы берем ваш роман».

Ему еще пришлось сфотографироваться для портрета на обороте суперобложки. Снятый почти в профиль, крепко сложенный молодой человек с красивыми пытливыми глазами (очки он по такому случаю снял), волосы стрижены под модный «бобрик», руки сложены на груди, строго официальная «бабочка»... Мог ли он знать тогда, что именно этот портрет обойдет полмира, и еще долгие годы, открывая книги Брэдбери, читатели самых разных стран будут постоянно видеть его вот таким, «образца 1949 года», молодым, устремленным в свое писательское завтра!

«Марсианские хроники» увидели свет в мае 1950 года, за двадцать один год до того, как на Марс был доставлен вымпел с Земли. И вместе с «Марсианскими хрониками» взошла звезда Рэя Брэдбери.

Январем 1999 года датирована первая новелла «Хроник», и нетрудно сообразить, почему. Закончив в 1949 году рукопись, Брэдбери просто отсчитал «круглые» полвека и туда-то, в самый конец нашего столетия, отнес начало своей истории.

Первую новеллу «Ракетное лето» обычно не вспоминают, да и не новелла это в полном смысле слова. Всего лишь заставка, музыкальный затакт. А вот следующая сразу же, первыми же строчками властно увлекает читателя, топит в глубине брэдбериевской фантазии, чарует брэдбериевской лирикой, ласкает слух музыкой брэдбериевского слова:

«Они жили на планете Марс, в доме с хрустальными колоннами, на берегу высохшего моря, и по утрам можно было видеть, как миссис К ест золотые плоды, растущие из хрустальных стен, или наводит чистоту, рассыпая пригоршнями магнитную пыль, которую горячий ветер уносил вместе с песком. Под вечер, когда древнее море было недвижно и знойно, и винные деревья во дворе стояли в оцепенении, и старинный марсианский городок вдали весь уходил в себя, и никто не выходил на улицу, мистера К можно было видеть в его комнате, где он читал металлическую книгу, перебирая пальцами выпуклые иероглифы, точно струны арфы. И книга пела под его рукой, певучий голос древности повествовал о той поре, когда море алым туманом застилало берега и древние шли на битву, вооруженные роями металлических шершней и электрических пауков.

Мистер и миссис К двадцать лет прожили на берегу мертвого моря, и их отцы и деды тоже жили в этом доме, который поворачивался подобно цветку, вслед за солнцем, вот уже десять веков...»

Какие же еще слова нужно было найти, чтобы вот так, сразу, создать нужное настроение: мы — на Марсе!

Рассказ называется «Илла»... Само это имя навевает понятные нам ассоциации — Азлита. Удивительно: Марс, символ-бог мужского начала, окрашенный в цвет крови,— и вдруг что-то теплое, женское, откуда-то взялись любовь, тоска, поэзия! Странно, ведь не читал же Брэдбери Алексея Толстого, зато в детстве буквально упивался Берроузом, а у того кровь лилась рекой, все восхищались подвигами «настоящего мужчины» Джона Картера, а если и была принцесса-марсианка, то уж слишком кукольная, чтобы всерьез говорить о каких-то чувствах... Но и Брэдбери увидел все же на Марсе свою Азлиту — Иллу.

Илла — само воплощение марсианского мира, красивого, как поэзия. Это мир изнеженно-хрупкой, почти бесплотной красоты, купающийся в музыке, застывший в самосозерцании на веки вечные. Мир грез и беспечности, и удивительно красивого, возведенного чуть ли

не в эстетику, бездействия... Все недвижно-мраморное, серебряное и бронзовое — и подвижно-хрустальное, тонкое и изящное, как паутинка. Красивое — и неживое.

Не зря пришло в голову сравнение с паутиной, символом застоя и мертвенности. Разве не удивительно, что болезненно-чувствительная, как нерв, Илла, единственная, по-видимому, отзывчивая душа в этом мире — в нем же и чужая? Брэдбери даже не мазками, лишь едва заметным касанием кисти помечает: общество, достигшее покоя и умиротворенности (не это ли желанные гармония и совершенство?), полно и скрытой коросты — неверия, равнодушия, презрения ко всему непривычному, чужому.

Здесь стоит остановиться, это важный момент.

Уже в прологе намечена главная тема брэдбериевского «сказания о двух мирах»: потеря чувства удивительного, слепота, мешающая разглядеть в непривычном прекрасное, презрение ко всему, что идет вразрез со вбитыми в голову стереотипами, — все это страшные вирусы, которые могут привести цивилизацию к «летальному» исходу. Именно эти вирусы, а не прозаическая ветрянка, занесенная землянами, положили конец марсианской идиллии. А чуть позже подстергут и землян-поселенцев; ведь надменно-презрительные слова мужа Иллы, марсианина, «ничего не может произойти, у нас все в порядке» автор тоже не высосал из пальца...

Трагически проходит первый контакт землян с Марсом, обитатели которого поначалу просто не желают признать существования чужих. Муж Иллы убивает землянина только потому, что тот — чужак, несущий с собой семена неуверенности и неопределенности в раз и навсегда заданный порядок вещей. Членов Второй экспедиции запирают в сумасшедший дом, а местный психиатр убьет их, так и не поверив, что они действительно существуют. Еще успеют марсиане, овладевшие искусством телепатии, усыпить подозрения членов Третьей экспедиции (да и как не поддаться «чарам»: летели в черт-те знает какую даль, на Марс, а села ракета на ухоженной лужайке, в двух шагах от щемяще-знакомоего дома из детства...).

Все равно развязка неизбежна, и когда в июне 2001 года на Марс прибывает Четвертая экспедиция, она находит его пустым. Ни души — только мраморные берега каналов да опустевшие чудогорода, молчаливыми призраками глядящие из ночи.

Эта новелла — одна из поворотных вех «Хроник». Не только век меняется, меняется вся схема взаимоотношений Земли и Марса. Остался мир марсиан, вечный, словно впитавшийся в воздух и почву планеты. Как-то выдержит он столкновение с пришельцами из другого мира, сиюминутного и суетного?

Начиная с этого момента в книге властно звучит тема «американцев на Марсе». Именно американцев: «со второй волной надо было

доставить людей иных стран, со своей речью, своими идеями. Но ракеты были американскими, и прилетели на них американцы». Никто, разумеется, в сороковые годы в Америке не мыслил себе космическое будущее иначе как американским, но не потому Брэдбери старательно подчеркивает национальную привязку своей истории. Подсознательно он понимал, что его Марс в такой же степени «Марс», что и Оклахома, Техас, вообще Дикий Запад в период освоения.

Американцы на Марсе — а значит, у себя дома. Так они всегда и везде вели себя: как дома. Развертывали бойкую коммерцию на развалинах исторических памятников. Беззастенчиво галдели там, где правила приличия требуют благоговейной тишины, оскверняли мраморные плиты, простоявшие нетронутыми столетия. И всегда, везде непреодолимо и упрямо переделывали все по-своему, даже и не пытавшись понять чужое.

Эти в поколениях сложившиеся «гены» панамериканизма, заставляющие на всю Вселенную смотреть сквозь звездно-полосатые фильтры, хорошо понимает один из героев книги Джефф Спендер, вступившийся — единственным из землян — за древнюю марсианскую культуру:

«Когда я был маленьким, родители взяли меня с собой в Мехико-сити. Никогда не забуду, как отец там держался — крикливо, чванно. Что до матери, то ей тамошние люди не понравились тем, что они-де редко умываются и кожа у них темная. Сестра — та вообще избегала с ними разговаривать... И я отлично представляю себе, что, попади отец и мать на Марс, они повели бы себя здесь точно так же. Средний американец от всего необычного нос воротит. Если нет чикагского клейма, значит, никуда не годится...»

Донкихотство Спендера, его попытка если и не отстоять Марс в неприкосновенности, то хотя бы отсрочить неизбежное вторжение, конечно, обречена на провал. Но и донкихоты нужны — одним тем, что подают пример. Спендер гибнет, однако остается капитан Уайддер, а с ним — спендеровское сомнение.

Пока же ничего у Спендера не вышло, и — началось:

«Земляне прилетали на Марс. Прилетая, потому что чего-то боялись, и ничего не боялись, потому что были счастливы и несчастливы, чувствовали себя паломниками и не чувствовали себя паломниками. У каждого была своя причина. Оставляли опостылевших жеи, или опостылевшую работу, или опостылевшие города; прилетали, чтобы найти что-то, или избавиться от чего-то, или добыть что-то, откопать что-то и зарыть что-то, или предать что-то забвению. Прилетали с большими ожиданиями, с маленькими ожиданиями, совсем без ожиданий».

Все это уже было на памяти у американцев: Великое Заселение

континента, суровый быт поселенцев, дух «фронтира». Немудрено, что голос Брэдбери прямо-таки дрожит от романтической приподнятости, когда он рассказывает о подвиге Дрисколла, взрастившего первое дерево на Марсе («Зеленое утро»), и другого американца, Хетауэя, своими руками воскресившего утерянных жену и детей, чтобы не пропасть в одиночестве («Долгие годы»), когда он говорит вообще обо всех рядовых пионерах, руками да смекалкой превращающих чуждый безжизненный мир в новый дом, теплый и уютный.

Но грех было бы не помнить и о том, что сопутствовало подобной романтике. Дрисколл и Хетауэй — настоящие американцы, такими бы гордились и наверняка воспели Уитмен и Мелвилл. Но и Сэм Паркилл, открывший сосисочную на берегу древнего марсианского моря,— такой же национальный «герой», над ним не преминул бы зло поиздеваться Марк Твен. И хотя в последующих новеллах цикла так и не появятся марсиане-«индейцы», их почему-то подсознательно ожидаешь от рассказа к рассказу...

Брэдбери честен по отношению к соотечественникам, его пером водит история его страны. Вот почему «Марсианские хроники» — это как бы «воспоминание о будущем» нанзанку: предчувствие прошлого.

Только хочется писателю верить, что марсианская культура отстоит себя перед нашествием бескультурья и нового «машинного» варварства. И в книге о Марсе, этой удивительно полифонической вещи, в каждом «такте» мы слышим одну пронзительную ноту: упрямое сопротивление марсианского мира, противящегося насилию, тихо, подспудно отторгающего инородное. Как тут не пожалеть о том, что рассказ «Были они смуглые и золотоглазые» так и не был включен окончательно в текст «Хроник»? Здесь точно схвачено главное: можно сколько угодно переименовывать, переименовывать то, что уже имело имя, но куда неизменной остается суть, имя ее также остается вместе с нею. Уйдут земляне, рассыпятся в прах их наспех сколоченные поселки, и тотчас же растают в марсианском воздухе без следа чужие слова и имена...

В самих же «Хрониках» об этом говорится вскользь, намеком, яснее всего, пожалуй, в новелле «Ночная встреча». Брэдбери так и не откроет секрета, кто из встретившихся этой ночью принадлежит будущему, а кто — прошлому. Это ведь как посмотреть: марсианин видит только свои мраморно-хрустальные города, американский паренек-шофер — лишь знакомые и привычные грубоватые поселки с домами, сработанными из досок и алюминия... Писатель буквально заморожен этим неконтактом времен и культур, а читатель начинает догадываться, что все не просто, что еще вернется марсианский мир на круги своя. Или будет что-то иное? Зная наперед сюжет и финал

«Хроники», можно ответить: да, что-то другое. Возвращение, но и переход на качественно иной цикл.

Марс — Земля, Земля — Марс... Эта игра двух противоположностей повторяется на всем протяжении «Хроник». Словно «инь» и «янь», две сопряженные в окружности, переходящие друг в друга запятые, изумившие древнекитайских философов совершенством символа, — Земля с Марсом отражаются, противостоят, но и продолжают друг друга. Стоило уйти со сцены марсианам, как все настойчивее, по нарастающей зазвучала тема «земных хроник».

Эта «контртема»* органично вписана в художественную ткань книги. Сначала как отзвук, затем все громче и, наконец, в финале достигает кульминации.

Увы, тема Земли у Брэдбери неразрывно связана с тревогой за Землю — годы, когда писались «Хроники», к иным настроениям и не располагали.

Уже в одной из первых новелл герой вскользь бросает, что в 2000 году разразится атомная война. И в другой миниатюре, «Берег», мелькает тревожное: «Мир был поглощен войной, или мыслями о войне...» Что конкретно назревает на Земле, Брэдбери поначалу не объясняет, хотя в отдельных новеллах «Хроник» выражает свою тревогу и гнев предельно конкретно. Не перечисляя всех симптомов болезни, он точно выделяет некоторые из них и ставит диагноз. Агрессивное неприятие чужого мира и чужой культуры («И по-прежнему лучами...»), расовая ненависть («Высоко в небеса» и не вошедший в «Хроники», но сюжетно примыкающий рассказ «Око за око!»), наконец, излюбленная мишень писателя — ханжество и бескультурье, прикрывающиеся именем науки и «заботой о нравственном климате» (брошенная в рассказе «Эшер 2» фраза о «Великом Костре 1975 года» — имеется в виду костер из книг! — разве не тема это грядущего романа Рэй Брэдбери «451° по Фаренгейту»!).

И опять мы видим: в основе болезни — неприятие чужого, чуждого. Чужих культуры и образа мыслей. Скудоумие, нравственная слепота в сочетании со злобой или равнодушием — все это, по мнению Брэдбери, семена. А семена когда-нибудь да дадут всходы.

По календарю «Хроники» это случилось в ноябре 2005 года.

* А земная привязка книги чувствуется даже в мелочах. Можно проследить, например, как словно невзначай разбрасывает Рэй Брэдбери тут и там лично ему близкие, «домашние» детали. Описание дома, «извлеченного» марсианами из памяти космонавта, в рассказе «Третья экспедиция», словно сошло со страниц автобиографических воспоминаний самого Брэдбери. А имена! Мы встретим среди персонажей «Хроник» и Сэмюэла Хинкстона (так звали деда Рэй Брэдбери), и героя по фамилии Макклюр (фамилия жены писателя) и даже Сполдинга — вспомните героя «Вина из одуванчиков» Дуга!

В тревоге застыли лица поселенцев: они слушают безрадостные вести с Земли, где болезнь зашла слишком далеко и наступил кризис. Земля зовет своих детей домой, на войну, и все они, как один, собираются в дорогу — если и не победить в этой бессмысленной, затеянной помимо их воли войне, то хоть умереть на родине.

Близок финал «Хроник». Марс снова пустеет. Лишь Сэм Паркхилл остается наедине с женой и соседочкой, в которой, похоже, не скоро появятся посетители («Мертвый сезон»). Да затерялся в одном из городов некто Уолтер Грилл, но тот не грустит: еды, товаров, брошенных в слешке, навалом, — живи не тужи! («Безмолвные города»). И, наконец, Хетауэй. Он проживет на Марсе двадцать лет — проживет, чтобы умереть в кругу любящей родни (не беда, что все это искусственное, воссозданное из небытия руками и разумом человека, испугавшегося одиночества), да старого друга по Четвертой экспедиции, капитана Уайлдера, к тому времени вернувшегося на опустевший Марс из дальнего рейса («Долгие годы»).

Эти грустные новеллы — как предчувствие финала. А две последние, датированные августом и октябрем 2026 года, — это уже финал.

Двадцать семь лет прошло с начала полетов на Марс, и двадцать — с момента смертоубийственной войны на Земле. Обернулась один раз часовая стрелка «Хроник», но пришла-то отнюдь не в исходное состояние. Все так же, как было до прихода землян на Марс, и не так. Марс пустынен, но к этому времени почти полностью опустела и Земля. «Жизнь на Земле никак не могла устояться, чтобы хоть что-то сделать как следует, основательно. Наука слишком стремительно и слишком далеко вырвалась вперед, и люди заблудились в машинных дебрях, они, словно дети, чрезмерно увлекались занятыми вещами, хитроумными механизмами, вертолетами, ракетами. Не тем занимались: без конца придумывали все новые и новые машины — вместо того, чтобы учиться управлять ими. Войны становились все более разрушительными и в конце концов погубили Землю...»

В словах героя новеллы «Каникулы на Марсе» — вся горечь души Рэя Брэдбери, прекрасно понимающего, что не «человечество вообще» повинно в том, что произошло. Писатель не расставляет политических акцентов, но его совесть художника беспощадна по отношению к соотечественникам, и у читателя не остается сомнений, по чьей именно вине была развязана термоядерная катастрофа. Слишком уж все в «Марсианских хрониках» — американское...

Но еще лучше писатель говорит о человечестве, «заблудившемся в машинных дебрях», в коротком рассказе «Будет ласковый дождь». Это и не грусть, и даже не гневная проповедь — святая ярость рвалась из груди Брэдбери, пока пальцы отбивали на

клавиатуре машинки этот маленький реквием по человечеству. Сколько же надо было перестрадать, чтобы новелла — самая «земная» в хрониках — впечатляла больше, чем добрая дюжина иных романов о конце человечества в атомном пожаре!

...Все погибли, а Дом — механизированное чудо века — жив. По-прежнему исправна электроника, все так же, будто ничего и не произошло, Дом обслуживает несуществующих хозяев, холит их, кормит, защищает, развлекает. И если правда, что вещи — продолжение людей, созданы по их образу и подобию, то и этот Дом многое говорит о людях. Не обо всех людях, а о тех, что жили в обществе, символом которого стал Дом, живое воплощение доведенной до идиотизма страсти к комфорту. Истериически-подозрительный, наглухо закрытый для всех «чужих» («самосохранение, граничащее с психозом»), полный какого-то своего, механического, «самоомнения» и внешней респектабельности — так и видишь воочию сияющую, самоуверенную, стопроцентно-американскую улыбку Дома! Механически-бесчеловечное равнодушие, скрытое обязательной улыбкой на фасаде, — нужен ли символ прозрачнее?

Как и Дом, люди поначалу пытались бороться с опасностью, старались что-то противопоставить нашествию машин, не одушевленных человечностью. Ведь любимые стихи хозяйки Дома, которые тот продолжает, словно в издевку, декламировать изо дня в день, не о рычагах и винтиках, а о природе, весне... Но — не вышло...

И когда не вышло на Земле, последние, кто сумел вовремя понять, что все кончено, вновь устремились на Марс. Мужчины и женщины, и их дети — новое поколение марсиан. Решившие начать все строить заново, они первым делом жгут книги. Особенности книги: биржевые вестники, религиозные и политические трактаты...

«Я сжигаю образ жизни — тот самый образ жизни, который сейчас выжигают с лица Земли... Я был честным человеком, и меня за это ненавидели... Тот образ жизни доказал свою непригодность и сам себя задушил. Вы только начинаете жить. Я буду повторять все это каждый день, пока вы не усвоите». Подумать только, эти обращенные к детям слова, которые звучали бы уместнее в устах взрослого, много пережившего человека, были на самом деле написаны юношей двадцати пяти — двадцати шести лет отроду. Написаны, когда еще не только книги — самого замысла «Хроники» не было и в помине!

...Цитатой мы начали рассказ о «Марсианских хрониках» — цитатой и завершим его. Марсианская фантастическая «эпопея» Брэдбери заканчивается сценой, которая, будучи раз проиграна, не исчезнет из памяти никогда. Вместе с дымком от тлеющих головешек уходит в небытие само напоминание о землянах, некогда наводнивших Марс своими вещами, своими словами и идеями. словно просыпаясь после тяжелого долгого сна, древний Марс с удивлением

оглядывает горстку людей на берегу канала. Людей? Или — марсиан?

«— Мне всегда так хотелось увидеть марсианина,— сказал Майкл.— Где же они, папа? Ты ведь обещал.

— Вот они, смотри,— ответил отец. Он посадил Майкла на плечо и указал прямо вниз.

Марсиане!.. Тимоти охватила дрожь.

Марсиане. В канале. Отраженные его гладью. Тимоти, Майкл, Роберт, и мама, и папа.

Долго, долго из журчащей воды на них безмолвно смотрели марсиане...»

Октябрь 2026 года — стоит в подзаголовке последнего рассказа. Октябрь — тяжелый, грустный месяц для Брэдбери, но в то же время как-то противостественно любимый. В октябре случаются невзгоды, октябрь рождает мрачные мысли, приходящие под стук дождя по карнизу... Может быть, поэтому финал «Марсианских хроник» печален, даже беспросветен. А в отблеске крохотного костра из книг, осветившего на мгновение берег марсианского канала, мы с тревогой видим образ другого огня — всепожирающего, справляющего свой «бал» огня из следующей книги Рэя Брэдбери, ждать которой осталось недолго. Романа «451° по Фаренгейту».

* * *

Успех «Марсианских хроник» был поистине фантастическим: в том же мае 1950 года вышло второе издание, затем — третье, четвертое... К настоящему времени общий тираж книги исчисляется семизначной цифрой, а количество зарубежных изданий приближается к четырем десяткам. На обложке следующей книги Рэя Брэдбери под фамилией автора значилось знакомое и понятное массовому читателю: «автор «Марсианских хроник».

В последующие годы писатель не раз возвращался к своему Марсу, и в каждом новом рассказе обязательно проскальзывали знакомые штрихи — иначе и быть не могло, шли годы, а Марс не отпускал, все подталкивал, заставлял что-то добавить, досказать... И в рассказе «Земляничное окошко» нам обязательно припомнится Дрисколл из «Зеленого утра», а «Улыбка» вновь разожжет притихшие с годами ярость и гнев, рожденные «Изгоями» и «Эшером 2»... Были, впрочем, и другие рассказы про Марс, например, с явным религиозным оттенком («Огненные шары», «Мессия», «Машины счастья»).

И все-таки чувствовалось, что Брэдбери начинает уставать от Марса, а рожденное дитя уже живет собственной жизнью и уходит из-под родительского крыла. Поэтому, когда в начале семидесятых вышел замечательный многоплановый рассказ «Затерянный город на Марсе», большинство восприняло его как итоговый.

Знакомые лица — капитан Уайлдер и Сэм Паркхилл. Знакомый, полюбившийся мир, но теперь уже окончательная сказка с обязательным для сказки исполнением желаний. Мир-сирена, завораживающий, притягивающий и уже не выпускающий обратно. Да и зачем бежать? Не покойнее ли остаться, кулеясь веки вечные в безмятежности и наслаждении! Или же постоянно подогревая кровь желанными приключениями и опасностями. Или открывая новые истины. Каждому свое, но каждому — желанное...

И от этого-то Марса-искусителя бежит прочь капитан Уайлдер, бежит, чтобы окончательно выбрать настоящее: звезды, ракеты, тревоги и восторги жизни, все это вместо сонных грез. Не сам ли автор бежит вместе с Уайлдером, покидая мир, который подарил людям?

Может быть, и так. Но что нам до этого — нам, читателям, для которых брэдбериевский Марс стал такой же реальностью, как и города Александра Грина, как астероид Маленького Принца? Настоящие сказки не умирают, на то они и сказки.

Осталось заполнить еще одну страницу той самой реальной хроники, с которой мы начали наш рассказ.

...Марс, долнна Хриса, чуть к северу от экватора, 20 июля 1976 года. Войдя в плотные слои атмосферы, американская станция «Викинг-1» начинает мягкую посадку на поверхность планеты. На высоте шести километров раскрывается парашют, а чуть позже одновременно с выдвижением трехногого шасси, включаются тормозные двигатели. И вот станция на поверхности Марса! Включается телекамера, и через двадцать минут на Земле начинают расшифровывать первые телекадры.

Унылое зрелище — одна бесконечная, безжизненная пустыня кирпичного цвета, в изобилии усыпанная камнями. Ничего больше... А последующие эксперименты «Викингов» подтвердили самые пессимистические прогнозы: если и есть шансы найти жизнь на Марсе, то они близки к нулю. Грустно...

И все-таки это не закят «марсианских хроник», еще одна прекрасная страница будет — должна быть — написана.

Когда-то — не могу не верить в это! — заложат на Марсе первые города. Легко вообразить себе, что поселения исследователей мало будут походить на марсианские города из рассказов Брэдбери, в них будут работать, а не любоваться красотой архитектуры и интерьеров. Но убежден, что первые исследователи планеты нет-нет да и перелистают на досуге книгу, на обложке которой будет красоваться знакомое: «Марсианские хроники».

■ МЕРИДИАНЫ ФАНТАСТИКИ

[ХРОНИКА СОБЫТИЙ В МИРЕ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ,
ЗИМА — ЛЕТО 1981 ГОДА]

ПО СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ

7—14 января в Мурманске по инициативе обкома ВЛКСМ проводилась неделя научной фантастики, на которую были приглашены писатели Д. Биленкин и Г. Гуревич (Москва), С. Снегов (Калининград), критик Е. Брандис (Ленинград). Гости выступали перед читателями библиотек в Мурманске и Северодвинске, рабочими судоремонтного завода, учащимися ПТУ, военными моряками. Газета «Комсомолец Заполярья» поместила ряд материалов по научной фантастике.

28—29 января Совет по приключенческому и научно-фантастическому кино Союза кинематографистов СССР под председательством кинорежиссера В. Мотыля провел теоретическую конференцию. Доклад о кинофантастике сделал киновед В. Кичин, в прениях о проблемах научно-фантастического кинематографа говорили: режиссер Р. Викторов, писатели Г. Гуревич и А. Стругацкий (Москва), В. Михайлов (Рига), критик Вл. Гаков (Москва). Краткое сообщение о современном западном НФ кино сделал кинокритик Г. Капралов.

11 февраля 1981 года состоялось заседание Совета по приключенческой и научно-фантастической литературе Союза писателей СССР, на котором была обсуждена серия сборников «НФ» издательства «Знание». Вел заседание заместитель председателя Совета Е. Парнов. Со вступительным словом к присутствующим обратился первый заместитель председателя Совета А. Кулешов, после чего был заслушан доклад члена Совета, члена редколлегии сборников «НФ» Вл. Гакова «Научная фантастика в издательстве «Знание».

В прениях по докладу выступили: член редколлегии Д. Биленкин, член редколлегии, доктор философских наук Э. Араб-оглы, член редколлегии Е. Войскунский, член Совета, писатель В. Михайлов, критик В. Ревич и другие.

12 апреля, в День космонавтики, в Свердловске состоялось торжественное вручение первого ежегодного приза «Аэлита», учрежденного редакцией журнала «Уральский следопыт» совместно с Советом по приключенческой и научно-фантастической литературе Союза писателей РСФСР. «Эта премия присуждается за создание произведений, получивших широкое признание, отличающихся ак-

туальностью проблематики, новизной авторского замысла и художественного воплощения», — сказано в заметке, опубликованной в апрельском номере «Уральского следопыта». Первыми лауреатами премии стали ведущие советские писатели-фантасты Аркадий и Борис Стругацкие. Их новая повесть «Жук в муравейнике» признана читателями лучшим произведением советской фантастики 1979—1980 годов. За многолетнюю работу в научной фантастике премии был также удостоен Александр Казанцев.

Заметно оживилась деятельность клубов любителей фантастики (КЛФ). Такие клубы, по неполным данным, созданы более чем в 20 городах страны — Москве, Ереване, Риге, Минске, Тбилиси, Мурманске, Харькове, Перми, Свердловске, Кемерово, Новосибирске, Томске, Абакане, Хабаровске и в других городах. Клубы созданы при местных отделениях Всесоюзного общества книголюбов, при областных и городских библиотеках, в университетах и институтах, при местных отделениях Союза писателей. Большое внимание деятельности КЛФ уделяют крайкомы, обкомы и горкомы ВЛКСМ, расценивающие это движение энтузиастов как одну из форм воспитательной работы. В 1980 году постоянные или появляющиеся эпизодически «странички КЛФ» печатались в молодежных газетах «Молодая гвардия» (Пермь), «Молодость Сибири» (Новосибирск), «Молодой ленинец» (Ставрополь и Томск), «Комсомолец Заполярья» (Мурманск), «Молодой дальневосточник» (Хабаровск), в заводских многотиражках «Калининградский целлюлозник» и «Большая Кама» (Пермь) и других. На подобных «страничках» публиковались статьи, заметки, информация, произведения известных писателей и критиков, а также сочинения читателей.

16 апреля исполнилось 65 лет Евгению Павловичу Брандису, видному советскому критику и теоретику фантастики, автору книг (некоторые были написаны в соавторстве с покойным В. Дмитриевским) о жизни и творчестве Жюль Верна («Жюль Верн», «Впередсмотрящий», «Жюль Верн и вопросы развития научно-фантастического романа»), И. А. Ефремова («Через горы времени»), исследований по современной советской и зарубежной научно-фантастической литературе («Советский научно-фантастический роман», «Зеркало тревог и сомнений», «Мир будущего в научной фантастике»), многих статей в периодике.

14 мая в Клубе любителей фантастики при Московском отделении Всесоюзного общества книголюбов состоялась встреча-обсуждение серии сборников «НФ» издательства «Знание».

В начале июля по приглашению Союза писателей СССР в нашей стране гостил президент-координатор Европейского общества писателей-фантастов Клод Авис. Автор более тридцати книг научной фантастики (псевдоним Пьер Барбе), Клод Авис был гостем VII съезда писателей СССР.

ЗА РУБЕЖОМ

Австралия

13—15 июня в г. Аделаиде состоялась очередная, 20-я по счету Национальная конвенция австралийских любителей фантастики. Среди почетных гостей конвенции был известный американский писатель-фантаст Фрэнк Херберт, чей четвертый роман из серии о планете Дюна («Бог — император Дюны») вышел весной и сразу же обеспечил себе место в списке бестселлеров. На конвенции были заслушаны доклады, просмотрены НФ фильмы, вручены традиционные премии «Дитмар» за лучшие произведения года.

Болгария

В издательстве «Партиздат» вышел коллективный труд болгарских исследователей «Прогностика, фантастика, мировоззрение», посвященный идеологическим, воспитательным аспектам научно-фантастической литературы. Среди авторов — молодые писатели, критики, ученые, занимающиеся вопросами идеологической борьбы, культуры, социального прогнозирования (А. Славов, Г. Арнаудов, Ю. Илков, В. Сивов и другие). Книга состоит из разделов: «Идеологические аспекты научной прогностики и фантастики», «Сценарии будущего мира», «Утопия, антиутопия и научная фантастика», «Миф, фантазия, научная фантастика», «Фантастика, религия, мировоззрение», «Безграничность познания и научная фантастика».

Великобритания

По данным библиографа Д. Бишоп, издающего ежеквартальный бюллетень «НФ книги, выпущенные в Великобритании», в 1980 году в английских издательствах вышло около 600 книг, из которых приблизительно половину составляют оригинальные издания. Из этих же данных следует, что подавляющее большинство книг — это перепечатки с соответствующих американских изданий, а собственно английской научной фантастики издается не так уж много.

Исполнилось 95 лет со дня рождения известного ученого-философа и писателя Олафа Стэплдона (1886—1950), автора знаменитых в свое время фантастических романов «Последние и первые люди», «Последние люди в Лондоне», «Странный Джон», «Сирнус»,

«Создатель звезд» и других произведений. Написанные в 30—40-е годы и более напоминающие беллетризованные философские трактаты, нежели художественную прозу, книги О. Стэплдона содержат массу оригинальных концепций, сюжетных ходов и философских, прогностических идей, которые впоследствии неоднократно «переоткрывались» в мировой фантастике.

На 32-й ежегодной Британской конвенции в г. Лидсе, состоявшейся 17—20 апреля и собравшей более 650 участников, были присуждены ежегодные награды Британской ассоциации научных фантастов. Награда, аналогичная американской «Небьюле», присуждается за произведения, вышедшие в Англии или США в предшествующий год (в данном случае произведения 1980 года). Лучшим романом признан «Стержень времени» Грегори Бенфорда, а лучшим рассказом — новелла Томаса Диша «Храбрый маленький тостер».

Венгрия

Многие произведения советской фантастики увидели свет в последних выпусках популярных альманахов «Галактика» и «Метагалактика» («Галактика», по объему соответствующая нашему «Искателю», выпускается раз в два месяца и представляет собой нечто среднее между сборником и журналом; «Метагалактика» — ежегодник). 39-й выпуск, вышедший в декабре 1980 года, полностью посвящен российской фантастике. В выпуске представлены произведения В. Бабенко (Москва), В. Колупаева (Томск), М. Михеева (Новосибирск), М. Грешнова (Лабинск), С. Другаля и В. Крапивина (Свердловск), Б. Лапина (Иркутск) и Ю. Шпакова (Оренбург). Заключает выпуск обзор Вл. Гакова «Путешествие по фантастической России».

В 40-м выпуске помещен рассказ В. Цыганова (Туймазы).

Во 2-м выпуске «Метагалактики», также полностью посвященном советской научной фантастике, представлены произведения как ветеранов Г. Альтова, А. Беляева, Е. Войскунского и И. Лукодянова, А. Казанцева, В. Савченко, В. Сапарина, братьев Стругацких, так и представителей «среднего» и самого «младшего» поколений советских фантастов: М. Бубновой и О. Келасьева (Ленинград), М. Грешнова (Лабинск), В. Демина (Москва), С. Другаля (Свердловск), В. Колупаева (Томск), Д. Константиновского (Новосибирск), Г. Лаврова (Москва), Б. Лапина (Иркутск), М. Михеева (Новосибирск), Ю. Никитина (Харьков), Ю. Тупицына (Волгоград), Ю. Фомина (Москва).

Польша

Международный институт научной фантастики на заседании в Варшаве присудил специальную премию за творчество — медаль

«Золотые крылья фантазии» — советскому писателю Еремю Парнову, председателю советской секции Европейского комитета писателей-фантастов, вице-президенту Всемирной организации научной фантастики (ВОНФ).

США

Большой интерес вызвало сообщение о том, что известный ученый-астроном и популяризатор науки профессор Карл Саган обратился к научной фантастике. Научно-фантастический роман К. Сагана «Контакт» еще до выхода в свет получил значительную рекламу и автоматически — «авансом» — занял место в списке бестселлеров. Девять ведущих американских издательств «боролись» на аукционе за право издать еще не написанный роман (издательствам был разослан только подробный проспект)...

18—21 марта в университете штата Флорида состоялась 2-я Международная конференция «Фантастическое в искусстве и литературе», собравшая более 500 любителей фантастики, писателей, художников и музыкантов из США, Канады, Европы и Южной Америки.

23 мая исполнилось 60 лет со дня рождения известного писателя-фантаста Джемса Блиша (1921—1975), автора НФ романов «Дело совести», «Воины дня», «Морозный год», «Ф. О. К.» (с Д. Найтом), «Назавтра после Судного дня», тетралогии «Города в небесах» и других книг, а также двух сборников статей о научной фантастике. Творчество Д. Блиша относится к так называемой «строгой научной фантастике», проникнуто гуманизмом и верой в человека.

Исполнилось 85 лет со дня рождения известного писателя-фантаста Мюррея Лейнстера (псевдоним Уильяма Дженкинса, 1896—1975), опубликовавшего свое первое научно-фантастическое произведение в 1919 году. Перу М. Лейнстера принадлежат почти полсотни НФ книг и множество рассказов (некоторые рассказы переведены в СССР). И хотя литературными достоинствами произведения М. Лейнстера не блистали, он пользовался огромным авторитетом в мире научной фантастики, до самой смерти оставаясь почетным «старейшиной» американских фантастов.

Сенсацию среди американских «фэнов» вызвало сообщение о том, что всемирно известный писатель-фантаст Айзек Азимов под-

писал контракт с издательством «Даблдэй» на новый роман из серии «Основание». Серия, состоявшая до сих пор из трех романов («Основание», «Основание и Империя», «Второе Основание»), посвящена далекому будущему галактической цивилизации. Серия была написана в 40-е годы, а как книжное издание появилась в 1951—1953 годах, и была удостоена специальной премии «Хьюго» как «лучшая серия научной фантастики всех времен». Предполагается, что роман увидит свет в 1982 году.

Франция

24 января исполнилось 70 лет известному писателю-фантасту Рене Баржавелю, автору НФ романов «Неосторожный путешественник», «Дьявол забирает все», «Лунный Колумб», «Сильный человек», «Ночь времен», «Большой секрет» и других. Р. Баржавель пишет преимущественно авантюрно-развлекательную фантастику, тем не менее отдельные вещи писателя проникнуты духом гуманизма и по праву занимают видное место в современной научной фантастике Франции.

17 февраля исполнилось 125 лет со дня рождения видного французского писателя Жозефа Рони-старшего (псевдоним Жозефа-Анри Бёкса, 1856—1940), автора фантастических книг «Гигантская кошка», «Большая загадка», «Навигаторы бесконечного» и других, одного из первых в мировой научно-фантастической литературе произведений о контакте землян с «негуманоидными» инопланетянами (рассказ «Ксипехузы», переведенный в СССР), а также знаменитой серии книг о жизни доисторических людей (некоторые книги серии также переведены в СССР). Критика называла Ж. Рони-старшего «вторым после Жюль Верна фантастом Франции».

ЮГОСЛАВИЯ

С 28 февраля по 1 марта в г. Загребе проходила 2-я ежегодная конвенция любителей фантастики Югославии. На встрече присутствовало более сотни участников. Впервые были присуждены национальные югославские премии за достижения в области научной фантастики («Юго-Хьюго»). Лучшим романом года признан роман Михи Ремеча «Опознание», а премию за лучший рассказ получил Горан Худеч.

Материал подготовлен Вл. Г а к о в ы м

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия 3

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Машина желаний. 7

Виктор Колупаев. «Толстяк» над миром 40

СЛОВО — МОЛОДЫМ

Вячеслав Рыбаков. Художник 103

Леонид Панасенко. Диалог 110

Владимир Покровский. Что такое «не везет»? 117

Александр Силецкий. Третий день ветер 124

ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

Эрик Фрэнк Рассел. И слышался голос 130

ПУБЛИЦИСТИКА

Вл. Гаков. Сказание о Марсе и о Земле 176

МЕРИДИАНЫ ФАНТАСТИКИ 194

СБОРНИК НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

ВЫПУСК 25

Составитель Б. Г. Ключева

Оформление В. И. Савелы

Иллюстрации А. Г. Антонова

Главный отраслевой редактор В. П. Демьянов

Редактор В. М. Климачева

Мл. редактор Н. П. Терехина

Худож. редактор Т. С. Егорова

Техн. редактор Т. В. Луговская

Корректор Р. С. Колокольчикова

ИБ № 3036

Сдано в набор 16.01.81. Подписано к печати 03.09.81. А 11279. Формат бумаги 84×108/32. Бумага тип. № 2. Гарнитура журнально-рубленая. Печать высокая. Усл. печ. л. 10,5. Усл. кр.-отт. 10,92. Уч.-изд. л. 13,11. Тираж 200 000 экз. Заказ 1—237. Цена 90 коп. Издательство «Знание», 101835, ГСП, Москва, Центр, проезд Серова, д. 4. Индекс заказа 817724.

Головное предприятие республиканского производственного объединения «Поліграфкинг». 252057, Киев, ул. Довженко, 3.

90 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО •ЗНАНИЕ•

